

ISSN 1403-7068 (Print)

ISSN 2002-3847 (Online)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

Журнал
социально-политических исследований

Издается с 1998 года

Том 20
Выпуск 4
2017

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ И ИЗДАТЕЛИ

ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ И
КАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Номер регистрации: 620720-0459
Государственная администрация
патентов и регистрации
Швеции

ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАВКАЗА

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции
Азербайджанской
Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

СА&СС Press®. ШВЕЦИЯ

Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 22 339
Государственная администрация патентов и регистрации Швеции

Редакционный совет

Эльдар ИСМАИЛОВ	Председатель редакционного совета Тел/факс: (994 - 12) 497 12 22; E-mail: elis@tdb.baku.az
Мурад ЭСЕНОВ	Главный редактор Тел/факс: (46) 70 232 16 55; E-mail: m.esenov@gmail.com
Владимир ПАПАВА	Заместитель главного редактора Тел.: (995 - 32) 24 35 55; E-mail: papavavladimer@yahoo.com
Джаннатхан ЭЙВАЗОВ	Заместитель главного редактора Тел/факс: (994 - 12) 596 11 73; E-mail: jeyvazov@gmail.com
Каламкас ЕСИМОВА	Представитель журнала в Казахстане (Астана) Тел/факс: (+7 701) 7408600; E-mail: kesimova@gmail.com
Айнура ЭЛЕБАЕВА	Представитель журнала в Кыргызстане (Бишкек) Тел: (996 - 312) 61 30 36; E-mail: ainur_eb@mail.ru
Саодат ОЛИМОВА	Представитель журнала в Таджикистане (Душанбе) Тел.: (992 372) 21 89 95; E-mail: olimov@tajik.net
Фархад ТОЛИПОВ	Представитель журнала в Узбекистане (Ташкент) Тел.: (998 - 71) 225 43 22; E-mail: farkhad_tolipov@yahoo.com
Зия КЕНГЕРЛИ	Представитель журнала в Азербайджане (Баку) Тел: (+994 - 50) 3006694; E-mail: ziken12@yahoo.co.uk
Давид ПЕТРОСЯН	Представитель журнала в Армении (Ереван) Тел.: (374 - 10) 56 88 10; E-mail: dave@arminco.com
Кахабер ЕРАДЗЕ	Представитель журнала в Грузии (Тбилиси) Тел.: (+995 - 95) 45 82 88; E-mail: kakha_ae@yahoo.com
Владимир МЕСАМЕД	Представитель журнала на Ближнем Востоке (Иерусалим) Тел.: (972) 2 5882332; E-mail: mssamed@olive.mscc.huji.ac.il
Конрад ШАФФЛЕР	Представитель журнала в Германии (Мюнхен) Тел.: (49 - 89) 3003132; E-mail: GA-infoservice@s.m.isar.de
Сунь ЧЖУАНЧЖИ	Представитель журнала в Китае (Пекин) Тел.: (86) 10-64039088; E-mail: sunzhzh@isc.cass.net.cn
Ирина ЕГОРОВА	Представитель журнала в Российской Федерации (Москва) Тел. (7 - 495) 3163146; E-mail: egorova@mosinfo.ru
Роберт ГУАН ТЯНЬ	Представитель журнала в США (Буффало, Нью-Йорк) Тел.: (716) 880-2104; E-mail: robert.g.tian@medaille.edu
Рустем ДЖАНГУЖИН	Представитель журнала в Украине (Киев) Тел.: (380 - 44) 524 79 13; E-mail: zhangozha@yahoo.co.uk

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акиф АБДУЛЛАЕВ	Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Кавказа (Азербайджан)
Мустафа АЙДЫН	Ректор университета им. Кадира Хаса (Турция)
Бюлент АРАЗ	Доктор, заведующий кафедрой международных отношений Университета Фатих (Турция)
Марьям АРУНОВА	Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Россия)
Гарник АСАТРЯН	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранских исследований Ереванского государственного университета (Армения)
Джеймс ВЕРЧ	Профессор Вашингтонского университета в Сент-Луисе, директор программы международных и региональных исследований (США)
Пол ГОБЛ	Главный консультант радиостанции «Голос Америки» (США)
Сергей ГРЕЦКИЙ	Доктор, заведующий кафедрой Центральной Азии Института заграничной службы Государственного департамента США (США)
Син ГУАНЧЭН	Доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (Китай)
Стефен ДЖОНС	Профессор, эксперт по исследованиям России и Евразии колледжа Монт Холуоки (США)
Станислав ЖУКОВ	Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия)
Александр ИГНАТЕНКО	Президент Института религии и политики, доктор философских наук, исламовед, главный эксперт НИИ социальных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (Россия)
Ашурбой ИМОМОВ	Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Таджикского национального университета (Таджикистан)
Лена ЙОНСОН	Доктор, старший научный сотрудник Института международных отношений Швеции (Швеция)
Сванте КОРНЕЛ	Профессор, директор по исследованиям Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Зайнидин КУРМАНОВ	Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Кыргызско-Российского университета (Кыргызстан)
Яков М. ЛАНДАУ	Профессор политологии Еврейского университета (Израиль)
Роджер МАКДЕРМОТТ	Научный сотрудник Института изучения стран Ближнего Востока, Центральной Азии и Кавказа (MECAS) Сент-Эндрюсского университета, Шотландия (Великобритания)
Нейл МАКФАРЛЕН	Профессор, директор Центра международных исследований Оксфордского университета (Великобритания)
Алексей МАЛАШЕНКО	Доктор исторических наук, член научного совета и содиректор программы «Этничность и нации-строительство» Московского центра Карнеги (Россия)
Аббас МАЛЕКИ	Доктор, генеральный директор Международного института по исследованию Каспийского региона (Иран)
Акира МАТСУНАГА	Доктор, эксперт по истории Центральной Азии и Кавказа, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)
Роин МЕТРЕВЕЛИ	Доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии наук Грузии, президент Национального комитета грузинских историков (Грузия)
Назим МУЗАФФАРЛИ	Доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджан)
Виталий НАУМКИН	Доктор исторических наук, профессор, директор Центра стратегических и международных исследований РФ (Россия)
Еренгаип ОМАРОВ	Ректор университета Кайнар, президент Академии естественных наук Республики Казахстан (Казахстан)
Автандил СИЛАГАДЗЕ	Доктор экономических наук, профессор Тбилисского университета международных отношений, академик Национальной академии наук Грузии (Грузия)
Фредерик СТАРР	Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Уильям ФИЕРМАН	Доктор политических наук, профессор Индианского университета (США)
Клара ХАФИЗОВА	Доктор исторических наук, директор Центра стратегических и международных исследований, профессор факультета международных отношений и внешней политики Университета «Кайнар» (Казахстан)
Алла ЯЗЬКОВА	Доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «Средиземноморье-Черноморье» Института Европы Российской академии наук (Россия)

Материалы, публикуемые в журнале, не обязательно отражают точку зрения Редакции и Редколлегии

АДРЕС РЕДАКЦИИ: CA&CC Press AB, Hubertusstigen 9. 97455 Luleå, SWEDEN

ВЕБ АДРЕС: www.ca-c.org

© «Центральная Азия и Кавказ», 2017

© CA&CC Press®, 2017

**«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
И
КАВКАЗ»**

Журнал социально-политических исследований

**Том 20
Выпуск 4
2017**

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

**ЭКОНОМИКА И
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

- А. Аубакирова,** НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ:
С. Умирзаков, ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ
Н. Айтенов. ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(Взгляд из Казахстана) 7
- С. Жильцов,**
Д. Слизовский,
Н. Шуленина, ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА:
Е. Бажанов. ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ 21
- М.А. Бхат.** МЕСТО ЭНЕРГОРЕСУРСОВ
В ИРАНО-ТУРКМЕНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ..... 32
- Ф. Исмаилова.** ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ УРОВНЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА
В ЭКОНОМИКУ И УСТОЙЧИВОСТЬЮ ЕЕ
К КРИЗИСАМ 38

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МИГРАЦИЯ

Р. Нуртазина, А. Токтушаков.	СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (на примере Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана).....	49
Е. Письменная, С. Рязанцев, О. Пичков, А. Лукьянец.	СОЦИАЛЬНО-ЭКОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	61
А. Иванова, С. Рязанцев.	ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	69

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Р. Подопригора, Н. Касенова.	ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	79
С. Галиуллина, А. Сулейманов, Г. Ниязова, Ю. Баулина.	ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ	91
И. Карабулатова, М. Полехина, С. Ляушева, Н. Дубинина.	ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА СУФИЗМА В ЭКСПРЕССИВНЫЙ ДИСКУРС ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ «НАРОДНОГО ИСЛАМА»	99
В. Акаев, М. Келигов, Б. Нанаева.	ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ	107
И. Бабич.	СОВРЕМЕННЫЕ АДЫГИ-ХРИСТИАНЕ	116

Содержание номеров журнала «Центральная Азия и Кавказ» Том 20 за 2017 г.	125
--	-----

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

**Основными темами
трех ближайших номеров журнала будут:**

- **Современный политический процесс
в странах Центральной Евразии**
- **Религия в общественно-политической жизни
стран Центральной Евразии**
- **Интеграционные процессы в Центральной Евразии**

**При подготовке статей
авторам следует обратить внимание
на следующие пункты:**

- в начале статьи должна быть выделена короткая аннотация (300—500 слов) и ключевые слова статьи;
- объем статьи должен быть не менее 3 тыс. и не более 6 тыс. слов, включая сноски;
- сноски должны быть помещены внизу каждой страницы; если есть ссылки на интернет-ресурсы, то надо указать имя автора, название материала, веб адрес и когда был осуществлен доступ, *например*, доступна — 2007-04-19;
- цитаты, имена авторов и другие сведения из англоязычных источников должны быть дублированы в скобках на языке оригинала, то есть на английском;
- статья должна быть разделена на отдельные рубрики, включая Введение и Заключение;
- к статье надо приложить краткие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, место работы, должность, город, страна.

**Все принятые статьи публикуются на русском и английском языках.
Статьи должны быть представлены в редакцию на русском и
английском языках, или вопросы перевода статьи нужно обсудить
с редакцией в индивидуальном порядке.**

ЭКОНОМИКА И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (Взгляд из Казахстана)

Амина АУБАКИРОВА

*доктор географических наук,
профессор ВАК МОН РК по экономике,
профессор кафедры «Экономика» Школы экономики и
менеджмента АО «Университет Нархоз»
(Алматы, Казахстан)*

Самажан УМИРЗАКОВ

*доктор экономических наук,
профессор, декан Школы экономики и
менеджмента АО «Университет Нархоз»
(Алматы, Казахстан)*

Нурахмет АЙТЕНОВ

*магистр гуманитарных наук
по специальности «Международные отношения»,
ведущий специалист Школы экономики и
менеджмента АО «Университет Нархоз»
(Алматы, Казахстан)*

АННОТАЦИЯ

В связи с китайским проектом «Один пояс — один путь» в статье рассматриваются геополитические аспекты путей его осуществления. Основное внимание уделено участию в проекте Казахстана и постсоветских стран Закавказья, Центральной Азии. Выявлены геополитические интересы России и

Китая, Турции и Ирана, а также внерегиональных держав — Европейского союза и США. Предпринята попытка очертить новые угрозы и риски для региона в связи со строительством Нового шелкового пути. Авторы статьи представляют свою точку зрения главным образом через призму интересов Казахстана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Центральная Азия, Новый шелковый путь (НШП), участие Китая, России, стран Запада в строительстве НШП, риски и вызовы для Центральной Азии.*

Введение

После распада Советского Союза геополитическое положение республик Средней Азии и Казахстана оказалось чрезвычайно тяжелым. Все они расположены в глубине самого большого материка — Евразии, вдалеке от морских путей. В последние два века, входя в состав Российской империи, а затем СССР, эти республики воспринимались мировым сообществом как отсталые окраины менявшей свое название империи.

В течение многих веков через регион проходил Великий шелковый путь. Многие средневековые города на территории Южного Казахстана и республик Средней Азии появились только благодаря этому пути. И сегодня их туристическое значение во многом связано с сохранившимися объектами Шелкового пути. Однако в результате открытия морского сообщения между Востоком и Западом регион, не имеющий выхода к морю, надолго оказался в изоляции. Вторая причина разрыва связей региона как с Востоком, так и с Западом заключалась в политике Российской империи, а затем Советского Союза. Но, может быть, именно из-за разорванности связей с внешним миром и обусловленной этим искусственной консервации регион и в советский период сохранил свою самобытность. В новейшее же время постсоветская Центральная Азия, находясь между двумя сильными государствами региона — Россией и Китаем — и исламским миром, в частности Турцией и Ираном, уже четверть века испытывает не только их политическое, но и сильнейшее цивилизационное влияние. Осознание своей принадлежности к тюрко-мусульманской культуре, влияние Китая, сильные традиции постсоветской ментальности, поиски в истории своей национальной идентичности — все это причудливо сплывало в современной истории региона. Как же отразится возрождение Великого шелкового пути на поисках регионом своего места в мировом сообществе? Останется ли он в постсоветском пространстве, под сильным влиянием России, превратится ли в сырьевой придаток Китая, или решающим окажется влияние тюрко-мусульманских корней?

За 25 лет независимого развития постсоветские республики Центральной Азии стали полноправными членами многих международных и региональных организаций, однако отсутствие прямых путей сообщения с Европой и Китаем серьезно затрудняло интеграцию в мировое экономическое и политическое пространство. Чтобы вырваться из этой ловушки, не-

обходимы были огромные финансовые средства, отсутствовавшие у государств региона, и добрая воля стран-соседей. Кроме того, в регионе в этот период преобладали центристские силы, все страны предпочитали искать себе политических и экономических партнеров за пределами региона. В частности, граждане региона с удивлением открывали для себя тюркоязычный и исламский мир, от которого были искусственно оторваны в течение многих веков. Но историческая память о временах Великого шелкового пути у народов сохранилась.

Термин «Шелковый путь» был введен в оборот Фердинандом фон Рихтгофеном после его экспедиций в Китай 1868—1872 годов¹. О возрождении исторического маршрута всерьез заговорили в конце XX века, когда новые транспортные технологии дали возможность рентабельно осуществлять большие трансконтинентальные перевозки в сложных погодных условиях.

Азия в XXI веке демонстрирует небывалую открытость и высокие темпы экономического роста. Но экономическое развитие внутренних пространств Евразии сдерживается отсутствием транспортных коммуникаций. И китайская инициатива возрождения Великого шелкового пути возникла в нужное время и в нужном месте. Но в условиях глобализации в эту экономическую необходимость вмешиваются политические интересы стран, зачастую расположенных далеко от исторических маршрутов. Возможные альтернативы этих маршрутов используются ведущими державами в качестве рычагов их внешней политики.

Цель данного исследования — анализ альтернативных вариантов прохождения маршрутов Нового шелкового пути с точки зрения интересов Казахстана, а также выявление при этом угроз и рисков.

Интересы региона Центральная Азия в свете проекта «Один пояс — один путь»

Сегодня можно сказать, что Центральная Азия в целом не имеет своей региональной идентичности, в международных отношениях не выступает как единый регион с общими региональными проблемами. Общих региональных проектов тоже нет. А ведь в течение многих веков этот тюркоязычный исламский регион географически и исторически представлял собой единое целое. Он объединял народы с кочевой и оседлой культурой, нуждавшиеся друг в друге в хозяйственном отношении. И в рамках СССР он развивался как единый территориально-производственный комплекс — аналог современных кластеров в специфических условиях советского времени. Совместно использовались водные и другие ресурсы региона. Впоследствии, в период независимого развития, эти же ресурсы стали источником непрекращающихся конфликтов в регионе.

Нет единства и в политических действиях республик региона. Инициатива создания Центрально-Азиатского союза (ЦАС) не смогла реализоваться из-за позиции Узбекистана. В экономическом отношении страны оторваны друг от друга. Из всех государств только Казахстан добился определенных успехов на пути рыночных преобразований. Кыргызстан и Таджикистан, пережившие гражданские войны и социальные потрясения, относятся к самым бедным государствам (156 и 158-е места соответственно по размерам валового национального дохода на душу населения)². Туркменистан предпочитает дистанцироваться от своих соседей. Узбе-

¹ См.: *Elisseeff V. The Silk Roads: Highways of Culture and Commerce*. NY: Berghahn Books, 2000. P. 258.

² См.: Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения // Гуманитарные технологии: информационно-аналитический портал, 30 октября 2016 [<http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info>], 11 июня 2017.

кистан до последнего времени отличался непредсказуемой внешней политикой, лавируя между США, Китаем и Россией. В этих условиях инициатива возрождения Шелкового пути могла бы объединить государства региона. Страны региона должны использовать свой исторический шанс, переступив через взаимное недоверие. Из всех государств региона Казахстан имеет наиболее протяженную границу с Китаем и, соответственно, больше всех остальных заинтересован в китайском проекте «Один пояс — один путь».

Интересы Казахстана

Надо сказать, что Казахстан ранее своих соседей, еще до представления председателем КНР Си Цзиньпином своего исторического проекта Нового шелкового пути, осознал необходимость ускоренного создания транспортной инфраструктуры. В 2011 году президент Казахстана Н. Назарбаев объявил возрождение Шелкового пути стратегической задачей. В январе 2013 года правительством республики был принят Комплексный план мероприятий по реализации проекта³, который успешно осуществляется. В конце 2014 года президент предложил программу «Нұрлы жол» — «Светлый путь»⁴. В ее основе — пятилетний план инфраструктурного развития регионов.

За 25 лет независимости Казахстан построил больше железнодорожных магистралей, чем остальные страны СНГ. Из крупных проектов Казахстан осуществил выход через Туркменистан в Иран; построил второй выход на границе с Китаем; здесь же работает совместная с Китаем свободная экономическая зона «Хоргос»; идут большие работы по строительству крупного морского порта Актау на Каспийском море. Под эгидой Европейского союза строится автомобильная дорога Западная Европа — Западный Китай через территории России и четырех южных областей Казахстана. Казахстанская часть дороги завершена в декабре 2016 года, что позволит сократить сроки доставки грузов автотранспортом почти в 3,5 раза по сравнению с морским путем. Протяженность казахстанского участка международного транзитного коридора составляет 2 787 км. Сдача в эксплуатацию российского участка автомагистрали планируется не ранее 2020 года⁵.

К настоящему времени наметились четыре основных варианта транспортных коридоров Нового шелкового пути. Каждое из направлений имеет свои плюсы и минусы и в экономическом, и в геополитическом раскладе, но все они вполне способны конкурировать с морскими путями. Основными участниками проекта являются Казахстан и Россия. Трасса через Казахстан и Кавказ сокращает расстояние от Китая до Европы по сравнению с морским путем через Суэцкий канал почти в 2 раза и на 2—3 тыс. км по сравнению с Транссибом. Подсчитано, что грузы из китайского порта Ляньюньгань до Берлина (это более 11 тыс. км) доставляются морским путем за 20—40 дней, а по железной дороге — за 11 дней. Грузовой поезд Чуньцин — Дуйсбург преодолевает это расстояние за 15 суток, его средняя скорость составляет 726 км в сутки.

³ См.: Распоряжение премьер-министра Республики Казахстан от 25 декабря 2012 года № 231-р «Об утверждении Комплексного плана мероприятий по реализации проекта «Казахстан — Новый шелковый путь» // Республиканский центр правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан «Әділет» [<http://adilet.zan.kz/rus/docs/R1200000231>], 15 июня 2017.

⁴ См.: Государственная программа инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015—2019 годы // Национальный управляющий холдинг «Байтерек» [<http://www.baiterek.gov.kz/ru/activities/state-programs/nurly-zhol/>], 15 июня 2017.

⁵ См.: *Шадрин Т.* От Европы до Китая проложат дорогу // Российская газета RG.RU, 18 марта 2013 [<http://www.rg.ru/2013/03/18/doroga-site.html>], 22 мая 2017.

Интересы государств постсоветской Центральной Азии

Из четырех стран постсоветской Центральной Азии помимо Казахстана общую границу с ЛНР имеют Кыргызстан и Таджикистан, но у них нет прямого железнодорожного сообщения с Китаем. Предложенный Китаем еще в 1996 году маршрут предполагал строительство железной дороги через Кыргызстан в Узбекистан и далее через Таджикистан, Афганистан, Иран и Турцию. Однако кыргызские эксперты считают, что соединение железной дорогой Кыргызстана с Узбекистаном нарушит сложившийся негласный баланс между северной и южной элитами Кыргызстана и что вначале надо построить внутреннюю ветку, соединяющую север и юг республики⁶.

Дело в том, что сегодня северная железная дорога связывает Кыргызстан с Казахстаном, а южная — с Узбекистаном. Есть еще линии, связывающие Кыргызстан с густонаселенными районами Ферганской долины Узбекистана, но по всем трем направлениям Кыргызстан зависит от доброй воли своих соседей. В обществе возобладало мнение, что предложенная Пекином дорога выгодна Китаю и Узбекистану, но не Кыргызстану. Были сложности по условиям, на которых придут в страну китайские инвестиции. На пресс-конференции 16 декабря 2013 года президент А. Атамбаев признал даже, что проект «не решает ни одной проблемы» страны и противоречит ее национальным интересам», и проект был приостановлен. Но с тех пор политические приоритеты правительства А. Атамбаева сместились от США к России, что подтверждается уходом американцев с кыргызской авиабазы «Манас». Республика стала полноценным членом Евразийского экономического союза и участником евразийских инфраструктурных проектов, инициированных КНР. Все это ускорило решение о строительстве железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан, о чем А. Атамбаев заявил на Ташкентском саммите ШОС в июле 2016 года⁷.

Однако некоторые ученые дают другую оценку трансконтинентальному транзиту через Кыргызстан. Так, известный эксперт по инфраструктурным проектам Центральной Азии К. Рахимов называет слабые стороны проекта: «Ни о каком трансконтинентальном железнодорожном транзите из Китая в Европу через Кыргызстан речи быть не может... На маршруте будет восемь госграниц, две процедуры смены колесных пар: сначала на кыргызско-китайской границе, а затем на туркменско-иранской, и еще две паромные переправы в Турции через озеро Ван и через Босфорский пролив»⁸. Эксперт доказывает, что в экономическом отношении приоритетом для Кыргызстана должно быть соединение железной дорогой севера и юга республики. Это направление интересно инвесторам из России, выгодно Казахстану и южным государствам, в том числе Индии и Пакистану. Близок к мнению К. Рахимова и взгляд американского эксперта Дж. Энгвела, который также невысоко оценивает шансы Кыргызстана, характеризуя республику как «неорганизованный остров демократии в Центральной Азии»⁹. Большинство экспертов указывают на сохраняющуюся нестабильность в соседнем Афганистане.

⁶ См.: Пале С. Киргизия и китайский «Новый шелковый путь» // Новое Восточное обозрение NEO, 3 сентября 2015 [<http://ru.journal-neo.org/2015/09/03/kirgiziya-i-kitajskij-novy-j-shelkovy-j-put/>], 27 мая 2017.

⁷ См.: Курятов В. ШОС-2016: вызовы и перспективы // Казахстанская правда, 25 июня 2016 [<http://www.kazpravda.kz/articles/view/shos-2016-vizovi-i-perspektivi1>], 24 мая 2017.

⁸ Тимофеев А. Железная дорога Китай — Кыргызстан — Узбекистан. Вопросы без ответов // Вечерний Бишкек, 4 февраля 2013 [<http://stanradar.com/news/full/503-zheleznaja-doroga-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan-riski-i-vygody.html>], 27 мая 2017.

⁹ Engvall J. Flirting with State Failure: Power and Politics in Kyrgyzstan since Independence. — A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Washington, D. C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011. P. 18.

Для Казахстана новое китайско-кыргызское направление является конкурентом в перевозке грузов из Китая в Европу, но КНР исходит из интересов своих юго-западных районов. По большому же счету для Казахстана это еще один выход на рынки Европы и стран Ближнего Востока, в Турцию, Иран.

Китай предлагает еще один вариант — через Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан, Иран. Для Кыргызстана и Таджикистана это более приемлемый проект, так как он существенно снизил бы их транспортную зависимость от Ташкента. У обеих республик сложные отношения с Узбекистаном, который во время ухудшения обстановки в регионе всегда мог перекрыть транзит через свою территорию. Но оба маршрута проходят по горным территориям Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана и осложняются строительством в труднодоступных районах.

Для Казахстана этот последний проект является более опасным конкурентом, чем первый вариант, так как протяженность дороги через Таджикистан составит всего 1 972 км¹⁰, в то время как протяженность казахстанского маршрута из Китая в Иран составляет 10 тыс. км. Но казахстанская дорога уже построена и получила выход к крупнейшему иранскому рынку. В любом случае наличие множества выходов из Китая в Европу через территорию этих стран надо рассматривать только как положительный момент для региона в целом. Однако политика превалирует над экономикой. Каждая страна, не доверяя соседям, исходит из собственных узких интересов, не пытаясь решать общие региональные задачи на пользу всем.

Таким образом, в решении транспортных проблем региона большую роль играют экономические и геополитические интересы двух крупнейших стран Евразии — Китая и России. Несогласованная политика самих стран региона не улучшает ситуацию.

Интересы Китая и России в свете проекта «Один пояс — один путь»

КНР, инициируя проект «Один пояс — один путь», решает несколько задач своей внутренней и внешней экономической политики. Стране необходимо найти применение избыточным мощностям по строительству автомобильных и железных дорог, найти новые рынки сбыта своей продукции для достижения объявленной цели — создать среднезажиточное общество к 2021 году¹¹.

Китай также заинтересован в интенсивном развитии наиболее бедных внутренних и западных регионов, в частности Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Их отставание от приморских, восточных регионов чревато социальными взрывами. Поэтому КНР, с ее ежегодным ростом товарооборота в 7—8%, очень заинтересован в формировании транспортной системы на запад через территорию Казахстана, России и государств Центральной Азии. Однако культурные различия являются преградами на пути решения данных проблем¹².

Из внешних факторов отметим следующие. Своим проектом, подкрепленным солидными инвестициями, Китай усилит свое влияние в Центральной Азии. И, самое главное, по мне-

¹⁰ См.: Иран обещает представить проект железной дороги через Таджикистан через три месяца // Iran.ru: Российское информационное агентство, 12 мая 2012 [http://www.iran.ru/news/economics/80454/Iran_obeshchaet_predstavit_proekt_zheleznoy_dorogi_cherez_Tadzhikistan_cherez_tri_mesyaca], 3 июня 2017.

¹¹ См.: *Цепляев В.* Китай в Си мажоре: Чему Россия может поучиться у восточного соседа // Аргументы и факты, 2013, № 13. С. 7.

¹² См.: *Tang D.* China Bans Ramadan Fast for Muslims in Northwest // The Telegraph, 3 July 2014 [<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/10942493/China-bans-Ramadan-fast-in-Muslim-northwest.html>], 10 July 2017.

нию многих американских и европейских аналитиков, Китаю необходимы дополнительные континентальные пути снабжения на случай обострения конфронтации с США и блокирования традиционных морских маршрутов вокруг Евразии. Новый шелковый путь играет важную роль в негласном противостоянии Китая с США¹³.

Китай достаточно хорошо представлен в экономике стран Центральной Азии, особенно в сырьевых отраслях. «В Казахстане на долю китайских компаний приходится уже 20—25% нефтедобычи — ненамного меньше, чем на долю государственного «Казмунайгаза»...» Такое же положение и в соседних республиках — «Китайские инвестиции в Казахстан, Узбекистан и Туркмению превышают российские в 10,7 раза — и в перспективе баланс будет меняться не в нашу пользу», — указывает российский экономист В. Иноземцев¹⁴. В Туркменистане Китай заменил «Газпром» в качестве основного покупателя газа.

Однако опыт государств региона Восточной и Юго-Восточной Азии, имеющих длительную историю взаимоотношений с Китаем в современный период его усиления, говорит, что опасения напрасны. Китай твердо придерживается в своей внешней политике пяти принципов мирного сосуществования, сформулированных в 1950-х годах. Эти принципы основаны на уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела других стран. Американский политолог Дэвид Кан пишет, что восточноазиатские страны не видят в Китае угрозы и им выгодно развивать с ним дружественные отношения¹⁵.

Вероятно, одну из причин такого отношения надо искать в интенсивных экономических связях стран Восточной и Юго-Восточной Азии с Китаем. Уровень развития Китайской Народной Республики по сравнению с приграничными странами позволял ей исторически на протяжении длительного времени находиться в положении Центра¹⁶. Реализация Морского шелкового пути XXI века позволит Китаю еще больше развить отношения со странами данного региона. Стоит отметить, что 80% поставки энергоносителей в КНР идет через Малаккский пролив¹⁷. Тесные экономические связи являются надежной основой для сохранения политической стабильности в регионе. Для государств Центральной Азии это хороший пример.

Но вне зависимости от намерений Китая реализация инициативы «Один пояс — один путь» приведет к серьезным геополитическим последствиям в результате нарастающей мощи Китая и его экономического влияния во всем мире¹⁸. Но для самого Китая продвижение в Центральную Азию к границам Афганистана представляет определенные риски. Наверное, трудно говорить о стабилизации в этой исламской стране не только в краткосрочном, но и в долгосрочном периоде.

Влияние **России** в Центральной Азии трудно переоценить, хотя государства региона на разных этапах своего независимого развития ориентировались на разных внешних игроков. В таких условиях отношения с Россией хотя и сохранялись, но утрачивали приоритетный характер, а кое-где и вовсе (Узбекистан) отходили на второй план. Это было связано и с приоритетами внешней политики самой России после распада Советского союза. Стремление к быстрой интеграции с западными странами привело к тому, что Россия потеряла политическое и эко-

¹³ См.: *Beauchamp-Mustafaga N.* Dispatch from Beijing: PLA Writings on the New Silk Road // *China Brief*, 2015, № 15. P. 1.

¹⁴ См.: *Оверченко М.* Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию // *Ведомости*, 25 октября 2015 [<http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii#/galleries/140737492479880/normal/1>], 22 июня 2017.

¹⁵ См.: *Kang D.* *China Rising: Peace, Power and Order in East Asia*. NY: Columbia University Press, 2007. P. 296.

¹⁶ См.: *Цзычэн Е.* Геополитика и дипломатия Китая. Пекин, 1998. С. 9—13.

¹⁷ См.: *Fallon T.* The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia // *American Foreign Policy Interests*, 2015, Vol. 37, Issue 3. P. 140—147.

¹⁸ См.: *Summers T.* China's «New Silk Roads»: Sub-National Regions and Networks of Global Political Economy // *Third World Quarterly*, 2016, Vol. 37, Issue 9. P. 1628—1643.

номическое влияние в Центральной и Восточной Европе, а также ослабила позиции в странах Центральной Азии¹⁹.

Но с приходом к власти В. Путина переосмысление геостратегии РФ изменило приоритеты внешней политики в сторону азиатских стран. Как писал директор Института США и Канады РАН С. Рогов, «Российская Федерация, в отличие от Советского Союза, не может претендовать на роль сверхдержавы. Однако по размерам своей территории, населения, экономического и научно-технического потенциала она как великая евразийская держава может стать одним из ведущих участников многополярного мира, принимающим равноправное участие в решении вопросов, затрагивающих ее законные интересы»²⁰.

Данный факт изменил обстоятельства присутствия России в Центральной Азии. РФ с образованием Евразийского экономического союза вновь обретает силу и влияние в данном регионе. При этом очень важно, что в информационном пространстве региона влияние России остается исключительно сильным. К тому же ее отношения с Центральной Азией невозможно свести исключительно к межгосударственным. Слишком сильны исторические, культурные, социально-экономические, цивилизационные и географические связи региона с бывшей метрополией. Колоссальное значение по-прежнему имеет человеческий (гуманитарный) фактор. Западные эксперты недооценивают то обстоятельство, что Победа в Великой Отечественной войне все еще является крепким цементирующим фактором для большинства народов постсоветского пространства. Также недооценивается ими и постсоветская ментальность.

Самые дальновидные российские эксперты уверены, что Россия может и должна позиционировать себя не только как выгодного экономического партнера для государств региона, но и как эффективного гаранта их экономической независимости²¹. Это резко контрастирует с существующими настроениями на Западе и среди некоторых кругов внутри центральноазиатских элит, полагающих, что Россия якобы стремится вернуть себе контроль над регионом в колониально-имперском стиле.

РФ в силу своей огромной широтной протяженности обладает конкурентным преимуществом: ее железные дороги — Транссибирская и Байкало-Амурская магистраль (БАМ) — предоставляют уникальную возможность для перевозки грузов из Восточной и Юго-Восточной Азии в Европу.

Утверждается, что в глобальном смысле ниша трансконтинентального транзита крепко занята океанскими перевозками, а сухопутная инфраструктура России, прежде всего железнодорожная, устарела технологически и не может претендовать на ее завоевание. К тому же представители этого направления считают транзит недостаточно привлекательным способом зарабатывания денег, предлагая задействовать транспортные системы преимущественно для экспорта-импорта товаров. Так, через Дальний Восток идет транзит грузов, направляемых из Южной Кореи и Японии в страны СНГ. Российские Транссиб и БАМ занимают традиционно важное место в этих перевозках. По существу, в течение советского и 25-летнего постсоветского времени российские тихоокеанские порты и Транссибирская магистраль фактически не имели конкурентов. Сотрудничество с Китаем предполагает для России инвестиции в модернизацию устаревших в техническом отношении основных транзитных железных дорог Восточной Сибири и Дальнего Востока. Но, не предлагая конкретных планов модернизации, Россия явно упускает время.

Однако большинство российских экспертов полагают, что «транзитный потенциал может стать важным геостратегическим преимуществом России, если потребности остального

¹⁹ См.: *Kolossov V., Turovsky R. Russian Geopolitics at the Fin-de-siècle // Geopolitics, 2001, Vol. 6, Issue 1. P. 141—164.*

²⁰ *Рогов С. Контуры новой российской стратегии // Независимая газета: Сценарии, 1998, № 3. С. 14—15.*

²¹ См.: *Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии. Алматы: КИСИ, 2010. 220 с.*

мира в ее природных ресурсах сократятся»²². Россия долгое время имела конкурентное преимущество в доставке товаров из Японии, Китая, Южной Кореи на территорию стран СНГ и Европы. Как не потерять это конкурентное преимущество в новых условиях? В свете предпринимаемых Казахстаном довольно эффективных мер по усилению своей транспортной инфраструктуры усилия России по модернизации явно отстают. Российские эксперты вынуждены признать, что часть грузов уже переориентируется на казахстанские пути. «Нельзя исключать, что они будут переориентированы с портов южного Приморья на более развитый в инфраструктурном отношении порт Ляньюньган, в котором уже действует совместный казахстанско-китайский логистический комплекс и который является начальным пунктом контейнерного поезда, следующего по маршруту Ляньюньган — Алматы»²³.

Но и у России на этом этапе есть козырь, инструмент давления в лице Евразийского союза, способный помочь ей занять свое место в формирующейся инфраструктуре. Несомненно, это отвечает стратегическим интересам России в регионе и она много делает для этого. Достаточно напомнить об инициировании Россией в ноябре 2014 года создания Объединенной транспортно-логистической компании (АО «ОТЛК»)»²⁴.

Россия хотела бы решать вопросы инфраструктурных проектов по линии Китай — Евразийский союз, но КНР в отношениях с постсоветскими странами уже выработала практику двусторонних переговоров. Такая практика давно ведется Китаем и по решению проблем трансграничных рек.

И в КНР, и в России понимают, что не следует противопоставлять ЕАЭС и китайскую инициативу. Налицо широкое совпадение интересов двух стран. РФ заинтересована в развитии своих восточных регионов, а Китай — в развитии своих северо-восточных регионов, исторически ориентированных на Россию. К тому же России нужны китайские кредиты на модернизацию Транссиба и БАМа. Немаловажно также, что в условиях единого экономического пространства в рамках ЕАЭС возникают новые возможности сотрудничества. К тому же оба государства заинтересованы в сохранении стабильности в регионе.

8 мая 2015 года Россия и Китай подписали соглашение о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Это стало кульминацией беспрецедентного российско-китайского сближения, вызванного разрывом Москвы с Западом. Россия получила яркий символ поддержки от второй экономики мира в период своей конфронтации с Западом, возможность модернизировать свою инфраструктуру на китайские деньги. К тому же это был первый международный договор, заключенный между ЕАЭС и страной за пределами бывшего СССР. Следующие за этим дни ознаменовались празднованием Дня Победы двух стран во Второй мировой войне.

Россия, казалось бы, получила уникальный шанс решить свои традиционные проблемы с железнодорожной инфраструктурой. Китай предоставляет инвестиции и свой почти 30-летний опыт в строительстве дорог в самых сложных условиях. Однако в аналитических работах российских ученых проскальзывает мнение о взаимном недоверии России и Китая. Постсоветская Центральная Азия — традиционная зона российских интересов, и усиление Китая Россию явно не устраивает. Китай же не устает повторять, что рассматривает Россию как важного участника своих инфраструктурных проектов. В Центральной Азии понимают значимость российско-китайского партнерства для региона, его роль для сохранения мира. Наряду с этим

²² *Иноземцев В.* Транзитной страны из России уже не выйдет // Ведомости, 29 ноября 2012 [https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/11/29/tranzita_ne_vyjdet].

²³ *Зуенко И., Зубань С.* Трансконтинентальный транзит Азия — Европа // Мировая экономика и международные отношения, 2016, № 7. С. 70—76.

²⁴ См.: вебсайт АО «ОТЛК» [<http://www.utlc.com/>], 14 июня 2017.

политологи предсказывают неизбежное столкновение интересов Китая и России в Центральной Азии.

Интересы Запада в Центральной Азии в свете проекта «Один пояс — один путь»

Из всего западного мира Западная Европа наиболее тесно связана с Центральной Азией хотя бы потому, что они расположены на одном материке. Безопасность на всем евразийском континенте всегда в зоне внимания Европейского союза. Так, все государства региона являются членами ОБСЕ. В первое время после распада СССР Европа принимала активное участие в становлении рыночных отношений и утверждении западных представлений о демократии в новых независимых странах региона.

Современные отношения региона с Европой позиционируются населением как продвижение демократических ценностей, в особенности в области культуры и образования, в большинстве случаев понятных населению. За 25 лет в регионе выросло целое поколение молодых людей, получивших образование в Европе и воспринявших европейские ценности. Однако, оценивая ситуацию в регионе, эксперты не должны забывать, что в основе своей общества республик остаются традиционными, восточными с высокой долей постсоветской ментальности.

Также позитивно были приняты в регионе инициативы Европы по созданию транспортных коридоров. Это известные программы TRACECA, в которую вошли все республики постсоветской Средней Азии, Казахстан и республики Закавказья²⁵, и INOGATE²⁶. Обе программы финансируются Европейским союзом. С другой стороны, геополитическая установка обеих программ, направленных в обход России и на ослабление зависимости республик региона от нее, не может найти одобрения со стороны России.

С запуском инициативы «Один пояс — один путь» для европейских стран открываются новые возможности расширить сотрудничество со странами Центральной Азии, Китаем и др. Однако есть опасения, что реализация китайской концепции может способствовать разладу в рядах ЕС.

Заинтересованность в привлечении китайских инвестиций странами «новой Европы»²⁷ способствовала рождению форума «16+1» (страны Восточной и Центральной Европы). Высказываются опасения, что теперь 11 стран — членов ЕС могут лоббировать интересы Китая при формировании политики Брюсселя²⁸.

Несмотря на то что Центральная Азия не является зоной особых интересов США, интерес к региону после 2001 года был связан с близостью его к Афганистану. Если силы США и НАТО покинут Афганистан, это неминуемо повлечет снижение геополитического влияния Запада в целом и, вероятно, усилит влияние в регионе Ирана, России и Китая.

По мнению Э. Изери, цель великой стратегии США на XXI век — это усиление американского политического контроля над евразийским материком и его углеводородными ресур-

²⁵ См.: вебсайт TRACECA [<http://www.traceca-org.org/ru/glavnaja/>], 14 июня 2017.

²⁶ См.: вебсайт INOGATE [<http://www.inogate.org/?lang=ru>], 14 июня 2017.

²⁷ См.: Волхонский Б. Перерождение «новой Европы» // Русский Журнал, 25 ноября 2008 [<http://www.russ.ru/pole/Pererozhdenie-novoj-Evropy>], 25 июня 2017.

²⁸ См.: Fallon T. Op. cit.

сами²⁹. Уильям Энгдал писал, что в истории Соединенных Штатов не было администрации, глубже погрязшей в проблемах нефти и энергетики, чем администрация Дж. Буша-младшего³⁰. Именно так Центральная Азия, в частности Каспийский регион, получила значимость в глазах США. Политическая поддержка строительства дорогостоящего трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан служит этому доказательством. В июле 2011 года тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон в ходе своего визита в Индию выдвинула идею «Нового шелкового пути» — транспортного коридора из Южной Азии через Афганистан на север в Центральную Азию. Одной из составляющих данного плана должно было быть строительство Трансафганского газопровода из Туркменистана в Пакистан и Индию (ТАПИ). Конечно, одним из официальных мотивов выдвижения американцами проекта ТАПИ является стабилизация ситуации в Афганистане. Эксперты из России видят в этом проекте в первую очередь попытку США создать линии доступа к ресурсам Центральной Азии в обход России и Ирана³¹.

КНР также долгое время не поддерживала эту инициативу. Как отметил в интервью «Казахстанской правде» известный казахстанский политолог С. Акимбеков, на первом заседании Астанинского клуба в 2015 году Китай впервые заявил, что поддержит Трансафганский газопровод³². После этого Пекин укрепил отношения с Кабулом, и дальнейшие перспективы, вероятно, будут им способствовать.

При реализации ТАПИ страны Центральной Азии получили бы еще один выход через Афганистан на юг, в Пакистан, Индию. Эти крупные страны Южной Азии неоднократно высказывали заинтересованность в природном газе, в нефти из региона. Для стран региона, стремящихся диверсифицировать рынки сбыта своих ресурсов, южное направление рассматривается как возможность ослабить зависимость от одной-единственной страны — России. Реализация инициативы «Один пояс — один путь» открывает Китаю новые маршруты доступа к Индийскому океану, что может изменить весь геостратегический характер Евразийского материка³³.

Интересы стран Закавказья, Турции, Ирана

Интересные возможности открываются перед Азербайджаном, как страной, также занимающей стратегические позиции на маршрутах Нового шелкового пути. Большое внимание уделяется в республике строительству железной дороги Баку — Тбилиси — Карс, проходящей через территории Азербайджана, Грузии и Турции. Завершение строительства планируется к концу 2017 года. Запуск железнодорожного сообщения между Турцией и Грузией придаст мощный импульс новому международному транспортному маршруту. Для Казахстана это

²⁹ См.: *İşeri E.* The US Grand Strategy and the Eurasian Heartland in the Twenty-First Century // *Geopolitics*, 2009, Vol. 14, Issue 1. P. 26—46.

³⁰ См.: *Engdahl W.* A Century of War: Anglo-American Oil Politics and the New World Order. London: Pluto Press, 2004. P. 246—247.

³¹ См.: *Коргун В.Г.* Вывод войск США/НАТО из Афганистана: проблемы и вызовы. В кн.: Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития (По материалам совещания, состоявшегося в Центре изучения стран Ближнего и Среднего Востока). М., 2012. С. 27.

³² См.: *Эналеев С.* Астанинский клуб: диалог о будущем Центральной Евразии // *Казахстанская правда*, 28 октября 2016 [<http://www.kazpravda.kz/fresh/view/astaninskii-klub-dialog-o-budushchem-tsentralnoi-evrazii/>], 16 июня 2017.

³³ См.: *Brewster D.* Silk Roads and Strings of Pearls: The Strategic Geography of China's New Pathways in the Indian Ocean // *Geopolitics*, 2017, Vol. 22, Issue 2. P. 269—291.

очень перспективное направление, так как он активно ведет работы по расширению морского порта Актау, через который идет все увеличивающийся грузовой поток из Турции в страны региона. Так, только за два месяца 2016 года проследовало более 1 660 единиц, тогда как за весь 2015 год — 1 885³⁴.

В свете напряженной внутренней и внешней ситуации в Турции могут возникнуть осложнения политического характера, в которые могут быть вовлечены США, Европейский союз, Россия, Иран, Ближний Восток.

В то же время снятие санкций с Ирана вызвало резкий рост экономического сотрудничества России, Казахстана и других государств Центральной Азии с этой крупнейшей региональной державой. Наблюдается резкий рост сотрудничества стран региона с Ираном в различных направлениях. Между Казахстаном и Ираном достигнуто соглашение о совместном строительстве терминала в морском порту Бендер-Аббас. Строятся объекты инфраструктуры по принципу «сухого порта» на границе Туркменистана и Ирана. Состоялся первый пропуск контейнерного поезда из города Иву (Китай) в Тегеран. Протяженность маршрута — более 9 тыс. км, срок доставки грузов — 14 суток, что значительно меньше, чем по морю (до 30 дней). Также обсуждались вопросы привлечения российского экспорта в Иран через железную дорогу Узень — Берекет — Горган. Для региона значение иранского направления трудно переоценить, так как это дает выход в порты Персидского залива, а оттуда — в Европу.

Интересы Турции и Ирана определяются получением новых выгод за счет приближения к рынкам Китая. К тому же для обеих стран важно и само по себе тесное общение с родственными по языку, историческим корням, господствующей религии государствами Центральной Азии, от которых они были оторваны весь период Российской империи и Советского союза. Турция через организацию «ТЮРКСОЙ» очень много делает для культурно-цивилизационного сближения родственных народов. Переход Азербайджана и Узбекистана на латиницу приблизил их в информационном отношении к Турции. Казахстан после долгих лет дискуссий также стоит на пороге положительного решения этого вопроса. Переход с кириллицы на латиницу вызывает многие трудные, не предсказуемые вопросы во взаимоотношениях стран региона с Россией. Но тем не менее в будущем это облегчит доступ в информационное пространство не только Турции, но и Европы.

Новые вызовы и риски для Центральной Азии в свете проекта «Один пояс — один путь»

В последнее время Центральная Азия столкнулась с новыми для себя вызовами и рисками, которые могут усилиться в свете участия стран региона в строительстве дорог Шелкового пути. Это этноконфессиональные конфликты. В постсоветские республики Центральной Азии пришли новые формы ислама, ранее нехарактерные для народов региона. Причин здесь несколько — и внутренние, и внешние. В основе внутренних причин лежит естественный после распада Советского Союза процесс поисков национальной идентичности. Очень скоро такие поиски привели народы региона к осознанию своей религиозной идентичности, от которой они были оторваны в советское время, осознанию принадлежности к исламскому миру. Но

³⁴ См.: *Малых Г.* Создается перспективный маршрут // *Казахстанская правда*, 10 марта 2016 [<http://www.kazpravda.kz/fresh/view/sozdaetsya-perspektivnii-marshrut/>], 17 июня 2017.

исламский мир к этому времени уже неузнаваемо изменился. Мир сотрясали суннитско-шиитские противоречия, страшной жестокости террористические акты под флагом ислама. В регионе стали проникать новые религиозные идеи, непонятные еще сравнительно недавно кочевым народам.

К тому же за 70 лет советской власти в определенных слоях общества прочно укоренился атеизм. Таким образом, распространение в последние годы различных радикальных форм ислама поставило общество и государство в тупик. Основой для распространения ислама в регионе является и бедность населения.

Строительство Нового шелкового пути будет расширять возможности транспортной инфраструктуры, но это неизбежно усилит и религиозную инфраструктуру. Надо отметить, что законодательство республик региона, особенно Казахстана, в области религии было крайне либеральным.

Внешним фактором распространения салафизма и других несвойственных для региона религиозных направлений радикального ислама являются, конечно, действия международных террористических организаций, стремящихся дестабилизировать обстановку в государствах Центральной Азии. Чем беднее население, тем больше шансов дестабилизации. Никто не знает, сколько выходцев из региона воюют на стороне террористов, но они, несомненно, есть. Возможное распространение радикальных форм ислама в таком густонаселенном регионе Узбекистана, как Ферганская долина, чревато разрушительными последствиями.

По мере глобализации и вовлечения региона в общемировые процессы влияние мировой исламской общины (уммы) на жизнь народов Центральной Азии, несомненно, будет возрастать. Это объективный процесс. На данный момент, по мнению российского ученого В.В. Наумкина, регион выработал три модели поведения в отношении исламистов: тотальное подавление всех исламистов (Узбекистан и Туркменистан); подавление радикальных групп и осторожный диалог с умеренными представителями (Казахстан и Кыргызстан); сотрудничество и включение во властные структуры (Таджикистан)³⁵. От себя хотим добавить, что страны региона имеют возможность учитывать опыт стран, ранее нас осознавших опасность радикальных исламистских организаций.

В постсоветских странах продолжается поиск национальной идентичности после долгих лет забвения. Необходимо предотвратить переход в радикально-исламистскую, террористическую по своей сути идентичность.

В то же время долгосрочные интересы мирового сообщества, безусловно, состоят в том, чтобы не допустить формирования на постсоветском пространстве новых очагов напряженности и международного терроризма. При строительстве Нового шелкового пути необходимо учитывать и эту опасность, а страны региона должны иметь общую политику в данном вопросе.

З а к л ю ч е н и е

В Центральной Азии за последние 5—10 лет осуществляются два крупнейших проекта — Евразийской интеграции в лице формирующегося Евразийского экономического союза и Экономического пояса Нового шелкового пути. Конечно, эксперты по-разному оценивают эти проекты. Западные эксперты склонны видеть в них восстановление Российской империи или создание Китайской. При всем разнообразии подходов аналитиков оба проекта существуют.

Естественно, что национальные интересы каждой из стран Евразии диктуют свое поведение, к этому примешивается неопределенная до сих пор ситуация в Афганистане. Инфра-

³⁵ См.: Наумкин В.В. Годы, которые изменили Центральную Азию. М.: ЦСПИ-ИВ РАН, 2009. С. 331.

структурные проекты требуют огромных инвестиций, которые зачастую отсутствуют в большинстве стран Центральной Азии.

Как относиться к проекту «Новый шелковый путь»? Мы считаем, что все возможные транспортные коридоры работают на одну общую цель — развитие потенциала огромного региона в центре Евразии. И такая постановка изменяет суть региональной политики. Рано или поздно такие проекты должны были появиться. Китайский проект — это основа новой мировой транспортной инфраструктуры для Евразии. Но исторический опыт нам подсказывает, что железная дорога, тем более такой большой протяженности, — это всегда путь для проникновения, можно сказать, экспансии более сильной страны. Так было всегда — например, при освоении Россией Сибири, Казахстана, Средней Азии. Это происходит и сейчас, в условиях XXI века.

Возможно ли в новых условиях глобализации восстановить дух Великого шелкового пути — содружество культур, цивилизаций, экономик? Возможно ли выработать механизм взаимодействия стран, региональных организаций, интеграционных группировок? Каждая страна вправе ожидать максимум выгод от такого масштабного транспортного мегапроекта, но должна учитывать интересы своих соседей. Несомненно, транспортные коридоры создают большую зависимость государств друг от друга. В том числе и потому, что они должны генерировать прибыль. Поэтому поддержание их стабильного функционирования становится общим делом всех государств, через территорию которых проходят такие коридоры. Китай, как инициатор проекта, несомненно, будет стремиться минимизировать риски для себя и для региона Центральной Азии.

В то время, когда писалась эта статья, в Пекине Китай проводил Первый форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках проекта «Один пояс — один путь» (14—15 мая). Эту встречу по объему экономик участвующих стран международные СМИ уже сравнивают с саммитом G-20. Оценка экспертами результатов форума еще впереди, но хочется подчеркнуть, что если ранее Китай предлагал и успешно осуществлял региональные проекты со странами Юго-Восточной Азии (АСЕАН+3), то теперь он выходит на общеконтинентальный, евразийский проект глобального значения. К тому же подкрепляет его многомиллиардными кредитами.

У республик региона появляется возможность быть не только транзитными странами для перевозок китайских товаров, но диверсифицировать пути вывоза сырьевых ресурсов и в дальнейшем более полно участвовать в мировой торговле, экспортируя товары с более высокой добавленной стоимостью. Конечно, процессы реформирования, политической и экономической либерализации в регионе идут сложными путями. Демократия часто заменяется набором демократических по названию, но не по существу институтов.

В результате разнонаправленности интересов региональных и внерегиональных государств в ходе строительства Нового шелкового пути встает вопрос: останется ли регион в постсоветском пространстве, окажется в исламском мире или в зоне влияния Китая? Или же регион, не имея уже сейчас общей региональной идентичности, окончательно распадется на несколько частей. Казахстан и Кыргызстан останутся в зоне влияния России и Китая и будут более светскими. Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, поддерживая связи с Россией и Китаем как странами — гарантами безопасности в регионе, пойдут на сближение с Ираном, Турцией и исламским миром.

Многое в этой борьбе разносторонних интересов государств постсоветской Центральной Азии зависит от позиций внерегиональных держав. Не породит ли Новый шелковый путь новый виток геополитической борьбы за влияние в Евразии?

Но еще раз повторимся, регион должен использовать свой исторический шанс в виде Нового шелкового пути, получить все возможные выгоды от него, минимизируя риски. Регион

может воссоздать в новых условиях XXI века свою региональную идентичность, используя свое географическое положение и внутрирегиональные ресурсы.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сергей ЖИЛЬЦОВ

*доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России
(Москва, Российская Федерация)*

Дмитрий СЛИЗОВСКИЙ

*доктор исторических наук,
профессор Российского университета дружбы народов
(Москва, Российская Федерация)*

Надежда ШУЛЕНИНА

*кандидат философских наук,
доцент кафедры политического анализа и управления,
профессор Российского университета дружбы народов
(Москва, Российская Федерация)*

Евгений БАЖАНОВ

*доктор исторических наук,
ректор Дипломатической академии МИД России
(Москва, Российская Федерация)*

А Н Н О Т А Ц И Я

После распада СССР Азербайджан получил возможность разрабатывать энергетическую политику, исходя из собственных националь-
ных интересов. В первые годы после обретения независимости большое влияние на формирование энергетической политики Азербайджана оказали внутри-

политические события, связанные с борьбой за власть внутри азербайджанской элиты. Это затормозило развитие сотрудничества Азербайджана с западными нефтегазовыми компаниями, которые проявляли повышенный интерес к углеводородным ресурсам прикаспийского государства. Внутривнутриполитическая борьба не сказалась на приоритетах энергетической политики страны. В первую очередь это касалось выбора стратегических партнеров, сотрудничество с которыми позволяло Азербайджану рассчитывать на увеличение добычи нефти и газа. Выбор был сделан в пользу зарубежных нефтегазовых компаний и укрепления отношений с западными государствами. Их поддержка сыграла ключевую роль в дальнейшей разработке месторождений углеводородных ресурсов и выборе маршрутов их экспорта.

За период 1991—2017 годов азербайджанская энергетическая политика прошла несколько этапов. В начале 1990-х годов Азербайджан делал ставку на добычу нефти, привлекая к разработке месторождений западные нефтегазовые компании, интерес которых усилили данные о значительных запасах углеводородных ресурсов. Для их разработки Азербайджан располагал развитой инфраструктурой, опытными кадрами, имел давние традиции нефтедобычи, которые складывались с XIX века, когда Баку являлся центром мировой нефтедобычи.

Ключевой целью энергетической политики Азербайджана было не только наращивание объемов добычи на каспийских месторождениях, но и строительство новых трубопроводов, которые должны были обеспечить доставку

азербайджанской нефти на внешние рынки. В этом вопросе Азербайджан сумел добиться значительных успехов, построив с помощью нефтегазового бизнеса и западных государств новые экспортные нефтепроводы. Кроме того, увеличение объемов добычи нефти позволило Азербайджану решить социально-экономические проблемы, которые возникли после распада Советского Союза из-за разрыва торгово-экономических связей с бывшими советскими республиками, и стабилизировать политическую ситуацию.

В начале XXI века энергетическая политика Азербайджана претерпела кардинальные изменения. Начав свое развитие как нефтяное государство, Азербайджан затем сделал ставку на освоение месторождений газа, которые были обнаружены в процессе разработки месторождений нефти.

Подтвержденные запасы газа и объемы его добычи позволили Баку строить планы по увеличению экспорта на внешние рынки.

В последние годы Азербайджан проводит энергетическую политику, направленную на закрепление за ним роли экспортера углеводородных ресурсов в европейском направлении. Решению данной задачи способствует расширение сотрудничества с Турцией. Азербайджано-турецкое взаимодействие позволило начать реализацию новых проектов газопроводов, строительство которых увеличит объемы поставок азербайджанского газа на внешний рынок. Энергетическая политика Азербайджана отвечает интересам ЕС, который рассматривает каспийские энергоресурсы в качестве альтернативы российским поставкам.

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

Азербайджан, энергетическая политика, трубопроводы, нефть, газ, международно-правовой статус, Россия, США, ЕС, Турция.

Введение

После обретения независимости в 1991 году Азербайджан сделал ставку на развитие топливно-энергетического сектора. Основное внимание было направлено на увеличение добычи углеводородных ресурсов и формирование новых маршрутов их экспорта на внешние рынки. Каспийская нефть вновь приобрела исключительно важное значение, став основой экономического развития для стран региона¹.

Географическое положение Азербайджана было более выгодным, чем положение Казахстана и Туркменистана, также располагавших значительными запасами углеводородов. Кроме того, Азербайджан имел специалистов, которые накопили огромный опыт в освоении нефте- и газоносных районов Каспийского моря.

Свою роль сыграли геолого-разведочные данные, полученные в период существования Советского Союза. Их результаты во многом предопределили направленность энергетической политики Азербайджана и обеспечили успехи, которых страна добилась в добыче углеводородов после получения независимости.

Истоки энергетической политики

После распада СССР Азербайджан в силу своего географического положения оказался в фокусе внимания западных стран. Страна могла поставлять углеводородные ресурсы как в северном, российском направлении, так и в западном, которое практически сразу же попало в разряд приоритетных. Страны Запада придавали огромное значение добыче нефти в Азербайджане и направлению ее экспорта. При активном участии этих стран было инициировано обсуждение проектов трубопроводов, которые должны были обходить территорию России и обеспечивать азербайджанским углеводородным ресурсам прямой выход на внешние рынки. В 1992 году в Турции состоялась встреча представителей крупнейших западных нефтяных компаний, выдвинувших идею транспортировки каспийской нефти из Баку через территорию Турции в порт Джейхан. По сути, с этого момента началась «большая игра» за каспийскую нефть².

Россия также придавала огромное значение направлению экспорта азербайджанской нефти, пытаясь влиять на политику Азербайджана. В итоге трубопроводы стали острой внешнеполитической проблемой для России и одновременно одним из главных инструментов в борьбе за сохранение доминирующего положения в регионе³.

Азербайджан стремился извлечь политические и экономические выгоды из соперничества России и Запада, став одним из инициаторов ускоренной разработки нефтяных месторождений на Каспии и строительства новых экспортных трубопроводов. Ставка была сделана на привлечение к освоению нефтяных месторождений западных государств и нефтегазовых компаний. Такой курс проводил президент Аяз Муталибов, который был сторонником расширения сотрудничества с Западом.

¹ См.: *Старченков Г.И.* Нефть Каспия и пути ее транспортировки. В кн.: Мусульманские страны у границ СНГ. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. С. 298.

² См.: *Шерматова С.* Роль нефтяного фактора в чеченском конфликте // Центральная Азия и Кавказ, 2001, № 5 (17). С. 86.

³ См.: *Жильцов С.С., Зонн И.С.* Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. М.: Восток — Запад, 2011. С. 52—63.

Реализации амбициозных планов помешала сложная политическая обстановка в стране. В результате политической борьбы в марте 1992 года к власти пришел Абульфаз Эльчибей. Новый глава Азербайджана также был сторонником привлечения к разработке углеводородных ресурсов западных нефтегазовых компаний и выступал за ограничение участия России в разработке азербайджанских месторождений нефти и газа. В итоге уже осенью 1992 года «Бритиш Петролеум» (Англия), «Статойл» (Норвегия), «Амоко» и «Юнокал» (США) подписали с Государственной нефтяной компанией Азербайджана (ГНКАР) соглашение о совместной разработке месторождений Гюнешли, Азери и Чираг и перспективной площади Шах-Дениз.

Стремление Азербайджана в кратчайшие сроки приступить к освоению углеводородных ресурсов сдерживалось рядом проблем. Одна из них была связана с отсутствием инфраструктуры для экспорта нефти⁴. Это привело к разработке нескольких проектов трубопроводов, которые должны были обеспечить беспрепятственный выход азербайджанской нефти на внешние рынки. Наибольший интерес вызвал проект нефтепровода *Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД)*. В марте 1993 года в Анкаре было подписано азербайджано-турецкое соглашение о строительстве нефтепровода мощностью 50 млн т в год, длиной 1 920 км и стоимостью в 3 млрд долл.⁵

Продвижению данного проекта способствовала позиция Турции, проявлявшей большой интерес к азербайджанским месторождениям Азери, Гюнешли и Чираг. Используя выгодное географическое положение, наличие портовой инфраструктуры для транспортировки каспийской нефти, а также опираясь на поддержку США, Турция стремилась играть все более активную роль в Каспийском регионе, участвуя в экспорте каспийских углеводородных ресурсов на внешние рынки. В свою очередь, сотрудничество с Турцией давало Азербайджану новые возможности для экспорта нефти, минуя территорию России. В этом вопросе Баку стремился заручиться поддержкой западных стран и нефтегазовых компаний. В июне 1993 года в Лондоне «Азеринетф» подписала с представителями консорциума декларацию о совместной разработке месторождений Гюнешли, Азери, Чираг и Шах-Дениз в азербайджанской части Каспия⁶. Длительные переговоры должны были завершиться в том же году подписанием соглашения о разработке азербайджанских месторождений. Однако этому вновь помешали внутриполитические события в Азербайджане. В июне 1993 года Абульфаз Эльчибей был отстранен от власти и в сентябре того же года президентом стал Гейдар Алиев. Смена руководства в Азербайджане на время приостановила реализацию достигнутых договоренностей, но не уменьшила интереса зарубежных нефтяных компаний к азербайджанским месторождениям.

Азербайджан сделал ставку на западные страны

После прихода к власти новый президент активизировал переговоры с международными нефтегазовыми компаниями. В первой половине 1994 года он совершил визиты в ряд европейских государств (Франция, Англия), с которыми были подписаны политические и торгово-экономические соглашения. Так, в феврале Гейдар Алиев и премьер-министр Великобритании

⁴ См.: Исмаилов Э., Полухов Э. Противостояние «старых» и «новых» игроков на политической карте Кавказа // Центральная Азия и Кавказ, 2004, № 4 (34). С. 48—58.

⁵ См.: Kasenov O. Transcaucasia and Central Asia: Oil, Pipelines and Geopolitics. В кн.: Central Asia: Conflict, Resolution and Change / Ed. by Roald Z. Sagdeev and Susan Eisenhower. Chevy Chase, Maryland: CPSS Press. 1995. P. 67—79.

⁶ См.: Зонн И.С. Каспийский меморандум. М.: Коркис, 1997. С. 39—40.

Джон Мейджер подписали в Лондоне договор по нефтедобыче, по которому правительства двух стран выступили в роли гарантов выполнения обязательств «Бритиш Петролеум» и ГНКАР. В этом документе Баку и Лондон зафиксировали термин «азербайджанский сектор Каспийского моря». Данный подход Баку был направлен на усиление своих позиций в переговорах с зарубежными нефтегазовыми компаниями, для которых неопределенность международно-правового статуса Каспийского моря означала повышенные финансовые и политические риски при разработке каспийских углеводородов Азербайджана. В этот же период Азербайджан подписал еще ряд документов о проведении работ по исследованию азербайджанских месторождений. Так, французская компания «Шлюмбергер» была привлечена к проведению геофизических работ на месторождении Гюнешли.

Усилия Азербайджана, направленные на привлечение к сотрудничеству западных нефтегазовых компаний, дали свои результаты. 20 сентября 1994 года Азербайджан подписал контракт с крупными зарубежными компаниями о разработке нефтяных месторождений на шельфе Каспия (месторождения Азери, Гюнешли, Чираг), который стали называть «контрактом века». Затраты Азербайджана по этому контракту должны были составить 24%, а прибыль — 76% (около 99 млрд долл.)⁷. Позже президент Азербайджана Г. Алиев отмечал, что «подписание 20 сентября 1994 года «контракта века» — это начало нефтяной стратегии и доктрины независимого Азербайджана»⁸.

В экономическом плане «контракт века» давал Азербайджану возможность вывести свою нефть на европейский рынок, создавая предпосылки для освоения других перспективных месторождений. Это способствовало осуществлению крупных капитальных вложений в смежные с нефтяной отраслью области, пополнению валютных запасов и проведению активной инвестиционной политики.

После подписания контракта с нефтегазовыми компаниями Азербайджан стремился заручиться поддержкой Ирана. Заинтересованность Баку в расширении сотрудничества с Ираном была продиктована негативной реакцией России, которая выступила против «контракта века». В ноябре 1994 года иранской и азербайджанской сторонами был подписан документ, согласно которому Иран мог считаться одним из участников «контракта века» за счет переуступки ему части азербайджанской доли⁹. Усилия Азербайджана были направлены на изменение позиции Ирана по вопросу международно-правового статуса Каспийского моря. Также Баку добивался от Тегерана согласия на секторальный принцип раздела Каспия. Тем более в новой Конституции Азербайджана говорилось, что «составной частью территории Азербайджанской Республики являются ее внутренние воды, принадлежащий ей сектор Каспийского моря и воздушное пространство над ним» (ст. 11).

Азербайджано-иранские договоренности могли оставить Россию в одиночестве по вопросу урегулирования статуса Каспия. Более того, признание Тегераном «контракта века» могло поставить под сомнение прежние советско-иранские договоры 1921 и 1940 годов. Однако планам Баку не суждено было сбыться. Против привлечения Ирана к разработке азербайджанских месторождений выступили США. В апреле 1995 года под давлением американской стороны Азербайджан объявил об исключении Ирана из консорциума.

Подписание «контракта века» на разработку азербайджанских морских месторождений Гюнешли, Чираг и Азери вновь привлекло внимание к вопросу о путях транспортировки нефти, которую предполагалось добывать в перспективе. Учитывая значительные объемы будущей добычи нефти, было принято решение о разделении добываемой нефти на «раннюю»

⁷ См.: Шорохов В.В. Нефть и политика Азербайджана // Исследование ЦМН МГИМО, 1997, № 9. С. 65.

⁸ См.: Алиев И. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003. С. 475.

⁹ См.: Там же. С. 182.

(объемы которой планировались к концу XX века на уровне 5 млн т в год) и «позднюю», или «основную», нефть — 30—40 млн т нефти в год, ее планировалось добывать на морских месторождениях Азербайджана к 2015 году¹⁰.

Диверсификация маршрутов экспорта углеводородных ресурсов

Энергетическая политика Азербайджана в начале 1990-х годов определялась развитием нефтегазового комплекса, а также позицией западных стран. Тем более что маховик политической рекламы о наличии в Азербайджане значительных запасов углеводородных ресурсов раскручивался все быстрее, обосновывая необходимость строительства новых трубопроводов, выводящих нефть из Каспийского региона.

Основное внимание было нацелено на выбор маршрутов поставок азербайджанской нефти — в Россию или в Европу. США, которые проводили в регионе активную политику, были заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать поставкам азербайджанских углеводородов через российскую территорию, поскольку экспорт через порт Новороссийск позволял России влиять на Баку. Прокачка нефти по трубопроводам в сторону России рассматривалась как угроза геополитическим интересам Запада. Тем не менее, несмотря на давление со стороны США и ЕС, Азербайджан стремился проводить сбалансированную энергетическую политику, не торопясь разрывать отношения с Россией. К этому его подталкивало отсутствие четких сроков реализации новых трубопроводных проектов, которые вызывали огромный интерес, но не получали практического воплощения. В результате в январе 1996 года Баку подписал соглашение с Россией о транспортировке нефти до Новороссийска. Однако практически сразу российский маршрут, проходящий через Чечню, стал сталкиваться с определенными трудностями. В итоге одновременно с обсуждением поставок нефти в Россию в Азербайджане усилили внимание к западному маршруту — *нефтепроводу Баку (Азербайджан) — Супса (Грузия)* (азербайджанский участок — 492 км от Сангачалы до границы с Грузией). Требовалась реконструкция участка, проходящего по территории Грузии (425 км при общей протяженности 917 км). Нефтепровод мог обеспечить пропуск 5 млн т нефти в год. В марте 1996 года президенты Азербайджана и Грузии подписали три соглашения, касающиеся транспортировки каспийской нефти через Грузию, а также договор о строительстве и эксплуатации трубопровода Баку — Супса. С учетом большого значения многовариантности экспортных трубопроводных маршрутов, в марте 1997 года между Азербайджаном и Грузией были заключены новые соглашения о доставке нефти по маршруту Баку — Тбилиси — Супса с выходом на Черное море.

Однако основное внимание Азербайджан и западные страны уделяли проекту нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан, предназначенного для транспортировки на Запад каспийской нефти. В июне 1997 года впервые было введено понятие *Основной экспортный трубопровод (ОЭТ)*, что отражало изменения в энергетической стратегии Азербайджана. Баку сосредоточил усилия на реализации ОЭТ, стремясь привлечь к проекту другие прикаспийские государства. В сентябре 1997 года президент Казахстана Н. Назарбаев впервые назвал турецкий маршрут через Азербайджан и Грузию к порту Джейхан «самым важным и безопасным для Казахстана» и выразил надежду на скорейшее строительство *подводного нефтепровода Актау — Баку*.

¹⁰ См.: Федоров Ю.Е. Каспийская нефть и международная безопасность. М., 1996.

В осуществлении энергетической политики Азербайджан опирался на поддержку западных стран. Так, в США не без оснований полагали, что проект Баку — Джейхан укрепит американские позиции в стратегически важном Каспийском регионе, а с другой стороны, уменьшит зависимость бывших советских республик от России и маршрута Баку — Новороссийск. В конечном счете, как считали в американской администрации, это должно было ослабить российские позиции в Каспийском регионе. В конце 1997 года в Баку были подписаны еще два соглашения, связанных со строительством трубопровода Баку — Джейхан.

В 1999 году Азербайджан добился первых результатов по диверсификации маршрутов экспорта нефти. Азербайджанская международная операционная компания — консорциум с участием крупнейших западных нефтяных компаний — и Государственная нефтяная компания Азербайджана завершили строительство *нефтепровода Баку — Супса*. Данный нефтепровод был построен на основе старого нефтепровода Баку — Батуми¹¹. Протяженность маршрута составила 850 км. Пропускная способность нефтепровода, предназначенного для транспортировки «ранней» нефти, составляла 6 млн т в год. В перспективе она должна была возрасти до 10 млн т нефти в год¹².

В апреле того же года по данному трубопроводу стала доставляться «ранняя» азербайджанская нефть с месторождения Чираг. В итоге нефтепровод Баку — Супса составил конкуренцию маршруту Баку — Новороссийск, хотя пропускная способность первого была в несколько раз меньше. Трубопровод Баку — Супса не только обеспечил беспрепятственный доступ западных компаний к прикаспийским месторождениям, но и создал безопасный маршрут их поставок на внешний рынок, а также увеличил поступления в бюджет страны. Для аккумуляции средств в 1999 году в Азербайджане был создан государственный нефтяной фонд¹³.

Для западных стран введение в строй трубопровода означало снижение российского влияния на Азербайджан. Не менее важным было геополитическое значение нефтепровода, который укреплял отношения между Азербайджаном и Грузией, роль которой в транспортировке каспийских углеводородных ресурсов резко возросла.

В 1999—2001 годах были подписаны основные документы, направленные на реализацию проекта Баку — Тбилиси — Джейхан. В мае — июне 2000 года парламенты Азербайджана, Грузии и Турции ратифицировали пакет ранее подписанных соглашений, связанных со строительством трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан. Свидетельством важности данного проекта для Грузии стало создание по распоряжению ее президента в начале 2000 года Государственной комиссии, которая должна была заниматься вопросами организации транспортировки нефтяных и газовых ресурсов Каспийского бассейна через грузинскую территорию.

В начале 2000-х годов Азербайджан стал отходить от жесткой позиции, которая предусматривала секторальное деление Каспия. Результатом стало подписание соглашения с Россией и Казахстаном о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря. Урегулирование международно-правового статуса северной части Каспийского моря отвечало интересам Азербайджана¹⁴: международно-правовая основа для освоения минеральных ресурсов дна северной части Каспийского моря давала импульс дальнейшему исследованию и разработке месторождений¹⁵.

¹¹ См.: Быстрова А.К. Проблемы транспортной инфраструктуры и экологии в Каспийском регионе. М.: ИМЭМО, 2009.

¹² См.: Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М., 2003. С. 114.

¹³ Aslanli K. Fiscal Sustainability and the State Oil Fund in Azerbaijan // Journal of Eurasian Studies, 2015, No. 6. P. 114—121.

¹⁴ См.: The Caspian Sea Chessboard / Ed. by C. Frappi, A. Garibov. Baku: Institute for International Political, 2013. С. 93—111.

¹⁵ См.: Hafeznia M.R., Pirdashti H., Ahmadipour Z. An Expert-Based Decision Making Tool for Enhancing the Consensus on Caspian Sea Legal Regime // Journal of Eurasian Studies, 2016, No. 7. P. 181—194.

В 2005 году нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан был построен. Реализация данного проекта еще больше ослабила зависимость Азербайджана от российского направления поставок каспийской нефти. В результате нефтепровод Баку — Новороссийск, который ранее позволял России влиять на нефтяную политику Азербайджана, утратил свое стратегическое значение¹⁶.

Строительство трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан предоставило Азербайджану дополнительные возможности для экспорта своих углеводородных ресурсов. В то же время Баку столкнулся с проблемой его наполнения, поскольку темпы добычи нефти значительно отставали от сделанных ранее прогнозов. Для решения проблемы Баку стал рассматривать возможность привлечения в экспортный нефтепровод углеводородных ресурсов Казахстана. Итогом переговоров Азербайджана и Казахстана по данному вопросу стало заключение в мае 2005 года договора о стратегическом партнерстве и союзнических отношениях. Президент Казахстана заявил о присоединении своей страны к проекту Баку — Тбилиси — Джейхан, отметив, что теперь нефтепровод надо называть Актау — Баку — Тбилиси — Джейхан¹⁷. Была высказана идея о необходимости строительства трубопровода от Актау до Баку мощностью 20 млн т в год¹⁸. Однако соглашение о присоединении Казахстана к данному трубопроводному проекту не было реализовано. Помимо технических проблем и неурегулированности международно-правового статуса Каспийского моря, энергетическая политика Казахстана была сфокусирована в большой степени на прокачке нефти через Каспийский трубопроводный консорциум (КТК), по которому казахстанская нефть поставлялась в Россию. Кроме того, на этот период пришлось дальнейшее развитие отношений Казахстана с Китаем в сфере энергетики.

В 2006 году Казахстан и Азербайджан вновь приступили к обсуждению возможности запуска Транскаспийского проекта. В июне того же года президенты Азербайджана и Казахстана подписали новое соглашение о содействии транспортировке нефти из Казахстана через Каспийское море, территорию Азербайджана и далее в нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан. Речь шла о доставке нефти с казахстанского месторождения Кашаган на побережья Черного и Средиземного морей транзитом через Азербайджан.

Постоянно укрепляющаяся казахстанско-азербайджанская ось была направлена на формирование энергетического коридора, по которому ресурсы Казахстана могли получить выход на европейский рынок. На первом этапе речь шла об увеличении поставок казахстанской нефти танкерами. Добываемое в перспективе на месторождении Тенгиз сырье должно было поступать из порта Актау в Азербайджан, а затем закачиваться в нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан. Нефтяной поток должен был начаться с объема в 2 млн т нефти и вырасти до 5 млн т. Объем танкерных перевозок из Казахстана в направлении Баку планировалось довести до 20—25 млн т¹⁹. Ожидалось, что участок Актау — Баку будет действовать как самостоятельный маршрут транспортировки. С этой целью предполагалось построить новый терминал для хранения и перекачки нефти в селе Курык (порт в 76 км юго-восточнее Актау), а также ряд соединительных трубопроводов.

В январе 2007 года в Астане был подписан меморандум о взаимопонимании по проекту создания Казахстанской каспийской системы транспортировки нефти, предназначенной для танкерного экспорта казахстанской нефти через Каспий. Мощность системы планировалось довести до 25 млн т нефти в год с дальнейшим увеличением до 38 млн т. Ввод системы в экс-

¹⁶ См.: *Каймарзова М.А.* Прикаспийские территории России и сопредельных государств в новых геополитических условиях. В кн.: Сборник докладов международной научной конференции «Российская политика соседства». Москва, 12—13 октября 2007 года. М., 2008. С. 434.

¹⁷ См.: Казахстан присоединился к проекту Баку — Тбилиси — Джейхан // *Вестник Каспия*, 2005, № 3. С. 71.

¹⁸ См.: *Заславский М.* Дело труба. М.: Европа, 2005. С. 84.

¹⁹ См.: Там же. С. 29.

плуатацию должен был состояться в 2012—2013 годах, когда в Казахстане должна была начаться добыча нефти на месторождении Кашаган. Таким образом, Азербайджан и Казахстан вплотную подошли к совместной реализации Транскаспийского проекта, в котором должны были использоваться нефтеналивные терминалы на казахстанском побережье, танкеры и соединительная система к нефтепроводу Баку — Тбилиси — Джейхан, остро нуждавшемуся в дополнительных объемах нефти.

Сложности, связанные с добычей на собственных месторождениях, сохраняли интерес Азербайджана к казахстанской нефти. В октябре 2010 года Казахстан и Азербайджан в очередной раз начали переговоры о разработке ТЭО транскаспийского маршрута. Речь снова шла о будущих поставках нефти с месторождения Кашаган в нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан. Однако казахстанская сторона постоянно переносила начало добычи на месторождении.

Возможность участия Казахстана в работе нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан во многом определялась уровнем добычи нефти в этой стране. В 2010 году в стране было добыто около 81 млн т нефти, большая часть которой экспортировалась в Россию. При этом наращивание добычи нефти сталкивалось с рядом трудностей, что заставляло казахстанские власти снижать прогнозные показатели, определенные на рубеже первого и второго десятилетий XXI века. Так, первоначально ожидалось, что в 2015 году годовой объем добычи нефти в Казахстане должен составить 130—135 млн т. Затем эти показатели были пересмотрены. По прогнозам, в 2015 году добыча должна была составить 100 млн т, а 130 млн т — в 2018—2020 годах²⁰. К середине второго десятилетия XXI века отсутствие у Казахстана свободных объемов нефти, а также постоянный перенос начала разработки месторождения Кашаган сняло с повестки дня вопрос об его участии в наполнении нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан.

Азербайджан наращивает добычу газа

Во второй половине 1990-х годов Азербайджан прилагал усилия по укреплению своих позиций на газовом рынке. Производство сопутствующего газа планировалось увеличить вместе с ростом добычи нефти. Однако даже в случае увеличения объемов получаемого газа возможности для его поставки на экспорт были весьма незначительны. Ближайшим экспортным рынком в этом случае являлся турецкий. Чтобы усилить свои позиции в качестве транзитного государства, Азербайджан поддержал идею строительства *экспортного Транскаспийского газопровода (ТКГ)* по дну Каспийского моря из Туркменистана. Тем более что Ашхабад, находясь в транспортно-коммуникационной изоляции, был вынужден искать рынки сбыта для своего газа, добываемого в больших объемах. В мае 1998 года о своем намерении присоединиться к строительству Транскаспийского газопровода объявила Грузия.

Обнаружение в Азербайджане значительных запасов газа на месторождении Шах-Дениз изменило позицию Баку по вопросу реализации проекта Транскаспийского газопровода. Азербайджанская сторона стала строить планы сооружения трубопровода для экспорта своего газа в Турцию.

С открытием на месторождении Шах-Дениз новых запасов природного газа вместо нефти ситуация еще больше изменилась. Встал вопрос о создании инфраструктуры, необходимой для транспортировки на внешние рынки добываемого во все больших объемах газа. По этой причине Азербайджан усилил интерес к прокладке *газопровода Баку — Тбилиси — Эрзерум*

²⁰ См.: Панорама (Казахстан), 8 октября 2010.

с проектной мощностью 16 млрд куб. м и окончательно утратил интерес к проекту Транскаспийского газопровода.

Строительство газопровода Баку — Тбилиси — Эрзерум началось в 2001 году, когда в Баку Азербайджан и Грузия подписали соответствующий договор. Уже в 2007 году газопровод был построен. Это позволило Азербайджану рассчитывать на увеличение поставок углеводородных ресурсов в западном направлении и снизить поставки газа в Россию до минимальных объемов²¹.

Роль Турции в энергетической политике Азербайджана

Во втором десятилетии XXI века Азербайджан скорректировал свою энергетическую политику, отойдя от однозначной ориентации на европейский трубопроводный проект «Набукко». Совместно с Турцией Азербайджан предложил проекты трубопроводов, которые должны были обеспечить выход азербайджанского газа на европейский рынок²².

Основное внимание Баку направлено на реализацию Южного газового коридора, в рамках которого азербайджанский газ должен поставляться на европейский рынок. Первая фаза Южного газового коридора предполагает строительство системы Трансанатолийского газопровода (TANAP) и Трансадриатического (TAP), которые должны быть введены в строй к 2019 году. Ресурсной базой для их наполнения должно стать месторождение Шах-Дениз, газ с которого в объеме 16 млрд куб. м должен пойти в европейские страны. Ожидается, что поставки газа в Турцию составят 6 млрд куб. м и 10 млрд куб. м — на европейский рынок.

Данные проекты соответствовали стратегии Баку по расширению своего присутствия на европейском рынке после открытия новых запасов природного газа на месторождении Шах-Дениз. С развитием данного месторождения в средне- и долгосрочной перспективе Азербайджан связывает надежды на увеличение экспорта²³. Кроме того, азербайджано-турецкие договоренности усиливают позиции двух государств, превращая их в важный элемент европейской энергетической безопасности.

Заключение

Нефтяная промышленность Азербайджана дает более половины доходов его бюджета. От колебаний общемировых котировок нефти зависит благосостояние практически всех слоев населения. Однако в скором времени роль нефти может снизиться и основное внимание будет приковано к газу, который в 2020-х годах, по всей видимости, станет основным экспортным товаром Азербайджана. Нефтяная промышленность этой прикаспийской страны, оставаясь одной из крупнейших в регионе, будет снижать свой удельный вес в экономике Азербайджана по мере истощения крупнейших месторождений. В ряде сверхкрупных месторождений, от-

²¹ См.: *Stegen K.S., Kuszniir J. Outcomes and Strategies in the «New Great Game»: China and the Caspian States Emerge as Winners // Journal of Eurasian Studies, 2015, No. 6. P. 91—106.*

²² См.: *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. М.: РСМД, 2017. 384 с.*

²³ См.: *Экономические проблемы Азербайджана. В кн.: Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сб. ст. В 2-х тт. Т. 2. / Отв. ред. А.Б. Крылов. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 29.*

крытых и введенных в эксплуатацию советскими геологами в 1970—1980-х годах, применяются технологии вторичного повышения нефтеотдачи, и пик добычи на большинстве уже пройден. Так, пик добычи на Азери — Чираг — Гюнешли был пройден в 2014—2015 годах. Хотя акционеры проекта намеревались стабилизировать добычу в 2015—2020 годах на уровне 33—34 млн т нефти в год, более реалистичным является уровень в 30—31 млн т. Нефтяные компании активно разрабатывают ранее неосвоенные части месторождений. Разрабатываются также залежи за пределами территории Азери — Чираг — Гюнешли. Например, уже не одно десятилетие ведется добыча на мелководном участке Гюнешли, не вошедшем в «контракт века».

В последние годы добыча нефти в Азербайджане колеблется на уровне 42—43 млн т. В 2013 году страна добывала 43,1 млн т, а в 2015 году добыча составила 41,6 млн т. За снижением объемов добычи в Азербайджане скрываются фундаментальные проблемы, которые уходят своими корнями в начало 1990-х годов. Соответственно, газ будет играть все большую роль в энергетическом комплексе страны. Добыча газа в Азербайджане в период 2006—2016 годов утроилась — с 6 млрд куб. м до 19 млрд куб. м. Реализация новых маршрутов поставок природного газа предоставит Азербайджану возможности по увеличению объемов экспорта. Так, большие надежды Баку связывает со второй фазой разработки месторождения Шах-Дениз, находящегося на континентальном шельфе Каспийского моря в 70 км от Баку. Это газоконденсатное месторождение с извлекаемыми запасами в 1,2 трлн куб. м разрабатывается с 2006 года, и добыча на нем в 2015 году в рамках первой фазы освоения достигла пикового уровня в 10 млрд куб. м. Новый виток развития, упоминаемый как проект «Шах-Дениз 2», увеличит добычу на месторождении до 26 млрд куб. м. Основную часть прироста — 10 млрд куб. м планируется поставлять в Европу, а 6 млрд куб. м Азербайджан обязался поставлять в Турцию в рамках существующего двустороннего контракта.

Азербайджан связал свои энергетические интересы с Турцией, которая играет большую роль в обеспечении бесперебойности поставок нефти в Европу, и ее значимость только возрастет после того, как новые газопроводы будут введены в строй. Так как турецкая часть газопровода TANAP будет, согласно планам, достроена в 2018 году, Турция станет получать газ первой, в то время как к европейским потребителям добываемый на Шах-Денизе 2 газ станет поступать немногим позже, предположительно в 2020 году.

Возможно, каспийский шельф Азербайджана не содержит столько природного газа, чтобы составить конкуренцию российским поставкам. В масштабах отдельных европейских стран, прежде всего тех, что расположены на юге Европы, поставки азербайджанского газа могут сыграть положительную роль. Однако в целом азербайджанский газ не окажет серьезного влияния на европейский газовый рынок. Впрочем, объемов азербайджанского газа будет достаточно для того, чтобы Баку сохранил ведущую роль в Каспийском регионе. Обладая необходимой нефтегазовой инфраструктурой и весьма удачным географическим положением, находясь на середине пути от Каспийского моря к Черному, Азербайджан располагает всеми условиями для укрепления своих позиций в качестве основного экспортера каспийских углеводородных ресурсов.

МЕСТО ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В ИРАНО-ТУРКМЕНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Мухтар Ахмед БХАТ

кандидат политических наук,
сотрудник Алигархского мусульманского университета
(Алигарх, Индия)

АННОТАЦИЯ

Появление в Центральной Азии после распада Советского Союза в 1991 году новых независимых государств открыло новую главу в истории ирано-туркменских отношений и стало поворотным пунктом в их развитии. Сотрудничество с независимым Туркменистаном сулило Исламской республике Иран возможность добиться для себя важной роли не только во вновь сформированной региональной политической структуре Центральной Азии, но и на международной арене — в качестве важного коридора для поставки энергоносителей в третьи страны. Туркменистан принадлежит к числу стран с крупнейшими запасами энергоносителей, но у него нет прямого доступа к мировым рынкам, куда его энергоресурсы могут поступать только через российскую территорию. Поэтому Иран может представлять для Туркменистана большой интерес с точки зрения диверсификации рынков сбыта для его энергоносителей. Для бывшей советской республики такая возможность исключительно важна, так как позволяет ей ослабить зависимость от российского рынка. Центральная тема настоящей статьи — сотрудничество между двумя странами в энергетической сфере,

которое способно не только сыграть важную роль в укреплении связей между Ираном и Туркменистаном, но и открыть новую главу в развитии их взаимовыгодного сотрудничества. Кроме того, Иран занимает стратегически важное географическое положение: на юге его территорию омывают Оманский залив и Персидский залив — крупнейший в мире центр экспорта энерго-ресурсов. На севере Иран граничит с Арменией, Азербайджаном и Туркменистаном и выходит к Каспийскому морю. На востоке он имеет общую границу с Афганистаном и Пакистаном. К северо-западу от него расположены Ирак и Турция. Таким образом, само географическое положение Ирана выталкивает его на роль ключевого участника любых транспортных связей региона с внешним миром. Это его значение еще больше возросло после интервенций Соединенных Штатов в 2001 году в Афганистане и в 2003 году в Ираке, усиливших нестабильность в регионе. Поэтому в настоящий момент Иран — самый устойчивый и привлекательный для стран Центральной Азии коридор из всех, которыми они могли бы воспользоваться для установления связей своих экономик с остальным миром.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: энергетический сектор, электроэнергетика, транзитные маршруты.

Введение

Иран и Туркменистан можно отнести к числу тех стран в регионе, которые поддерживают между собой взаимовыгодные двусторонние отношения. В 1991 году, после распада СССР, Иран одним из первых признал независимость Туркменистана. Туркменистан — единственная страна Центральной Азии, имеющая с Ираном общие границы и на суше, и на море. К северо-западу от Туркменистана располагается Казахстан, к северу — Узбекистан, на востоке Туркменистан граничит с Афганистаном, а на юго-востоке — с Ираном. На протяжении всей своей истории Туркменистан был и сейчас остается перекрестком цивилизаций, при этом выхода к мировому океану он не имеет.

Иран, со своей стороны, занимает очень выгодное геостратегическое положение и обладает богатыми энергетическими ресурсами. Его береговая линия — самая протяженная в регионе. На севере его омывает Каспийское море, на юге он выходит к Оманскому заливу, Персидскому заливу и Ормузскому проливу, который представляет собой что-то вроде яремной вены для потоков энергоресурсов, расходящихся оттуда по всему миру. К востоку от Ирана лежат Афганистан и Пакистан. Что касается не имеющих выхода к морю стран Центральной Азии, — Иран способен обеспечить им доступ к другим странам и регионам мира. Через территорию Ирана страны Центральной Азии, и прежде всего Туркменистан, могли бы осуществлять транзит своих экспортных товаров, и это не только энергетические ресурсы, которые могут направляться в энергодефицитные регионы и страны¹. Стратегические интересы и экономические возможности в энергетическом секторе и, особенно, положение Туркменистана как ворот в другие республики Центральной Азии побуждают Иран заботиться о развитии отношений с ним. Туркменистан, со своей стороны, видит в Иране не только потребителя своих энергоресурсов, но и важный транзитный коридор для экспорта своих энергоносителей в третьи страны. За прошедшие годы обе страны определили области взаимных интересов, что заложило основы для расширения их двусторонних отношений и способствовало их укреплению. Но из-за наложенных на Иран экономических санкций и общей нестабильности в регионе эти две страны не могли в полной мере реализовать потенциал двустороннего сотрудничества. Однако после снятия международных санкций и интеграции Ирана в мировую экономику его отношения с другими странами, особенно с европейскими государствами, значительно улучшились. Дальнейшая реализация таких проектов, как Международный транспортный коридор «Север — Юг» и Китайско-пакистанский экономический коридор и иранское участие в этих проектах расширили бы для стран Центральной Азии зону их прямого доступа и обеспечили бы им транспортную доступность различных регионов мира. В первую очередь это относится к Туркменистану, что в конце концов обещает превратить межгосударственное сотрудничество двух стран в их естественное долгосрочное партнерство.

Сотрудничество в энергетическом секторе

Для начала несколько слов об энергетических ресурсах Туркменистана. Туркменистан — одна из стран, обладающих богатейшими запасами энергоносителей, и в современном мире, испытывающем острую нужду в энергоресурсах, его значение постоянно возрастает. Согласно докладу Управления по энергетической информации США за январь 2016 года, Туркменистан с его запасами природного газа, оцениваемыми в 265 трлн куб. фт., занимает шестое место в спи-

¹ См.: *Mafinezam A., Mehrabi A. Iran and its Place among Nations. London: Praeger Publishers, 2008. P. 77—78.*

ске стран с самыми крупными запасами природного газа; в 2015 году он входил в число 15 стран с самыми высокими объемами добычи сухого природного газа². Доказанные запасы сырой нефти в Туркменистане, по оценкам, составляют 600 млн баррелей. Совокупный объем добычи нефти и других жидких углеводородов в Туркменистане в 2015 году составлял 261 000 баррелей, а сухого природного газа — 2,5 трлн куб. фт.³ Несмотря на огромные запасы энергоносителей, Туркменистан из-за своего географического положения, слабости инфраструктуры и ограниченных возможностей для экспорта был неспособен расширять свое влияние и выступать в качестве крупного экспортера энергоносителей в эпоху растущих потребностей в энергоресурсах.

Со своей стороны, Иран занимает второе место в мире после России по величине доказанных запасов природного газа. На его долю приходится 17% всех мировых доказанных запасов природного газа и больше трети совокупных запасов стран — участниц Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК). Однако большая часть месторождений газа в Иране не разрабатывается, из-за чего страна до сих пор не могла в полной мере извлекать выгоду из своих энергоресурсов. Общая добыча природного газа в Иране в 2012 году достигала почти 8,2 трлн куб. фт., увеличившись на 3%, в то время как в 2011 году она выросла на 5,2%⁴. В 2013 году объем добычи уменьшился до величины 8,1 трлн куб. фт. В то же время внутреннее потребление природного газа в стране росло. Иран занимает третье место в мире по потреблению природного газа после США и России. В 2011 году внутреннее потребление природного газа в стране достигло 3,5 трлн куб. фт., а в 2013 году выросло до 5,6 трлн куб. фт., увеличившись по сравнению с 2011 годом на 2,1 трлн куб. фт.⁵ По данным Оксфордского института энергетических исследований, среднегодовые темпы роста внутреннего потребления природного газа в Иране с 2000 года по 2011 год составляли 9,3%, почти не отставая от темпов роста объема добычи (9,5%)⁶. Более того, будучи крупным экспортером природного газа, Иран одновременно вынужден импортировать значительные его объемы для покрытия потребностей северных районов, лишенных собственных запасов топлива: закупка газа у северных соседей обходится дешевле, чем доставка его через всю страну с южных месторождений. И в 2013 году больше 90% иранского импорта природного газа приходилось именно на Туркменистан. В том же году более 90% всего экспортировавшегося Ираном природного газа ушло в Турцию, а остальные объемы — в Армению и Азербайджан. Совершенно очевидно, что на долю Ирана приходится меньше 1% общего объема мировой торговли природным газом. Однако в будущем, с реинтеграцией Ирана в мировую экономику после приостановки действия международных санкций и реализации предложенных региональных газопроводных проектов, страна сможет войти в число крупнейших экспортеров природного газа. Иран подписал ряд соглашений с различными странами об экспортных поставках природного газа по сооружаемым для этих целей трубопроводам. Среди важнейших иранских трубопроводных проектов можно отметить газопровод Иран — Ирак, газопровод Иран — Оман и газопровод Иран — Пакистан.

Газопровод Иран — Ирак был введен в строй в июне 2017 года и природный газ по нему уже поставляется. С вводом в действие этого газопровода поставки природного газа из Ирана в Ирак выросли с 7 млрд куб. фт. в день до 35 млрд. куб. фт. В 2015 году обе страны подписали еще одно соглашение, предусматривающее доставку природного газа из Ирана до иракско-

² См.: U.S. Energy Information Administration (EIA), 2014 [<http://www.eia.gov/countries/countrydata.cfm?fips=tx>], 25 July 2017.

³ См.: EIA Turkmenistan Overview [<https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=TKM>], 8 August 2017.

⁴ Country Analysis Brief: Iran // U.S. Energy Information Administration (EIA), 21 July 2014 [<http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/Iran/iran.pdf>], 25 February 2015.

⁵ См.: EIA Iran Overview [<https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=IRN>], 8 August 2017.

⁶ См.: *Jalilvand D.R.* Iran's Gas Export: Can Past Failure Become Future Success. London: Oxford Institute for Energy Studies, Oxford University, 2013.

го города Басры⁷. В 2013 году Иран подписал контракт на поставку природного газа с Оманом на срок более чем 25 лет на сумму 60 млрд долл. Из-за наложенных на Иран международных санкций реализация проекта затянулась, но обе страны возобновили усилия в этом направлении, особенно после приостановки действия антииранских санкций в 2016 году⁸. Третий важный газопровод должен быть проложен из Ирана в Пакистан. Этот газопроводный проект также был отложен — несомненно, из-за санкций, но иранская сторона завершила работы по сооружению трубопровода, и Пакистан также намерен в самое ближайшее время начать работу над реализацией проекта⁹. Таким образом, Иран сможет играть важнейшую роль как транзитный коридор для экспорта туркменских энергоресурсов в другие страны и регионы мира.

Кроме того, Туркменистан может оказаться для Ирана наилучшим вариантом разрешения проблем с его растущим внутренним энергопотреблением, особенно в зимний период¹⁰. Тем более что импортировать природный газ из Туркменистана оказывается дешевле, чем транспортировать его с юга страны на север. Для решения всех этих проблем в 1994 году две страны представили первое официальное предложение по развитию сотрудничества в энергетическом секторе. Речь шла о сооружении газопровода Туркменистан — Иран — Турция протяженностью 1 400 км с пропускной способностью 28 млрд куб. м в год. Трубопроводный проект замыслился в контексте идеи организации поставок природного газа из Туркменистана через иранскую территорию в Турцию и далее в страны Европы. Но из-за противодействия Соединенных Штатов реализовать проект не удалось. Однако обе страны не оставили усилий по налаживанию сотрудничества в энергетическом секторе¹¹. Уже через год, в 1995 году, Национальная иранская нефтяная компания подписала соглашение с Туркменистаном о постройке газопровода Корпедже — Курт-Куи протяженностью 200 км и диаметром трубы 40 дюймов (1 000 мм). Национальная иранская нефтяная компания гарантировала Туркменистану постоянный объем закупок, подписав контракт на 25 лет. В 1997 году по этому трубопроводу природный газ из туркменского месторождения Корпедже стал поступать на север Ирана. Вначале по трубопроводу ежегодно перекачивалось 6 млрд куб. м природного газа, позже объемы увеличились до 8 млрд куб. м в год¹². Ввод трубопровода в промышленную эксплуатацию важен для Туркменистана не только как существенный шаг в реализации его политики по диверсификации трубопроводной инфраструктуры. Он дает в руки республике важные рычаги на переговорах с Россией при обсуждении цен на газ.

Накопленный опыт не пропал даром, были заложены основы для дальнейшего укрепления сотрудничества двух стран. 6 января 2010 года в ходе визита президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в Туркменистан был торжественно введен в эксплуатацию газопровод Давлетабад — Серахс — Хангеран протяженностью 182 км с пропускной способностью 12 млрд куб. м в год, что позволяет нарастить экспорт туркменского газа в Иран более чем вдвое — с 8 млрд куб. м в год до 20 млрд¹³. На торжественной церемонии ввода в строй газопровода иранский президент заявил: «Трубопровод станет хорошим стимулом для укрепления энергетического сотрудничества между Туркменистаном и Ираном, как и для поставок туркменского газа в порты

⁷ См.: Radio Free Europe, 22 June 2017 [<https://www.rferl.org/a/iran-iraq-gas-pipelines-years-of-delay-exports/28573674.html>], 9 August 2017.

⁸ См.: Reuters, 7 February 2017 [<http://www.reuters.com/article/iran-oman-gas-idUSL5N1FS2ZK>], 10 August 2017.

⁹ См.: The Times of Islamabad, 7 March 2017 [<https://timesofislamabad.com/iran-pakistan-gas-pipeline-project-status/2017/03/07/>], 11 August 2017.

¹⁰ См.: *Atai F., Azizi H.* The Energy Factor in Iran-Turkmenistan Relations // *Iranian Studies*, November 2012, Vol. 45, No. 6 [<http://dx.doi.org/10.1080/00210862.2012.726877>], 25 June 2017.

¹¹ См.: *Ibidem*.

¹² См.: *Mesamed B.* Ирано-туркменские отношения в эпоху перемен // *Центральная Азия и Кавказ*, 2007, № 4 (52).

¹³ См.: *Pannier B.* Turkmen Gas Exports to Iran a Boon for Both Countries // *Radio Free Europe/Radio Liberty*, 5 January 2010 [<http://www.rferl.org/articleprintview/1921933.html>], 26 July 2017.

Персидского залива и на мировой рынок»¹⁴. Обе страны расценили промышленную эксплуатацию трубопровода как надежную основу для развития долгосрочного стратегического партнерства и как важный фактор, открывающий новые возможности для расширения двусторонних и многоаспектных отношений между ними¹⁵. Чтобы еще больше укрепить свои отношения, обе страны расширили сотрудничество в освоении новых месторождений газа, расположенных на приграничных территориях обеих стран, а также в проекте по освоению газового месторождения Гонбадди в северо-восточном Иране с ожидаемой отдачей 0,7 млрд куб. м в день бессернистого (не содержащего сероводорода) газа. Завершено и еще несколько проектов в нефтегазовом секторе, таких как проект по строительству установки для производства бензина стоимостью 47 млн долл. на нефтеперегонном заводе в Туркменбаши. Среди других проектов — установка по очистке газа в Корпедже стоимостью 200 млн долл., газокompрессорная станция в Корпедже за 160 млн долл., а также терминалы сжиженного газа стоимостью 33 млн¹⁶. Время от времени и Иран, и Туркменистан торжественно заявляют о намерении и дальше развивать сотрудничество в этом секторе.

Электроэнергетический сектор

Вторая важная отрасль энергетики в Туркменистане — генерация электроэнергии. Все электростанции в Туркменистане работают исключительно на природном газе. Совокупные электрогенерирующие мощности страны в апреле 2016 года составляли приблизительно 5,2 ГВт, что превышает внутренние потребности. В 2015 году Туркменистан произвел свыше 22 млрд кВт·ч электроэнергии, из которых 3,2 млрд экспортировал в другие страны Центральной Азии, а также в Афганистан, Иран, Турцию. Кроме того, время от времени Туркменистан принимал разного рода меры и проводил программы по модернизации и расширению своего сектора электрогенерации: проводил новые линии электропередачи и наметил с 2015 до 2020 года ввести в строй 14 новых электростанций, работающих на природном газе. К апрелю 2016 года в стране уже действовали 12 тепловых электростанций. Существуют планы нарастить производство электроэнергии с 19 млрд кВт·ч (показатель 2011 г.) до 35,5 млрд кВт·ч к 2030 году¹⁷.

Сотрудничество между Туркменистаном и Ираном в сфере электроэнергетики достигло новых высот в 2003 году, когда обе страны подписали соглашение о сотрудничестве в электроэнергетической отрасли. Подписание соглашения позволило Ирану импортировать электроэнергию из Туркменистана и проложить через свою территорию энергетический коридор Туркменистан — Иран — Турция. По этому коридору Турция ежегодно получает 600 млн кВт·ч электроэнергии, произведенной в западных областях Туркменистана. Первая очередь совместной построенной линии электропередачи Балканабат — Гонбад напряжением 220 кВ, соединившая туркменский Балканабат с Алиабадом в Иране, была введена в промышленную эксплуатацию в июне 2003 года. По ней предполагается ежегодно поставлять 562,2 млн кВт·ч электроэнергии. В 2004 году была открыта вторая очередь линии электропередачи Серахс (Туркменистан) — Серахс (Иран) напряжением 220 кВ пропускной способностью 100 мВт в час. С за-

¹⁴ Turkmenistan Opens New Iran Gas Pipeline // BBC News, 6 January 2010 [<http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/2/hi/asiapacific/8443787.stm>], 26 July 2017.

¹⁵ См.: Press Release on Gas Pipeline from Turkmenistan to Iran on a Route of Dovletabad — Serahs —Hangeran // Embassy of Turkmenistan, 6 January 2010 [http://www.turkmenembassy.org.uk/news/january_2010/PRESS_RELEASE_TURKMENISTAN_IRAN_GAS_PIPELINE.pdf], 1 August 2017.

¹⁶ См.: *Atai F., Azizi H.* Op. cit.

¹⁷ См.: EIA Turkmenistan Overview [<https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=TKM>], 8 August 2017.

вершением строительства этих двух линий электропередачи иранский импорт электроэнергии из Туркменистана достиг 375 млн кВт·тч в год¹⁸. В феврале 2014 года во время встречи в Тегеране с иранским министром энергетики Хамидом Читчианом министр иностранных дел Туркменистана Мередов заявил, что в 2013 году Туркменистан экспортировал в Иран более 1,5 млрд кВт·тч электроэнергии, при этом хотел бы экспортировать в Турцию через Иран избыток электроэнергии в объеме 800 млн кВт·тч¹⁹.

Иран как транзитный коридор

Центральная Азия, как известно, не имеет прямого выхода к Мировому океану. От океана ее отделяют на востоке Китай, на западе — Россия и республики Южного Кавказа: Армения, Азербайджан и Грузия, на севере — снега западносибирской тайги. С южной стороны между Центральной Азией и Мировым океаном лежат Афганистан и Иран²⁰. До получения независимости республики Центральной Азии во всем полностью зависели от руководства СССР. Была создана обширная целостная инфраструктура, обеспечивающая связанность региона с другими частями Советского Союза. Но с обретением независимости они получили возможность диверсифицировать свои экономические связи и искать альтернативные маршруты, обеспечивающие выход на другие страны и регионы мира для развития торговли. У республик Центральной Азии есть три возможных коридора для выхода в большой мир независимо от России:

- 1) через Китай,
- 2) через Афганистан и Пакистан и
- 3) через Иран.

Самым длинным является китайский маршрут, самым коротким — путь через Афганистан и Пакистан. Однако из-за гражданской войны в Афганистане возможность выхода к океану по афганскому маршруту для стран Центральной Азии в ближайшем будущем исключена. Сегодня у них просматривается единственный альтернативный маршрут для выхода в большой мир — тот, что проходит через Иран²¹. Уникальное географическое положение Ирана превращает его в перекресток транзитных маршрутов, ведущих с Ближнего Востока и с побережья Персидского залива в республики Центральной Азии. Эти республики, не имеющие собственного выхода к морю, легко могут получить его через территорию соседних государств. И благодаря удобному местоположению Иран является самой подходящей страной, способной обеспечить им прямой доступ к внешнему миру²². Кроме того, путь через Иран — самый короткий, всего в 2 000 миль, и самый экономичный коридор, связывающий республики Центральной Азии с Персидским заливом²³.

¹⁸ См.: Another Power Transmission Line Commissioned on Turkmen-Iranian Border // Turkmenistan.ru, 23 August 2004 [http://www.turkmenistan.ru/?page_id=3&lang_id=en&elem_id=5375&type=event&sort=date_desc], 2 July 2017.

¹⁹ См.: Tehran Times, 16 February 2014 [<http://www.tehrantimes.com/economy-and-business/114118-turkmenistan-seeks-to-transit-electric-power-via-iran>], 3 July 2017.

²⁰ См.: *Shamsuddin*. Central Asia: A Factor in Indo-Iranian Relations. В кн.: Contemporary Iran and Emerging Indo-Iranian Relations / Ed. by Girijesh Pant, P.C. Jain and A.K. Pasha. New Delhi: Neelkanth Publishers, 1996. P. 160.

²¹ См.: Tehran Times, 16 February 2014.

²² См.: *Aghazadeh M.* Iran's Foreign Policy Approach Toward Central Asia and the Caucasus // Eurasian Universities Union Academic Journal, Winter 2015, Turkey. P. 199 [http://www.researchgate.net/publication/275689164_Irans_Foreign_Policy_Approach_toward_the_Central_Asia_and_Caucasus], 12 July 2017.

²³ См.: *Atai F.* A Look to the North: Opportunities and Challenges. В кн.: Iran in the 21st Century: Politics, Economics and Conflict / Ed. by H. Katouzian and H. Shahidi. New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2008. P. 125.

З а к л ю ч е н и е

Даже беглый обзор всех этих деталей и предпринятых обеими странами инициатив ясно показывает, что энергетический сектор способен сыграть важную роль в укреплении туркмено-иранских двусторонних отношений. Иран видит в сотрудничестве с Туркменистаном возможность повысить собственную роль и влияние, прежде всего в сфере экспорта энергоносителей. Для Туркменистана отношения с Ираном также важны сразу в нескольких сферах. Иран может служить главным коридором, через который страна получит выход к Мировому океану. Для энергетического сектора Туркменистана Иран может иметь значение не только как потребитель и рынок сбыта — он также способен сыграть важную роль в обеспечении этого сектора необходимыми техническими знаниями и компетенциями. Успешное завершение строительства и запуск в эксплуатацию инфраструктуры железнодорожного сообщения между Ираном, Туркменистаном и Казахстаном через восточное побережье Каспийского моря, создаваемой для того, чтобы обеспечить странам Центральной Азии доступ к Персидскому и Оманскому заливам, открывает также дополнительные возможности для углубления их сотрудничества, поскольку эти железнодорожные пути могут выступать как маршруты для доставки нефти и газа на мировые рынки. И хотя на связи между Ираном и Туркменистаном по-прежнему влияют отношения Ирана с Соединенными Штатами, но успех ведущихся переговоров между Туркменистаном и ИРИ, безусловно, позволит поднять туркмено-иранские отношения на новый уровень.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ УРОВНЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИКУ И УСТОЙЧИВОСТЬЮ ЕЕ К КРИЗИСАМ

Фидан ИСМАЙЛОВА

*аспирант Академии государственного управления
при Президенте Азербайджанской Республики
(Баку, Азербайджан)*

А Н Н О Т А Ц И Я

В статье на основе анализа результатов последнего глобального кризиса описан метод оценки связи между уровнем государственного вмешательства в экономику и устойчивостью ее к кризисам.

Для измерения степени государственного вмешательства в экономику был использован предложенный профессором Н. Музаффарли модифицированный вариант индекса левизны (правизны) экономики, а для измерения устой-

чивости экономики к кризисам — индекс кумулятивных потерь.

Результаты анализа этой взаимосвязи в 57 государствах дают основание утверждать, что в тех странах, где до начала кризиса степень государственного вмешательства в экономику была на более высоком уровне, наблюда-

ется слабая обратная (защитная) реакция на кризис и наибольшие кумулятивные потери. Было определено, что государственное вмешательство в процессы движения капитала, ценообразования и лицензирования приводит к существенному ослаблению «иммунитета» экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: индекс левизны (правизны) экономики, индекс кумулятивных потерь, устойчивость экономики к кризисам, глобальный финансовый кризис, вмешательство государства в экономику.

Введение

Йозеф Шумпетер в книге «Капитализм, социализм и демократия» писал: «Открытие новых рынков, внутренних и внешних, и развитие экономической организации от ремесленной мастерской и фабрики до таких концернов-гигантов, как «US Steel», иллюстрируют процесс индустриальной мутации — если можно употребить здесь биологический термин, — который непрерывно реконструирует экономическую структуру изнутри, разрушая старую структуру и создавая новую. Этот процесс созидательного разрушения (*creative destruction*) является самой сущностью капитализма»¹.

Вызванный «созидательным разрушением» и происходящий внутри экономической системы процесс обновления, а именно вывод из строя слабых и малоэффективных предприятий и их замена более эффективными, состоит из нескольких фаз, именуемых экономическим (либо деловым) циклом. С наступлением фазы кризиса — самой тяжелой и непредсказуемой стадии экономического цикла — малоэффективные предприятия терпят банкротство, внедряются современные технологии, и на рынке либо появляются новые предприятия с более эффективной системой управления, либо за счет акций обанкротившихся предприятий расширяют свое поле деятельности те, что остались на рынке. В итоге с появлением инновационных предприятий на месте «слабых звеньев» происходит более эффективное распределение ресурсов и экономика, преодолевая кризис, начинает постепенно оживать. Таким образом, кризис в рыночной экономике сопровождается процессом ее очищения и оздоровления.

Известно, что современная экономическая система состоит не только из субъектов рынка, государство также участвует в экономических процессах и оказывает на них непосредственное воздействие. Неоспорима важная роль государства в деле эффективного функционирования рыночной системы, то есть в деле создания базовых условий для предпринимательской деятельности (инфраструктура, безопасность и др.) и совершенных механизмов конкуренции, а также осуществления справедливого контроля над «установленными правилами игры». Однако, если осуществляется чрезмерное государственное вмешательство в процесс формирования цен, свободное движение товаров, услуг и рабочей силы, то происходит аккумуляция больших денежных ресурсов для государственного финансирования и одновре-

¹ Shumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. P. 83.

менного «вытеснения» частного сектора, что в конечном счете ограничивает рамки «созидательного разрушения», то есть затрудняет процедуру самоочищения и оздоровления рынка. Увеличение уровня государственного вмешательства приводит к снижению «иммунитета» экономических субъектов к кризисам, ослаблению способности быстрого и эффективного реагирования на них. В этой связи определение эффективного уровня государственного вмешательства в экономику приобретает особое значение как с точки зрения экономического роста, распределения прибыли и т.д., так и в аспекте повышения устойчивости экономики к кризисам.

В данной статье исследование вопросов оценки этой взаимосвязи в условиях последнего глобального финансового кризиса было осуществлено в целях уточнения тезиса: «Действительно ли увеличение уровня государственного вмешательства в экономику делает ее еще более чувствительной и уязвимой во время кризисов?» Кроме того, предлагаются сравнительный анализ и оценка этой взаимосвязи в странах с различным уровнем развития.

Методология

В процессе оценки для выражения устойчивости экономики к кризисам был использован индекс кумулятивных потерь (CLI). В этой работе CLI рассматривается в виде соотношения единиц фактического темпа кумулятивного прироста в 2009—2010 годах и его ожидаемого (потенциального) темпа до начала кризиса. В качестве показателей ожидаемого темпа прироста были использованы расчеты Международного валютного фонда об ожидаемых (прогнозируемых) в странах мира темпах прироста на ближайшие два года, представленные на страницах издания «Обзор мировой экономики» (*World Economic Outlook*) в апреле 2008 года².

Формула CLI была выведена следующим образом:

$$CLI = (Agrowth / Egrowth) - 1. \quad (1)$$

В этой формуле *Agrowth* означает наблюдаемый в 2009—2010 годах фактический темп кумулятивного прироста (в виде коэффициента), а *Egrowth* — ожидаемый (прогнозируемый) темп кумулятивного прироста (также в виде коэффициента).

Наибольшие потери от кризиса наблюдаются в тех странах, где полученные в результате подсчетов цены CLI ниже нуля.

В процессе оценки для выражения степени государственного вмешательства в экономику был использован модифицированный вариант индекса левизны (правизны) экономики, предложенный Н. Музаффарли³.

В отчете об индексах левизны (правизны) экономики 2015 года степень государственного вмешательства в экономику, согласно предложенной методологии, был рассчитан на основе шести субиндексов⁴:

Субиндекс государственных финансов (PF) отражает уровень перераспределения доходов посредством налогов и рассчитан как среднеарифметическое двух подиндексов — подиндекса бюджетных расходов и подиндекса налогового бремени предприятий. Подиндекс бюджетных расходов рассчитан на основе показателей удельного веса бюджетных расходов в ВВП, выраженного в процентах. Подиндекс налогового бремени рассчитан на основе индекса-

² См.: International Monetary Fund «World Economic Outlook: Housing and the Business Cycle», April 2008.

³ См.: Музаффарли Н. Социальная ориентированность экономики в правистских и левистских системах. Баку: Шарг-Гарб, 2014.

⁴ См.: ИЛ(П)Э-2015: либеральный потенциал экономики / Под ред. Н. Музаффарли. Баку: Институт экономики НАНА, 2017. С 13 (на азерб. яз.).

ции показателей отношения налогов, выплаченных в течение года условным смоделированным предприятием, к его годовой прибыли. Для обоих подиндексов принято, что $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 100$.

Субиндекс регулирования цен (PR) выражает уровень свободы ценообразования и одновременно степень государственного вмешательства в формирование цен. Приближение субиндекса к нулю свидетельствует о либерализации ценообразования, а к единице — об усилении ценового регулирования. Рассчитан как среднеарифметическое от двух подиндексов — подиндекса свободы цен и подиндекса монетарной свободы. Для подиндекса свободы цен принято, что $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 10$, а для подиндекса монетарной свободы — $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 100$. Поскольку в статистических источниках, использованных при исчислении подиндексов, более высокие баллы выражают меньшее государственное вмешательство, итоговые значения субиндекса вычтены из единицы.

Субиндекс внешней торговли (FT) измеряет уровень либеральности внешней торговли и жесткость государственного регулирования в этой сфере. Приближение субиндекса к нулю указывает на расширение свободы предприятий в области внешней торговли, а к единице — усиление государственного регулирования в этой сфере. Субиндекс внешней торговли рассчитан как среднеарифметическое трех подиндексов: подиндекса свободы внешней торговли, подиндекса экономической цены импорта и подиндекса свободы торговли. Для подиндекса свободы внешней торговли принято, что $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 10$, для подиндекса экономической цены импорта — $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 7$, для подиндекса свободы торговли $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 100$. Поскольку в статистических источниках, использованных при исчислении подиндексов, более высокие баллы выражают меньшее государственное вмешательство, итоговые значения субиндекса вычтены из единицы.

Субиндекс лицензирования (L) рассчитан на основе методологии Всемирного банка путем индексации показателей времени и расходов, необходимых для строительства условного объекта гипотетической компанией. Субиндекс является среднеарифметическим этих двух показателей. Для подиндекса времени принято, что $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 1000$, а для подиндекса расходов — $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 100$.

Субиндекс регулирования занятости (ER) измеряет степень вмешательства государства в отношения между работодателем и наемным работником по поводу организации процесса труда. Рассчитан на основе подиндекса жесткости регулирования занятости и подиндекса расходов на увольнение. Первый подиндекс, в свою очередь, определяется на основе трех показателей: простоты (сложности) найма на работу, жесткости регулирования рабочего времени и простоты (сложности) увольнения. Учитывая, что первый подиндекс состоит из трех компонентов и их суммарная роль в регулировании занятости выше, ему дан больший вес (0,75), а второму — меньший (0,25). Для обоих подиндексов принято, что $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 100$.

Субиндекс минимальной заработной платы (MW) является индексированным вариантом отношения годовой минимальной заработной платы, устанавливаемой государством, к ВВП на душу населения. При индексировании принято, что $V_{\min} = 0$, $V_{\max} = 100$.

В указанном отчете индекс левизны (правизны) экономики в целом исчислен по следующей формуле:

$$IL(R)E_i = 0,30*PF_i + 0,14*PR_i + 0,14*FT_i + 0,14*L_i + 0,14*ER_i + 0,14*MW_i. \quad (2)$$

Как уже было отмечено, индекс левизны (правизны) в данном исследовании был включен в ценообразование в отличном от оригинала модифицированном виде:

Субиндекс регулирования цен (PC) рассчитан на основе паритета покупательной способности (ППС). Идея основывается на тезисе о том, что в условиях, когда неизменными остаются другие данные, наиболее высокий уровень административного ценообразования наблюдается в тех странах, где высок коэффициент ППС. С этой целью при расчете среднего коэффициента

циента ППС за предшествующие кризису три последних года (2006, 2007 и 2008 гг.) был использован вариант индикативного метода *Max-min*.

Субиндекс внешней торговли, под названием субиндекс регулирования торговли (**TR**) — это вариант индикативного метода *Max-min*, рассчитанный только одним из трех подиндексов, принятых в оригинальной методологии, а именно — на основе показателей из отчета «Индекс экономической свободы», разрабатываемого Фондом «Наследие» (*Heritage*)⁵.

В процесс ценообразования был отдельно включен субиндекс регулирования потоков капитала (**CFR**), который приобретает особое значение в периоды возникновения и распространения кризисов. Данный субиндекс является вариантом индикативного метода *Max-min* по показателям Ограничений на потоки капитала (*Restrictions on Capital Flow*), представленным в отчете Всемирного экономического форума «Глобальная конкурентоспособность»⁶.

В связи с недоступностью необходимых данных на период исчислений в итоговых расчетах индекса левизны (правизны) экономики не был учтен субиндекс минимальной заработной платы.

В данном исследовании индекс левизны (правизны) экономики исчислен по следующей формуле:

$$IL(R)E_{mod} = 0,30*PF + 0,15*TR + 0,15*CFR + 0,15*PC + 0,15*ER + 0,10*L. \quad (3)$$

Как для индекса левизны (правизны), так и для его субиндексов связь между степенью государственного вмешательства в экономику и устойчивостью экономики к кризисам была исчислена на основе нижеприведенной формулы равенства коэффициентов регрессии:

$$CLI = \beta_0 + \beta_1*IL(R)E + \beta_2*D_1 + \beta_3*D_2 + \varepsilon, \quad (4)$$

где *CLI* — индекс кумулятивных потерь;

IL(R)E — индекс левизны (правизны) экономики (а также по отдельности и его субиндексы);

*D*₁, *D*₂ — фиктивные переменные, используемые для выражения наибольших и наименьших по отношению к среднему показателю потерь, которые вследствие различных причин наблюдаются в некоторых странах;

ε — выражает элемент белого шума;

Количество проанализированных стран ограничено в исчислениях их доступностью. В данном исследовании эти исчисления проведены по 57 странам.

Уровень государственного вмешательства в экономику и кумулятивные потери: результаты по странам

По результатам исчисления индексов левизны (правизны) экономики до начала глобального кризиса среди 57 проанализированных стран самой правой (самой близкой к правому полюсу) является экономика Швейцарии (0,172), где государственное вмешательство нахо-

⁵ См.: *Holmes K.R., Feulner E.J., O'Grady M.A. et al.* 2008 Index of Economic Freedom. USA: Heritage Foundation and The World Street Journal, 2008.

⁶ См.: *Schwab K., Porter M.P.* The Global Competitiveness Report 2008—2009 // World Economic Forum, 2008.

Таблица 1

Рэнкинг стран по уровню государственного вмешательства
в экономику (индекс левизны (правизны) экономики)
в период до начала глобального кризиса (IL(R)E)

Место	Страна	IL(R)E	Место	Страна	IL(R)E
1	Switzerland	0,172	30	Slovenia	0,332
2	Singapore	0,179	31	Belgium	0,334
3	Denmark	0,192	32	Mexico	0,339
4	Iceland	0,198	33	Romania	0,343
5	Luxembourg	0,245	34	Poland	0,344
6	Ireland	0,246	35	Greece	0,344
7	United States	0,247	36	Czech Republic	0,348
8	United Kingdom	0,257	37	Lithuania	0,348
9	Canada	0,261	38	Hungary	0,351
10	Israel	0,268	39	Portugal	0,353
11	Chile	0,271	40	Spain	0,355
12	New Zealand	0,274	41	Uruguay	0,365
13	Australia	0,285	42	Macedonia	0,370
14	Finland	0,285	43	France	0,373
15	Norway	0,294	44	Bulgaria	0,374
16	Estonia	0,300	45	<i>Azerbaijan</i>	0,375
17	Latvia	0,300	46	Albania	0,386
18	Korea	0,302	47	Bosnia and Herz,	0,392
19	Netherlands	0,302	48	Moldova	0,414
20	Sweden	0,302	49	Kyrgyz Republic	0,418
21	Austria	0,303	50	Serbia	0,421
22	Turkey	0,306	51	Ukraine	0,436
23	Georgia	0,313	52	Russia	0,439
24	Armenia	0,313	53	Italy	0,449
25	Germany	0,314	54	Brazil	0,450
26	Kazakhstan	0,318	55	China	0,481
27	Slovak Republic	0,319	56	Iran	0,500
28	Japan	0,322	57	India	0,600
29	Croatia	0,326	IL(R)E-средняя арифметическая		0,334

Источники: Таблица составлена на основе исчислений автора.

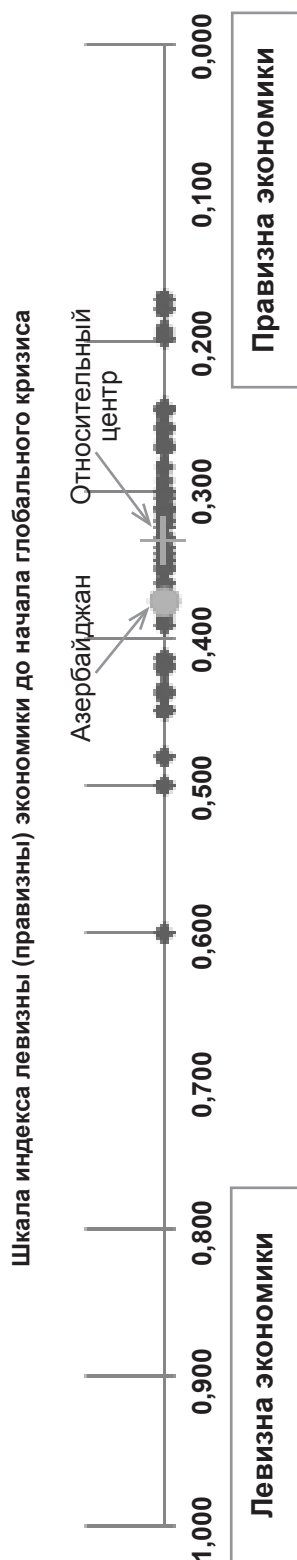
Таблица 2

Кумулятивные потери стран в период обострения
глобального кризиса (2009—2010 гг.):
результаты индекса кумулятивных потерь (CLI) по странам

Место	Страна	CLI	Место	Страна	CLI
1	Armenia	-0,242	30	Austria	-0,055
2	Lithuania	-0,224	31	Denmark	-0,055
3	Estonia	-0,194	32	Azerbaijan	-0,053
4	Latvia	-0,186	33	New Zealand	-0,052
5	Ukraine	-0,177	34	France	-0,052
6	Romania	-0,166	35	Turkey	-0,051
7	Croatia	-0,158	36	Albania	-0,050
8	Russia	-0,147	37	Portugal	-0,050
9	Bulgaria	-0,140	38	Norway	-0,050
10	Slovenia	-0,137	39	Canada	-0,048
11	Moldova	-0,133	40	Italy	-0,047
12	Georgia	-0,131	41	Chile	-0,046
13	Serbia	-0,128	42	Japan	-0,044
14	Greece	-0,128	43	Belgium	-0,043
15	Iceland	-0,124	44	United States	-0,041
16	Ireland	-0,122	45	Germany	-0,039
17	Slovak Republic	-0,121	46	Sweden	-0,038
18	Bosnia and Herz.	-0,113	47	Poland	-0,036
19	Hungary	-0,110	48	Korea	-0,024
20	Czech Republic	-0,102	49	Australia	-0,023
21	Finland	-0,095	50	Switzerland	-0,016
22	Kyrgyz Republic	-0,093	51	Brazil	-0,010
23	Luxembourg	-0,092	52	Israel	-0,007
24	Spain	-0,084	53	China	-0,003
25	Macedonia	-0,080	54	India	-0,001
26	Mexico	-0,074	55	Iran	0,004
27	United Kingdom	-0,069	56	Singapore	0,028
28	Kazakhstan	-0,057	57	Uruguay	0,039
29	Netherlands	-0,056			

Источники: Таблица составлена на основе исчислений автора.

Рисунок 1

дится на минимальном уровне. Первую десятку стран, самых близких к правому полюсу, в указанный период времени в основном составляют наиболее развитые государства.

В этот же период Индия (0,600), Иран (0,500) и Китай (0,481) являются странами, где государственное вмешательство находится на максимальном уровне, или самыми близкими к левому полюсу. Исключая Италию, страны, находящиеся близко к левому полюсу, относятся к категории развивающихся.

В таблице, где страны ранжируются от наименьших показателей к наибольшим, азербайджанская экономика по уровню государственного вмешательства располагается на 45-м месте, с индексом цен, равным 0,375, и по этому критерию занимает место среди экономик, характеризующихся левизной. Так, средний показатель (*mean*) среди 57 стран, иными словами, относительный центр Шкалы левизны/правизны экономик находится на отметке 0,334, а медиана — на отметке 0,326 (на этой точке располагается Хорватия). Относительно этих двух показателей Азербайджан расположен ближе к левому полюсу (см. табл. 1 на стр. 43 и рис. 1).

В 2009—2010 годах, когда глобальный кризис вступил в фазу наибольшего обострения, в экономиках проанализированных стран, за исключением Уругвая, Сингапура и Ирана, наблюдались ощутимые потери. В указанный период времени самые высокие кумулятивные потери были зафиксированы в экономике Армении. Следующие две страны, понесшие значительные потери, — это Литва и Эстония. Первую десятку государств, понесших наибольшие потери, составляют развивающиеся страны.

Азербайджан расположился на 32-м месте из 52 стран; по этому показателю он стоит в одном ряду с такими развитыми странами, как Австрия, Дания, Новая Зеландия и Франция (см. табл. 2).

Результаты регрессионного анализа

На рис. 2 не наблюдается отчетливой связи между CLI и $IL(R)E$, но контуры этой связи более отчетливо прослеживаются в период нейтрализации последствий в странах с наибольшими потерями (при ценообразовании это было претворено в жизнь посредством фиктивных переменных).

Как видно из результатов анализа 57 стран увеличение государственного вмешательства в экономику приводит к ослаблению ее устойчивости к кризисам и увеличению кумулятивных потерь (см. табл. 3).

Рисунок 2

График распределения, изображающий связь между фиктивными переменными (выписка из *EViews*)

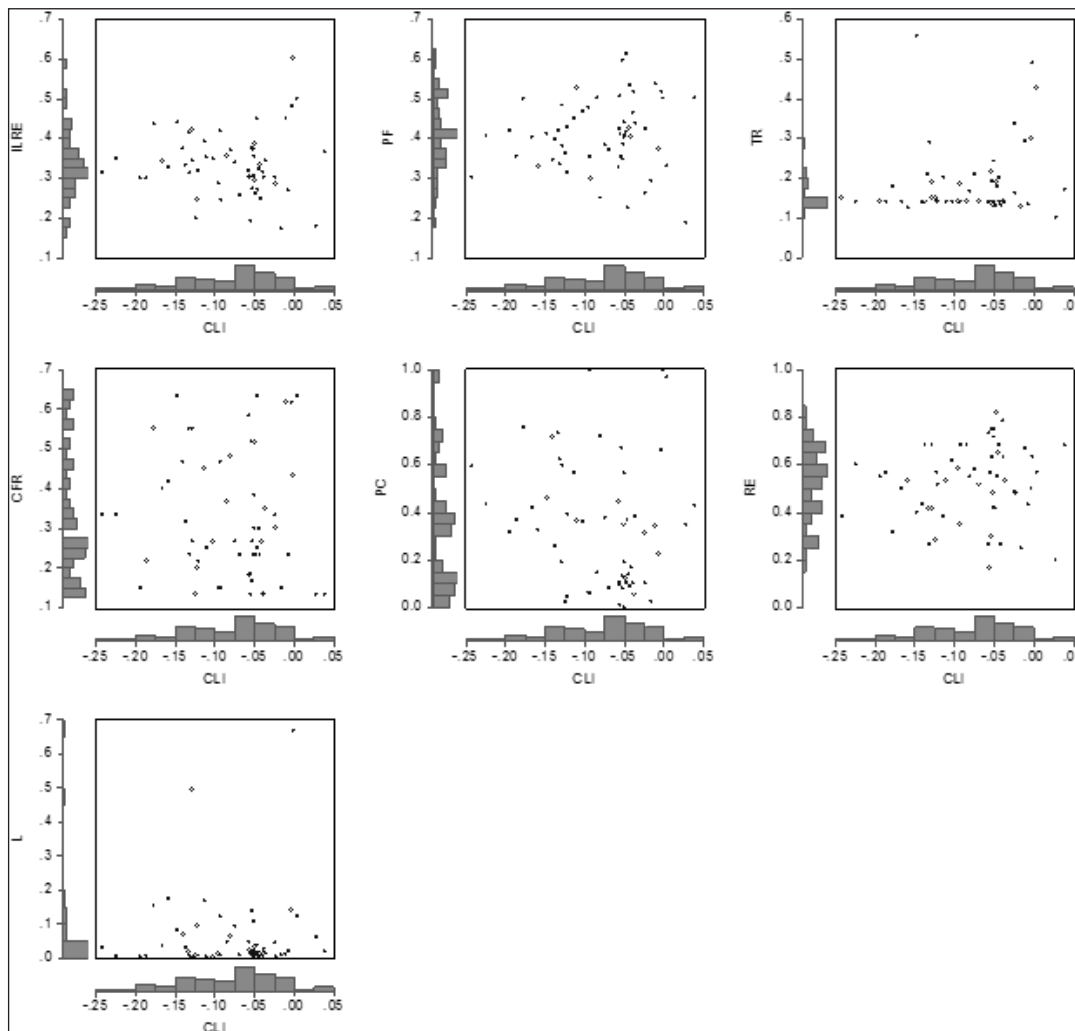

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа влияния уровня государственного вмешательства в экономику на ее устойчивость к кризисам

	CLI						
	4,1	4,2	4,3	4,4	4,5	4,6	4,7
IL(R)E	-0,316						
	0,000						
PF		-0,082					
		0,245					

Таблица 3 (продолжение)

	CLI						
	4,1	4,2	4,3	4,4	4,5	4,6	4,7
TR			-0,109				
			0,153				
CFR				-0,123			
				0,001			
PC					-0,057		
					0,013		
ER						0,003	
						0,936	
L							-0,091
							0,095
C	0,024	-0,044	-0,058	-0,039	-0,059	-0,078	-0,072
	0,369	0,130	0,000	0,004	0,000	0,000	0,000
D ₁	-0,125	-0,128	-0,129	-0,129	-0,119	-0,126	-0,129
	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
D ₂	0,123	0,082	0,089	0,099	0,089	0,073	0,084
	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,001	0,000
R ²	0,633	0,539	0,545	0,610	0,580	0,527	0,551
F stat.	30,410	20,646	21,153	27,637	24,368	19,676	21,708
Durbin-Watson stat.	2,263	2,224	2,255	2,005	2,176	2,201	2,215
AIC	-3,623	-3,396	-3,409	-3,563	-3,488	-3,370	-3,423
N — количество наблюдений (стран)	57	57	57	57	57	57	57

Примечание: Под коэффициентами простым шрифтом написаны цифры, означающие предполагаемые показатели.

Источник: Таблица составлена на основе исчислений автора.

Так, согласно результатам исчислений по модели 4,1, увеличение IL(R)E на 0,100 единиц приводит к сокращению объема CLI на 0,032 единицы, то есть этот процесс сопровождается увеличением кумулятивных потерь в указанном размере. Коэффициент детерминации (R² — R квадрат) указывает на то, что 63,3 процента потерь, наблюдаемых в избранных странах в период глобального финансового кризиса, — это результат добавления в модель новых переменных. В некоторых странах (Армения, Латвия, Литва, Эстония и Румыния) кумулятивные потери были больше рассчитанного размера, а в других (Бразилия, Китай, Индия, Иран, Италия и Уругвай) — меньше.

Различные направления государственного вмешательства в экономику оказывают различное влияние — схожая картина наблюдается и при ценообразовании по субиндексам $IL(R)E$. Все субиндексы, за исключением субиндекса по регулированию занятости (ER), имеют отрицательный коэффициент, то есть увеличение государственного вмешательства в направление, которое выражает тот или иной субиндекс, оказывает негативное влияние на устойчивость экономики к кризисам, повышает уровень кумулятивных потерь. Но высказать какое-либо мнение по поводу влияния этих процессов на субиндекс государственных финансов (PF) и субиндекс регулирования внешней торговли (TR) затруднительно ввиду того, что их коэффициенты статистически незначительны. По остальным субиндексам это влияние отслеживается более отчетливо.

Увеличение цены субиндекса, означающего ограничение движения капитала, на 0,100 единиц сокращает устойчивость экономики к кризисам на 0,0123 единицы, иными словами, повышает объем CLI в указанном размере. Статистически значимым считается коэффициент на уровне 0,01.

Усиление регулирования цен также оказывает свое негативное влияние на устойчивость экономики к кризисам — увеличение цены субиндекса, выражающего это направление, на 0,100 единиц сокращает устойчивость экономики к кризисам на 0,006 единиц и увеличивает объем CLI .

Увеличение регулирования в области лицензирования также сокращает возможности реагирования экономики на кризисы. Согласно результатам ценообразования, увеличение субиндекса лицензирования (L) на 0,100 единиц (это приводит к ужесточению правил входа/выхода на рынок) увеличивает объем кумулятивных потерь на 0,009 единиц.

Таким образом, полученные эмпирические выводы подтверждают приведенный в начале исследования тезис о том, что увеличение уровня государственного вмешательства в экономику приводит к ослаблению ее устойчивости к кризисам.

Выводы

Анализ и оценка взаимосвязи между уровнем государственного вмешательства в экономику и устойчивостью ее к кризисам в 57 странах на стадии наибольших кумулятивных потерь (2009—2010 гг.) последнего глобального кризиса дают основание утверждать, что самую слабую реакцию на кризис и наибольшие кумулятивные потери понесли именно те страны, где до начала кризиса уровень государственного вмешательства в экономику был более высоким.

Основной вывод, имеющий методологическое значение для формирования экономической политики, заключается в том, что уменьшение уровня государственного вмешательства в экономику, особенно — свободное движение капитала (отсутствие административно-экономических препятствий), рыночное ценообразование (невмешательство государства в процесс образования цен) и отсутствие (путем лицензирования) жестких ограничений для входа/выхода на рынок (либо нахождение его на минимальной отметке) усиливает «иммунитет» экономики и создает необходимые условия для ее эффективной и своевременной реакции на кризисы.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И МИГРАЦИЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА, КЫРГЫЗСТАНА)

Роза НУРТАЗИНА

*доктор политических наук, профессор кафедры политологии
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)*

Арман ТОКТУШАКОВ

*докторант кафедры политологии
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу процессов внутренней миграции в некоторых странах Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан) и рассмотрению опасностей, которые данное явление представляет для общества перечисленных стран. Целями исследования являются: определение

теоретических понятий «миграция», «внутренняя миграция» и «социальные риски», анализ главных социальных рисков в странах региона. В ходе исследования в контексте внутренней миграции выявлены вероятные точки социального беспокойства и недовольства населения. Определены также основные

социальные риски внутренней миграции в Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане: нарушение баланса на рынке труда, рост конфликтности в обществе, снижение толерантности по отношению к мигрантам, чрезмерная урбанизация, деградация сел, ухудшение криминогенной обстановки, снижение

рождаемости, нарушение прав человека, ухудшение экологической обстановки, снижение уровня территориально-культурного единства, угроза безопасности и качеству жизни местных сообществ, гражданская пассивность мигрантов, причины этих рисков и связь с текущими миграционными процессами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция, внутренняя миграция, социальные риски, безработица, Центральная Азия.

Введение

В условиях глобализации и экономического кризиса по всему миру растут масштабы миграционных процессов. Динамика миграции усиливается либерализацией национальных экономик, транснационализацией рынков труда, неравномерностью социально-экономического развития государств. Объемы международной миграции растут также из-за появления очагов напряженности и дестабилизации политической обстановки в отдельных регионах.

В последние годы особую остроту проблема миграции приобретает в странах Западной Европы (Германия, Франция, Италия). Крупные миграционные потоки из стран Ближневосточного региона формируют в этих странах новую социальную реальность. Обостряются вопросы инфраструктуры, логистики, жилья, трудоустройства, социальной адаптации мигрантов. Вместе с тем появляется угроза въезда в страну участников террористических и экстремистских организаций под видом беженцев.

Усиление динамики миграционных процессов характерно и для отдельных стран Центральной Азии, а именно Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана. И хотя у внешней и внутренней миграции существует множество причин, главными являются экономические: потеря или нехватка рабочих мест, сокращение доходов, обеднение населения, низкий уровень урбанизации. «Главное влияние на миграцию оказывают экономические факторы, важнейшим из которых является уровень жизни», — справедливо отмечал еще в 1970-х годах один из исследователей миграции Д.Д. Москвин¹.

При проведении данного исследования широко использовались исследования ученых из стран СНГ, а также статистические данные по странам. Особенно следует отметить работы О.Д. Воробьевой, В.М. Моисеенко, М.В. Курмана и В.И. Старовой, Л.Л. Рыбаковского, В.И. Переведенцева, А. Кельник, Л.И. Ниворожкиной и Н.А. Колосовой, П.В. Василенко, Э. Габдуллина, М.Б. Асанбаева и других.

Среди зарубежных авторов следует отметить Э. Равенштейна и И. Валлерстайна, чьи работы помогли сформировать теоретическую базу нашего исследования².

¹ См.: Москвин Д.Д. Население СССР: Проблемы миграции. М., 1991. С. 100.

² См., например: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2004 (см. также: Wallerstein I. The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 2001); Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical Society, 1885, No. 46. P. 167—235; Idem. The Laws of Migration: Second Paper // Journal of the Royal Statistical Society, 1889, No. 52. P. 241—305.

Данное исследование представляется актуальным, так как процессы внутренней миграции в значительной степени определяют состояние региональных рынков труда, текущую социально-экономическую и демографическую ситуацию в регионе. А от них зависит внутривнутриполитическая стабильность и безопасность стран.

Задачами данного исследования являются

- определение теоретических понятий «миграция», «внутренняя миграция» и «социальные риски»;
- оценка процессов внутренней миграции в странах Центральной Азии на примере Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана;
- определение главных социальных рисков, которые несет в себе процесс внутренних миграций в странах Центральной Азии.

Достижение цели невозможно без использования комплекса взаимодополняющих теоретических методов исследования. Важнейшую роль в построении методологии исследования играют системный подход и теория международных отношений, в рамках которых использовался метод сводных данных, проблемно-логический метод анализа данных.

1. Понятия «внутренняя миграция» и «социальные риски»

Прежде чем приступить к анализу проблемы, необходимо прийти к четкому пониманию используемых терминов.

Начнем с определения термина «миграция».

В научной литературе не существует единого подхода к определению данного понятия. При этом следует отметить целый ряд теоретических подходов, разработанных представителями западной исследовательской школы.

Одно из первых теоретических обоснований миграции было предложено английским ученым Э. Равенштейном, сформулировавшим «законы миграции». Основная идея данных законов состоит в том, что мигранты, покидая территории с ограниченными возможностями, перемещаются в регионы с большими возможностями. Различие в уровне развития стран влияет на размеры и направление миграционных потоков³.

Согласно неоклассической теории, причины миграционной подвижности населения лежат в различиях в уровнях заработной платы между странами происхождения и назначения мигрантов. Миграция есть результат географических различий в соотношении спроса и предложения рабочей силы. Возникающая разница в уровнях заработной платы заставляет трудовых мигрантов перемещаться из регионов с низкой заработной платой в регионы с более высокой оплатой труда⁴.

Структурно-исторический подход находит свое отражение в теории мировых систем (И. Валлерстайн). В основе данного подхода заложена идея о том, что мир разделен на более развитые и менее развитые страны, имеющие разный доступ к ресурсам развития. Капитализм,

³ См.: Ravenstein E. Op. cit. (также см.: Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал, 2013, № 16. С. 36—41).

⁴ См.: Самуэльсон П. Экономика. Севастополь: Ахтиар, 1995. С. 345—350 (see also: Samuelson P. [1948]. Economics: An Introductory Analysis; with William D. Nordhaus [since 1985], 2009, 19th ed., McGraw-Hill).

проникая в менее развитые страны, втягивает их в международные миграционные потоки и тем самым усугубляет мировое неравенство⁵.

Существуют два основных подхода к определению миграции. В широком смысле под миграцией понимается любая форма территориальной мобильности населения безотносительно к ее регулярности, цели и продолжительности. Такого определения придерживается, например, М.В. Курман⁶. В узком смысле слова «миграция» — это смена места проживания за пределами конкретного населенного пункта⁷. Максимально точное определение дает Л.Л. Рыбаковский, который к миграции относит лишь такую форму пространственной мобильности населения, которая отвечает одновременно двум условиям:

- во-первых, люди перемещаются из одного населенного пункта в другой, и,
- во-вторых, перемещения сопровождаются сменой постоянного места жительства⁸.

В.И. Переведенцев называет миграцией населения «совокупность таких перемещений людей, которые неразрывно связаны со сменой ими места жительства»⁹. При этом из понятия «миграция» исключается смена места жительства внутри населенных пунктов.

Что касается понятия «внутренняя миграция», то в большинстве научных работ оно рассматривается как процесс перемещения людей в пределах национальных границ¹⁰.

Важно разделить два типа внутренних миграций: внутрирегиональные (внутрирайонные) — в границах определенной административно-территориальной единицы, межпоселенные (сельско-городские), то есть перемещения по направлениям: город — село, село — город, город — город, село — село, и межрегиональные (межрайонные) — переезд из одного региона (района) в другой. Межпоселенные миграции могут быть межрегиональными и внутрирегиональными. Внутрипоселенные перемещения (например, перемена места жительства в пределах одного и того же города) в данной классификации не учитываются, поскольку не относятся собственно к миграции населения¹¹.

В современных условиях наиболее распространена классификация, разграничивающая факторы миграции на причины экономического и неэкономического характера. К причинам экономического характера относятся

- различия в уровнях экономического и промышленного развития отдельных стран и регионов (районов отдельной страны);
- наличие национальных различий в размерах заработной платы, перенаселение, высокий уровень безработицы в стране;
- международное движение капитала и функционирование международных корпораций.

Немаловажным также является определение понятия «социальные риски» в контексте данного исследования.

В научной литературе под социальными рисками понимаются такие виды рисков, которые пронизывают все слои населения и сопряжены с возможными социальными потерями и

⁵ См.: Валлерстайн И. Указ. соч.

⁶ См.: Курман М.В. Движение рабочих кадров промышленного предприятия. М., 1971. С. 15; *Он же*. Актуальные вопросы демографии: учебник. М.: Статистика, 1976. С. 138.

⁷ См.: Вечканов Г.С. Миграция трудовых ресурсов в СССР. Ленинград: ЛГУ, 1981. С. 73.

⁸ См.: Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. Москва: Статистика, 1973. С. 5.

⁹ Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. Москва: Наука, 1975.

¹⁰ См.: Кельник А. Регулирование внутренней миграции населения в аспекте регионального развития Республики Беларусь. Минск: Издательский дом «Белорусская наука», 2012. С. 8.

¹¹ См.: Воробьева О.Д., Топилин А.В., Мукомель В.И. Миграция населения: теория, политика: Учебное пособие. Москва: Экономическое образование, 2012. С. 13.

утратами. Социальные риски включают в себя вероятность всеобщих потерь, затрагивающих элементы качества жизни людей.

К ключевым признакам социальных рисков относят следующие:

- всеобщность (социальные риски принимают на себя каждый индивид и общество в целом);
- неизбежность (социальные риски инициируют проблемы, которые нельзя исключить полностью, решить до конца, а можно лишь минимизировать их, управлять ими с той или иной результативностью);
- социальная ответственность всех социальных и профессиональных групп общества (управление социальными рисками достигает своей цели только при эффективном партнерском заинтересованном взаимодействии всех участников процесса);
- потенциальная кризисогенность (социальные риски являются потенциальными источниками или катализаторами кризисов — экономических, политических, демографических)¹².

К основным социальным рискам внутренней миграции относятся:

- снижение жизненного уровня;
- рост безработицы;
- утрата трудовых навыков;
- сужение доступа к жилью и социальным услугам;
- рост криминализации и социальной напряженности;
- спад производства.

2. Внутренние миграции в странах Центральной Азии: основные причины и тенденции

Центральная Азия является уникальным регионом с экономической, политической, географической и культурной точек зрения. Обладая существенным природно-ресурсным и энергетическим потенциалом, транзитно-транспортными возможностями, регион рассматривается как сфера интересов России, Китая, США. Кроме того, нередко пересекаются между собой и интересы каждой из стран региона.

Для Центральной Азии характерны активные процессы становления институциональных структур, поиск культурно-политической идентичности и места в системе международных отношений¹³. Обладая рядом политико-экономических и географических преимуществ, государства региона имеют и ряд проблем, угрожающих стабильности и устойчивому развитию. К

¹² См.: Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Аналитический доклад на тему: «Актуальные вопросы миграционной политики: оценка текущего состояния, прогноз потребности в трудовых мигрантах с учетом их квалификации, нелегальная трудовая миграция, опыт зарубежных стран». Астана, 2015.

¹³ См.: Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ, 2011, № 14 (1). С. 26—31.

ним можно отнести обострение внутривнутриполитических процессов, формирование и активизацию экстремистских и террористических организаций, рост оборота наркотиков, экологические проблемы, дефицит водных ресурсов, конфликтогенность на этноконфессиональной почве, а также масштабные внутренние миграции. На последней проблеме и будет сосредоточено данное исследование.

2.1. Казахстан: анализ текущей ситуации

Миграционные процессы в Республике Казахстан характеризуются ростом объемов внешней трудовой миграции, повышением нелегальной миграции, интенсивной внутренней миграцией, усиливающейся миграцией этнических репатриантов. При этом миграционная политика в сфере внешней миграции ориентирована на стимулирование этнической репатриации и привлечение трудовых мигрантов, в то время как во внутренней миграции — на решение проблем расселения по регионам в соответствии с потребностями экономики и с учетом демографической ситуации в них.

Главная причина внутренней миграции — экономические факторы, поиск работы и более благоприятных условий труда. Согласно статистике, во внутренней миграции Казахстана ежегодно участвуют около 360 тыс. человек¹⁴. Отдельно необходимо отметить, что в рамках внутренней миграции более четко вырисовываются социально-экономические проблемы общества. Эти проблемы обуславливают появление различного рода социальных рисков среди общества, таких как рост безработицы, утрата трудовых навыков, сужение доступа к жилью и социальным услугам, криминализация и рост социальной напряженности.

Ключевой тренд внутренней миграции в Казахстане — это интенсивное переселение экономически активного населения из сел и экономически неблагополучных регионов в регионы с более благоприятной экономической ситуацией¹⁵.

Основными центрами притяжения миграционных потоков являются города Астана и Алматы, а также западный регион Казахстана (Мангыстауская, Атырауская области)¹⁶. Наибольший отток мигрантов наблюдается из южных регионов страны (Южно-Казахстанская, Жамбылская, Алматинская области).

Значительное влияние на межрегиональную миграцию оказывает уровень материальной обеспеченности населения. Среднедушевые номинальные денежные доходы в Атырауской, Мангыстауской областях и городах Астана и Алматы являются самыми высокими по республике. В регионах с наибольшим оттоком населения (Южно-Казахстанской и Жамбылской областях) показатель номинальных денежных доходов является самым низким. В тройку регионов — доноров трудовых мигрантов входят южные регионы — Южно-Казахстанская, Жамбылская и близлежащая Алматинская область. В процентном соотношении это выглядит следующим образом (см. рис. 1):

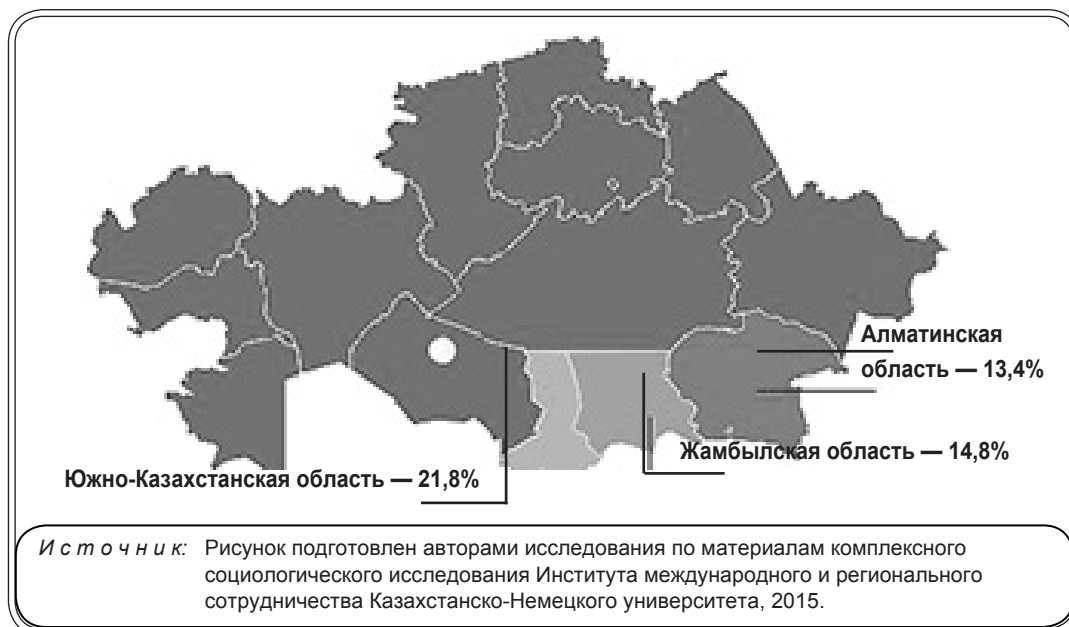
Высокие темпы роста уровня преступности характерны для регионов, где наблюдается высокая миграционная активность населения (Южно-Казахстанская, Карагандинская области).

¹⁴ См.: Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике [http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli?_afLoop=324764655061000#%40%3F_afLoop%3D324764655061000%26_adf.ctrl-state%3Dxbexh1k3c_37].

¹⁵ См.: Асанбаев М.Б. Анализ внутренних миграционных процессов в Казахстане. Алматы, 2010.

¹⁶ Министерство национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. [http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli?_afLoop=324764655061000#%40%3F_afLoop%3D324764655061000%26_adf.ctrl-state%3Dxbexh1k3c_37].

Регионы — поставщики трудовых мигрантов в г. Алматы

На решение о миграции непосредственно влияют и такие показатели, как валовый региональный продукт, средняя заработная плата, прожиточный минимум, уровень безработицы, структура занятости и т.д.

В целом необходимо отметить, что достаточно высокая миграционная подвижность населения внутри страны является одним из ключевых факторов функционирования национальной экономики.

Следует подчеркнуть, что помимо проблем в регионах-реципиентах миграция негативно влияет и на регионы-доноры, в частности на сельские регионы. В результате миграции подрывается база трудовых ресурсов сельского хозяйства и сельская местность приходит в запустение.

2.2. Таджикистан: анализ текущей ситуации

Согласно рейтингу мирового банка за март 2017 года, Таджикистан относится к категории стран с доходами ниже среднего уровня по сравнению с другими странами — участниками данной организации¹⁷. По последним имеющимся официальным данным за 2016 год, уровень зарегистрированной безработицы составил 103,6 тыс. чел¹⁸.

¹⁷ См.: World Bank. World Bank Country and Lending Groups [<https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups>].

¹⁸ См.: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан [<http://www.stat.tj/ru/macroeconomic-indicators/>].

Одной из наиболее острых проблем для страны является внешняя миграция. Причины этого явления во многом схожи с предпосылками для внутренней миграции: остановка или прекращение деятельности предприятий, снижение доходов, обеднение населения, отсутствие работы¹⁹. Решение этой проблемы занимает одно из центральных мест в социальной политике государства, о чем свидетельствует ряд документов: Законы Республики Таджикистан «О миграции» (11.12.1999 г. № 882), «Концепция внешней трудовой миграции Республики Таджикистан», постановления «О введении порядка учета внешней трудовой миграции граждан Республики Таджикистан» (6.06.2003 г. № 264), «О введении миграционных карт учета граждан Республики Таджикистан» (01.08.2008 г. № 378), «Программа внешней трудовой миграции граждан Республики Таджикистан на 2006—2010 годы».

Проблема внутренней миграции стоит не менее остро. Трудоспособное население страны активно перемещается в ее пределах. Особенно высокий отток населения наблюдается в высокогорных регионах, где отсутствует промышленное производство, а ведение сельского хозяйства затруднительно в силу природно-географических условий. Так же, как и в Казахстане, основными причинами смены региона проживания являются безработица, неудовлетворительный уровень заработной платы, низкое социальное обеспечение и др.

По утверждению М.Н. Таджибаевой, процессы внутренней миграции в стране определяются следующими факторами:

- а) деструктивные процессы, порождающие социальное напряжение (экономический кризис, падение уровня жизни, безработица);
- б) развитие рыночных отношений;
- в) частное предпринимательство и коммерция, вызывающие перелив капитала, и, соответственно, передвижение рабочей силы²⁰.

Наибольшую привлекательность для внутренних мигрантов представляют города Душанбе (сюда направлен основной приток населения), Худжанд и Курган-Тюбе²¹. Массовая внутриреспубликанская миграция угрожает стабильному экономико-социальному развитию государства. Среди ее последствий — отток специалистов из сельской местности, нарушение баланса на рынке труда, захват земель на периферии городов при отсутствии необходимой социальной инфраструктуры.

В Таджикистане внутренние миграционные потоки можно разделить на межобластные и внутриобластные. Наибольшие объемы межобластной миграции были зафиксированы в Хатлонской (82%) и Согдийской (72%) областях²². Как следствие, можно говорить о появлении регионов-реципиентов и регионов-доноров мигрантов.

Как и в Казахстане, преобладает миграция из сел в города. Для Таджикистана основной внутригосударственной миграционной тенденцией является сельско-городская миграция. Мотивы ее просты: в городах сельские жители видят больше возможностей для получения образования и профессий, дальнейшего трудоустройства, накопления первоначального капитала и ведения частного бизнеса. Отток молодежи, как наиболее активной и образованной части

¹⁹ См.: *Таджибаева М.Н.* Внутренняя миграция и ее влияние на социально-экономические процессы Республики Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук, 2012. С. 175—180.

²⁰ См.: Там же.

²¹ См.: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Численность населения Республики Таджикистан на 1 января 2016 года [http://www.stat.tj/ru/img/7a20337ca019c92e18235196b4e62aaa_1470198679.pdf].

²² См.: *Таджибаева М.Н.* Указ. соч.

населения, приводит к социальной и профессионально-квалификационной деградации сельской местности.

Еще одно сходство между странами — то обстоятельство, что внутренняя миграция ориентирована на регионы с более высоким уровнем промышленно-экономического развития и более развитой структурой рынка труда.

2.3. Кыргызстан: анализ текущей ситуации

Как и Таджикистан, Кыргызская Республика относится к странам с уровнем доходов ниже среднего среди стран — участниц Всемирного банка²³. Неудовлетворительная экономическая обстановка обуславливает стабильные потоки мигрантов внутри страны. Ситуация усугубилась в 2005 году, когда к власти в стране пришли представители Юга — региона, население которого при правлении Аскара Акаева имело меньше возможностей для миграции на более развитый Север Кыргызстана.

Не последнюю роль сыграли и межэтнические конфликты. Особенно значимыми стали ситуации в 1991, 2005 и 2010 годах.

В республике наблюдается интенсивное внутреннее перераспределение трудоспособного населения. Особенно высок отток жителей из высокогорных регионов. Главные причины оттока — безработица, низкий уровень заработной платы, неудовлетворительное социальное обеспечение.

Внутренняя миграция в Кыргызской Республике направлена в основном

- 1) из села в город;
- 2) из региональных городов в большие (Бишкек, Ош, Джалалабад);
- 3) из экономических слаборазвитых, неблагоприятных регионов в более развитые, благополучные²⁴.

Как правило, по объему выбытия преобладает межобластная миграция. Наиболее высок уровень межобластной миграции в Нарынской (82%) и Баткенской (72%) областях Кыргызстана. В Ошской и Джалалабадской областях, напротив, наибольший удельный вес приходится на внутриобластную миграцию (70 и 63% соответственно)²⁵.

Экономически наиболее притягательными в республике являются Чуйская область и г. Бишкек. Из всех административно-территориальных единиц республики только Бишкек и Чуйская область имеют положительный миграционный прирост населения. Все остальные понесли весьма значительные человеческие потери.

Основная масса внутриреспубликанских мигрантов оседает в Бишкеке, Оше и Джалалабаде²⁶. Происходит переселение и в развивающиеся города Чуйской области: Кант, Токмак, а также в некоторые села Иссык-Атинского и Московского районов²⁷.

²³ См.: World Bank. World Bank Country and Lending Groups [<https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups>].

²⁴ См.: Белеков Ж.К. Особенности внутренней миграции в Кыргызской Республике // Вестник КазНУ, 2011.

²⁵ См.: Там же.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См.: Рахимов Р. Внутренняя миграция в контексте земельных отношений [https://auca.kg/uploads/Migration_Database/Rahimov_rus.pdf]

Из-за отсутствия в регионах развитой инфраструктуры и производственных предприятий и как следствие несовершенства реформ местного самоуправления существует устойчивая тенденция миграции из сельской местности Кыргызстана в Бишкек, включая городские окраины²⁸. Как и в случае с Казахстаном и Таджикистаном, отток трудоспособной молодежи из сел наносит сельской местности существенный урон в плане экономико-социального и демографического развития. В результате внутренней миграции сельское население Кыргызстана ежегодно сокращается на 3—5 тыс. человек.

3. Социальные риски внутренней миграции в странах Центральной Азии

Внутренние миграционные потоки существенно влияют на социокультурный облик регионов и в целом на общественно-политическую ситуацию в стране. В городах, наиболее сильно затронутых миграционными процессами, нарастает социальная напряженность. Активное переселение людей из сельской местности в города способствует ускоренной урбанизации стран.

Урбанизация сопровождается стихийным, бессистемным разрастанием городов и их пригородов, обострением экологических, транспортных, жилищных и социальных проблем. Среди социальных рисков, сопряженных с данным процессом, — усиление нагрузки на инфраструктуру городов, опасность массовых нарушений прав человека.

Как показывает практика, миграционные процессы отрицательно сказываются на социальном благополучии, индивидуальной и групповой безопасности населения принимающих городов и регионов²⁹.

Здесь можно отметить обострение конкуренции на местных рынках труда и жилья, социальную и культурную маргинализацию части мигрантов, их криминализацию. Возможно возникновение очагов социальной напряженности в местах повышенной концентрации мигрантов, локальные вспышки межэтнических конфликтов, рост ксенофобии, провоцируемый напряженностью и конфликтами.

Часть мигрантов не может найти работу или вынуждена работать не по специальности. Возникает угроза утраты или нерационального использования их квалификационного потенциала, снижения мотивации к труду.

За пределами основной части городов складывается ряд крупных поселений (микрорайонов), в которых жители не имеют регистрации (прописки) по месту проживания, не обладают правом собственности на свои жилища. Кроме того, данная группа граждан лишена доступа к качественным коммунальным и социальным услугам и, что важно, работает в неформальном секторе экономики.

Приток внутренних мигрантов существенно меняет структуру трудовых ресурсов в городах. С одной стороны, в центрах притяжения возникает нехватка рабочих мест, с другой — имеющиеся рабочие места профессионально не соответствуют квалификационной структуре

²⁸ См.: Рахимов Р. Указ. соч.

²⁹ См.: Шаукенова З.К. Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях. Коллективная монография. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014.

населения. Соответственно, на рынке труда в принимающем регионе наблюдается несоответствие спроса на рабочую силу ее предложению, что, в свою очередь, ведет к росту уровня безработицы. Не случайно в регионах-реципиентах прослеживается высокий уровень безработицы.

С другой стороны, достаточно высокая безработица выявляется и в регионах-донорах. Очевидно, что отсутствие возможности трудоустройства — главная причина, по которой мигранты покидают места прежнего проживания.

Следствием безработицы является бедность, высокий уровень преступности и заболеваемости населения, усиление социальной напряженности в обществе.

Фактором высокой концентрации социальных рисков является жилищная сфера. Во многом проблемы обусловлены низкой обеспеченностью жильем, кризисным состоянием жилищного фонда, недоступностью ипотеки для большинства граждан, недостаточными темпами ввода в строй нового жилья, незначительной долей социального жилья, ограниченностью бюджетных субсидий установленным категориям граждан. Вместе с тем необоснованное завышение цен на жилье вызвано и внутренней миграцией: приток мигрантов вызывает рост спроса на жилье в регионах-реципиентах.

Однако большинство мигрантов не имеют возможности купить жилье в местах нового проживания и вынуждены селиться на близлежащих территориях, тем самым порождая риски возникновения социальной напряженности.

Из-за возникающей перенаселенности загрязняется атмосфера и биосфера городов, повышается нагрузка на социальную инфраструктуру, растет потребление природных ресурсов.

Стихийная внутренняя миграция населения может стать серьезной угрозой устойчивому экономическому и социальному развитию стран региона, породить новые и обострить уже имеющиеся межэтнические противоречия.

Если резюмировать вышесказанное, мы получим следующий набор социальных рисков внутренней миграции, характерных для всех трех анализируемых стран: нарушение баланса на рынке труда; рост конфликтности в обществе, снижение уровня толерантности к мигрантам; чрезмерная урбанизация, рост мега-городов; деградация сел; ухудшение криминогенной обстановки; нарушение прав человека; ухудшение экологической обстановки; уменьшение территориально-культурного единства принимающих сообществ; угроза безопасности и качеству жизни местных сообществ; гражданская пассивность мигрантов, их теневая адаптация и самореализация.

В ы в о д ы

Для Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана характерно активное перемещение населения из менее развитых в более развитые регионы. При этом все три страны сталкиваются со сходными проблемами:

- 1) низкие зарплаты;
- 2) отсутствие работы;
- 3) безработица;
- 4) низкий уровень социального обеспечения.

Для Кыргызстана еще одним фактором, влияющим на внутреннюю миграцию, являются межнациональные конфликты.

Эти проблемы порождают следующие тенденции:

- массовые миграции из сел в города;
- миграции из региональных городов в более крупные;
- преобладание межобластных миграционных процессов над внутриобластными;
- миграции в столицы стран, как наиболее привлекательные места жительства.

Данные тенденции таят в себе серьезные риски. При неблагоприятном сценарии развития ситуации миграция населения может продолжаться и даже нарастать, и в этих условиях регионы-доноры не смогут достигнуть высокого уровня социально-экономического развития. В этой связи возрастет социальная нагрузка на государство.

Для мигрантов особую остроту приобретают вопросы жилья, социальной адаптации, логистики, трудоустройства. Миграционные процессы оказывают существенное влияние на городскую инфраструктуру, санитарно-эпидемиологическую и экологическую обстановку, уровень преступности, социокультурное пространство города. На фоне таких факторов, как перенаселенность и физическая загруженность, снижение качества окружающей природной среды, высокий уровень безработицы, усиливаются социальные проблемы мигрантов. В результате актуализируются проблема безопасности и проблема увеличения протестного потенциала в вышеуказанных странах.

Анализ внутренних миграций показал, что из всех факторов миграции наиболее значимое воздействие на внутренние миграционные потоки оказывают экономические показатели.

Это уровень благосостояния населения и ситуация на региональном рынке труда. При этом «притягивающим» мигрантов фактором выступает «статус преуспевающего региона», а «выталкивающим» — неблагоприятная социально-экономическая и экологическая обстановка в регионе исхода.

Повлиять на внутренние миграции можно только путем ликвидации основных причин. Это «выталкивание» мигрантов из экономически неблагополучных регионов, отсутствие регулирования рынков труда, избыточная урбанизация, неконтролируемость путей миграции.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Елена ПИСЬМЕННАЯ

*доктор социологических наук,
профессор Финансового университета при Правительстве РФ
(Москва, Российская Федерация)*

Сергей РЯЗАНЦЕВ

*доктор экономических наук, член-корреспондент РАН,
профессор, заведующий кафедрой демографической и
миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России,
руководитель Центра социальной демографии Института
социально-политических исследований РАН
(Москва, Российская Федерация)*

Олег ПИЧКОВ

*кандидат экономических наук, декан факультета международных
экономических отношений МГИМО (Университет) МИД России
(Москва, Российская Федерация)*

Артем ЛУКЬЯНЕЦ

*кандидат экономических наук, доцент кафедры демографической и
миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России,
ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии
Института социально-политических исследований РАН
(Москва, Российская Федерация)*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности социально-экономического и демографического развития трех стран Южного Кавказа в контексте новых геополитических условий. Выделены тенденции демографических процессов в Армении, Азербайджане и Грузии и специфические факторы, их обуславли-

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00476.

вающие. Дана характеристика демографическим процессам рождаемости, смертности и миграции в государствах региона. В частности, выделены особенности эмиграции из стран Южного Кавказа, в том числе в Российскую Федерацию, а также новые географические направления эмиграции из региона. Отмечен вклад диаспор, сформировавшихся в результате эмиграции, в стабилизацию социально-экономической ситуации в государствах региона. Благодаря материальной поддержке со стороны диаспор странам Южного Кавказа удалось стабилизировать социально-экономическую ситуацию, поддерживать уровень доходов значительной части населения, избежать массовой безработицы и бедности. По мере стабилизации социально-экономической ситу-

ации более четко проявлялась неравномерность развития стран Южного Кавказа. В наиболее благоприятной ситуации оказался относительно богатый органическим топливом Азербайджан, в гораздо худшей ситуации — Армения и Грузия. Демографические процессы в странах Южного Кавказа также протекают неоднородно. Наиболее благоприятной можно считать демографическую ситуацию в Азербайджане, наименее благоприятной — в Грузии.

Азербайджан, кроме того, характеризуется наиболее сбалансированной половозрастной структурой населения. В Армении и Грузии, несмотря на рост рождаемости, сохраняется отрицательная динамика численности населения, что обусловлено его миграционным оттоком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южный Кавказ, Армения, Азербайджан, Грузия, социально-экономическое развитие, рынок труда, занятость, безработица, демографический потенциал, трудовые ресурсы.

Введение

Три страны Южного Кавказа уникальны в историческом, политическом, социокультурном и экономическом отношении. Экономические трансформации существенно изменили занятость, доходы и уровень жизни населения, повлияли на социально-демографическую ситуацию в регионе. Снятие ограничений на выезд и занятость за рубежом на фоне резкого сокращения количества рабочих мест, снижение производства подтолкнули многих специалистов и рабочих из стран Южного Кавказа к эмиграции. Трудящиеся из данного региона ориентировались главным образом на Россию, Турцию, а также на другие страны, где уже имелись их диаспоры (США, европейские страны). Фактор диаспор стал стабилизатором социально-экономической ситуации в регионе — благодаря материальной поддержке со стороны диаспор удалось поддерживать уровень доходов значительной части населения, избежать массовой безработицы и бедности. В наиболее благоприятной ситуации оказался относительно богатый топливно-энергетическими ресурсами Азербайджан, в гораздо худшей — Армения и Грузия. Усугубляли социально-экономическую и демографическую ситуацию в регионе также этнические конфликты и локальные войны, которые на протяжении 1990—2000-х годов с разной интенсивностью разгорались на Южном Кавказе.

Геоэкономические позиции региона определяют прежде всего энергетические ресурсы. В первую очередь это касается нефти и газа Азербайджана. Регион обладает также минеральными,

природными, рекреационными, демографическими, трудовыми ресурсами, что может в перспективе сделать его экономику конкурентоспособной, возможно даже в мировом масштабе.

Материалы и методы

Настоящее исследование основано на данных официальной статистики трех государств по основным социально-экономическим и демографическим показателям их развития за период с 1991 года по 2016 год. Были привлечены данные национальных переписей населения трех стран Южного Кавказа, а также Российской Федерации. Для анализа использовались также статистические данные Федеральной миграционной службы России, которая существовала до середины 2016 года и вела учет числа выданных иностранным гражданам разрешений и патентов. Некоторые статистические данные ФМС применительно к данному исследованию корректировались исходя из сведений, полученных в ходе социологических опросов экспертов и населения, в том числе трудовых мигрантов, проживающих за пределами стран региона. Важным источником информации являются сведения Всемирного банка, который дает оценки объемам денежных переводов, направляемых из-за рубежа в страну. В большинстве случаев эти средства представляют собой переводы представителей диаспоры и трудовых мигрантов, работающих за рубежом.

Результаты

Социально-экономическое развитие и демографический потенциал Азербайджана.

Азербайджан — единственная страна Южного Кавказа, которая после распада СССР смогла не только сохранить численность населения, но и увеличить ее. С 1991 года до 2016-го среднегодовой темп прироста численности населения составил 1,1%. Население увеличилось с 7,22 млн в 1991 году до 9,85 млн человек в 2017 году. Рождаемость в 2015 году составила 17,4‰, а смертность — 5,7‰. Половозрастная структура населения Азербайджана характеризуется незначительным преобладанием доли женщин над мужчинами — 50,1% и 49,9% соответственно. Азербайджан также отличается молодой возрастной структурой населения: 22,5% от общей численности населения находятся в возрасте до 14 лет, 71,3% — 15—64 лет, 6,2% — 65 лет и старше. Доля молодежи в возрасте 14—29 лет составляет 27% от общей численности населения. Ожидаемая средняя продолжительность жизни в Азербайджане в 2015 году составила 75,2 года, в том числе 72,7 года у мужчин, 77,6 года для женщин¹. В результате демографическая структура населения Азербайджана в настоящее время является прогрессивной, сбалансированной и наиболее благополучной из всех стран Южного Кавказа.

Демографическая структура населения определяет значительный трудовой потенциал. В 2015 году численность трудовых ресурсов страны составила 6,3 млн человек, увеличившись за десять лет на 915 тыс. человек². Численность экономически активного населения составила 4,9 млн человек, увеличившись за десять лет на 532 тыс. человек. Численность занятого в азербайджанской экономике населения составила в 2016 году 4,7 млн человек, увеличившись на 610 тыс. Большая часть работников сосредоточена в сельском хозяйстве — в 2015 году в нем было занято 36% эко-

¹ См.: The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan [<http://www.stat.gov.az>].

² См.: Labor Market. Statistical Yearbook 2016. State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan [http://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/labour_2016].

номически активного населения. Кроме того, для экономики Азербайджана имеют большое значение занятость населения в торговле (15%), образовании (8%), госуправлении, оборонной сфере, в сфере безопасности (6%) и в промышленности (5%).

Несмотря на экономические успехи Азербайджана, проблема безработицы остается достаточно заметной, хотя и менее острой, чем в соседних странах. Численность безработных составила в 2015 году 244 тыс. человек, а коэффициент безработицы — 5% экономически активного населения. Безработица обусловлена, с одной стороны, экономическими последствиями распада единого экономического пространства СССР, в том числе разрывом экономических отношений между предприятиями единого производственного комплекса, потерями поставщиков сырья и покупателей для продукции. А с другой стороны, преобладанием устаревших технологий, которые не позволяют азербайджанским предприятиям производить продукцию, отвечающую мировым стандартам, и выходить на новые рынки сбыта. Ощущается узкая направленность инвестиций: основная их часть поступает в нефтедобывающую отрасль. Это не позволяет диверсифицировать структуру экономики и сделать занятость населения более разнообразной. Кризис на мировых сырьевых рынках, выразившийся в снижении цен на нефть, привел к незначительному увеличению числа безработных в 2015 году (на 6 тыс. человек).

Еще одним фактором снижения напряженности на национальном рынке труда Азербайджана является трудовая эмиграция. Значительная часть экономически активного населения — около 2 млн чел. — вовлечена в работу за границей и живет там временно или постоянно³. Главным направлением экспорта трудовых ресурсов остается Россия. Хотя все более активизируются миграционные потоки в страны Персидского залива, другие страны Ближнего Востока, в Европу, США. По данным переписи населения, в 2010 году в России постоянно проживали 600 тыс. этнических азербайджанцев и 150 тыс. граждан Азербайджана, 12 тыс. граждан Азербайджана находились там временно⁴. Однако, в какой степени эти категории пересекались, сказать трудно, поскольку методика сбора вызывает множество нареканий. По данным Отдела народонаселения ООН, в 2015 году примерная численность азербайджанских граждан за рубежом составляла 1,2 млн человек⁵. Экспертные оценки численности азербайджанцев в России — от 0,5 до 1,2 млн человек⁶. Многие азербайджанцы смогли получить российское гражданство. Согласно российским законам, гражданам Азербайджана для доступа на рынок труда требуется патент — особый документ, который не подпадает под систему квот. По данным ФМС России, 50 тыс. граждан республики получили патент в России; в 2014 году это число удвоилось⁷. Азербайджанцы живут в различных районах и городах Центральной России, Сибири, Дальнего Востока, Севера, Северного Кавказа. Наиболее крупные азербайджанские сообщества сформировались в Московском регионе (от 200 до 800 тыс. человек), в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (до 200 тыс. человек)⁸.

В последние годы существования СССР и сразу после его распада этнической нишей азербайджанцев в России являлась торговля овощами и фруктами на рынках крупных городов

³ См.: *Away from Azerbaijan, Destination — Europe: Study of Migration Motives, Routes and Methods*. Geneva: IOM, 2001. 59 pp.

⁴ См.: Данные переписи населения России 2010 года [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.04.pdf].

⁵ См.: *International Migrants by Country*, UN Population Division, 2015 [<http://www.pewglobal.org/interactives/migration-tables/>].

⁶ См.: *Migration Trends in Eastern Europe and Central Asia: 2001-2002. Review*. Geneva: IOM, 2002. P. 59—61; Юнусов А.С. Трудовая эмиграция из Азербайджана: стратегии интеграции в рынки труда и риски. В кн.: *Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты* / Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М., 2003. С. 121—132.

⁷ См.: *Труд и занятость в России в 2013 году*. М.: Росстат. 2014. 550 с.

⁸ См.: *Ryazansev S.V., Lukyanets A.S. Transformation of Labor Markets of the Southern Caucasus Countries in New Geopolitical and Economic Conditions // International Journal of Economics and Financial Issues*, 2016, No. 6 (8S). P. 90—95. EID: 2-s2.0-85004073518.

и сфера питания⁹. Однако постепенно произошла диверсификация их экономической деятельности. Многие азербайджанцы — граждане России владеют собственным бизнесом в торговле, общественном питании, транспорте, строительстве, сельском хозяйстве. Многие квалифицированные специалисты работают в образовании, управлении, здравоохранении. По данным ФМС России, азербайджанские трудовые мигранты заняты в строительстве (34%), сфере обслуживания (28%) и торговле (5%). Следует отметить, что азербайджанцам свойственно компактное расселение в пределах отдельных крупных городов и регионов России. По оценкам Всемирного банка, денежные переводы от диаспоры достигли максимума в 2014 году — это 1 846 млн долл. Однако затем началось сокращение объемов из-за экономического кризиса — в 2016 году сумма переводов составила 643 млн долл., причем половина средств — 374 млн долл. поступила из России¹⁰. Несмотря на существенное сокращение денежных переводов, азербайджанские диаспоры активно участвуют в экономической и социальной жизни страны исхода, обеспечивают поддержку родственникам и семей на родине. Благодаря экспорту трудовых ресурсов Азербайджан получает значительные ресурсы для развития национальной экономики.

Социально-экономическое развитие и демографический потенциал Армении. Численность населения Армении с 2000 года по 2015 год активно сокращалась. За десять лет численность населения снизилась на 217 тыс. человек (на 6,7%), до 3 млн человек¹¹. Основными факторами снижения численности населения Армении были рост смертности и миграционный отток населения. Коэффициент смертности в Армении возрос с 7,5‰ в 2000 году до 9,3‰ в 2015 году. Коэффициент рождаемости вырос за тот же период с 10,6‰ до 13,9‰, в стране отмечался незначительный естественный прирост. Однако население страны сокращалось за счет существенной миграционной убыли населения.

В 2015 году численность трудовых ресурсов в Армении составила 2,4 млн человек, из которых 64% проживали в городах. В структуре трудовых ресурсов преобладали женщины — 56%¹². Численность экономически активного населения сокращалась: в 2010 году она составляла 1,5 млн человек (61% трудовых ресурсов), а в 2015 году — 1,3 млн человек (63%). Уровень занятости населения в течение 2010—2015 годов увеличился на 1,3%, а уровень безработицы снизился на 0,5%.

В Армении наибольшая доля населения занята в сельском хозяйстве — около 35% занятого населения. Правда, данный показатель постепенно снижается: еще в 2005 году он составлял 46%. Значимыми сферами деятельности в Армении также являются торговля — 11%, образование — 9%, государственное управление и оборона — 8% и здравоохранение — 5%. Особенность Армении — широкие масштабы неформального сектора экономики и занятости в нем. К занятым в данном секторе можно отнести лиц, выполняющих оплачиваемую работу по уходу за домом, работодателей и самозанятых в собственных неформальных предприятиях. В 2015 году в Армении в неформальном секторе экономики работали около 584 тыс. человек, в том числе 71% — в сельском хозяйстве.

Серьезной социально-экономической проблемой Армении является высокий уровень безработицы, который представляет угрозу экономическому росту и благосостоянию населения. Ситуация в армянской экономике сильно зависит от состояния российской экономики. С началом последнего экономического кризиса в России наблюдается рост безработицы в Армении. Здесь в 2015 году наибольший уровень безработицы наблюдался в молодежной группе в возрасте от 20 до 24 лет (52%). Национальной особенностью Армении является примерно равный

⁹ См.: Лянге М. Деловое лицо «кавказской национальности» // Огонек, 1997, № 2. С. 25—29.

¹⁰ См.: Data Base of the World Bank [<http://www.worldbank.org/en/topic/labormarkets/brief/migration-and-remittances>].

¹¹ См.: Данные Национальной статистической службы Республики Армения [<http://www.armstat.am/>].

¹² См.: Статистический ежегодник Армении 2015. Ереван: Национальная статистическая служба Республики Армения, 2016. 350 с.

уровень безработицы среди групп населения, различающихся по уровню образования: с высшим образованием, средним специальным, общим средним — по 18%, с профессиональным — 16%.

Специфической чертой социально-экономической ситуации в Армении является массовая трудовая эмиграция. Согласно экспертным оценкам, с 1991 года за границу выехало около 1,5 млн армянских граждан. В настоящее время более трети постоянного населения Армении (36%) находится за рубежом, главным образом с целью работы¹³. Согласно данным Национальной статистической службы Армении, основными выталкивающими факторами эмиграции были отсутствие работы (46% мужчин и 24% женщин), отсутствие работы по специальности (5% мужчин и 3% женщин), невозможность обеспечить удовлетворительный уровень жизни (19% мужчин и 13% женщин), воссоединение семьи (7% мужчин и 40% женщин). Эмиграция существенно пополнила армянскую диаспору, которая теперь насчитывает около 7 млн человек, что значительно больше населения самой Армении¹⁴.

По данным Отдела народонаселения ООН, за рубежом в 2015 году находилось около 940 тыс. армянских граждан¹⁵. По данным переписи населения 2010 года, в России проживало 1,2 млн этнических армян, а также 12 тыс. граждан Армении находились в России временно¹⁶. Последнее число, однако, представляется явно заниженным. По данным ФМС, в 2014 году гражданам Армении в России было выдано 150 тыс. патентов и 31 тыс. разрешений на работу. Минимальное количество трудящихся из Армении в России составляло 180 тыс. человек. С 2015 года граждане Армении не должны получать разрешительные документы на работу в России в связи с созданием единого рынка труда в рамках ЕАЭС¹⁷.

Исследования показывают, что армянские общины в России, сформировавшиеся в советское время, стали своеобразными «ядрами», вокруг которых расселяются новые мигранты¹⁸. Армянским общинам свойственно достаточно компактное расселение в России, преимущественно они расселены в Москве и на Северном Кавказе (в Краснодарском крае, в Ростовской области, на Ставрополье).

По данным ФМС, в 2014 году более половины (54%) трудящихся-мигрантов из Армении были заняты в строительстве, а также в сфере услуг (16%) и транспорте (10%). Большинство патентов трудящимся было выдано в Москве, Московской области, регионах Северного Кавказа, Самарской области и Якутии. В исследованиях по Северному Кавказу отмечалось наличие прочных родственных, этнических и земляческих связей как векторов, определяющих направление миграции армян¹⁹.

Значительная часть этнических армян трудится в государственном управлении, образовании, здравоохранении и других отраслях российской экономики. Бизнес-активность армян в России достаточно обширна. Во многих российских регионах открыто множество магазинов, кафе, ресторанов, мастерских по ремонту обуви, бытовых сервисов, торговых компаний и пр. Многие стали гражданами России. Вступление Армении в ЕАЭС, по всей видимости, еще

¹³ См.: Данные Национальной статистической службы Республики Армения.

¹⁴ См.: *Pannossian R.* Courting a Diaspora: Armenia-Diaspora Relations since 1998. *International Migration and Sending Countries: Perceptions, Policies and Transnational Relations* / Ed. by E. Ostergaard-Nielsen, Palgrave, 2003. 142 pp.

¹⁵ См.: *International Migrants by Country*, UN Population Division, 2015 [<http://www.pewglobal.org/interactives/migration-tables/>].

¹⁶ См.: Данные Всероссийской переписи населения 2010 года [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol8/pub-08.04.pdf].

¹⁷ См.: Труд и занятость в России в 2013 году.

¹⁸ См.: *Арутюнян Л.А.* Новые тенденции миграции в Армении. В кн.: *Миграционная ситуация в странах СНГ*. М.: Комплекс-Прогресс, 1999. С. 72—80.

¹⁹ См.: *Рязанцев С.В.* Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // *Общественные науки и современность*, 2000, № 5. С. 80—90; *Он же.* Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь: Сервисшкола, 2003.

больше увеличит отток рабочей силы из Армении в Россию²⁰. По данным Всемирного банка, в 2016 году объемы денежных переводов диаспоры в Армению составили 1 382 млн долл., в том числе из России было переведено 879 млн долл.²¹ Армянская диаспора оказывает серьезное стабилизирующее воздействие на социально-экономическую ситуацию в Армении.

Социально-экономическое развитие и демографический потенциал Грузии. Численность населения Грузии в 2017 году составила 3,7 млн человек, еще 300 тыс. человек проживали в Абхазии и Южной Осетии, которые Грузия считает частью своей территории. В регионе Южного Кавказа наиболее сложной демографической ситуацией была именно здесь. Хотя общий коэффициент рождаемости с 2005 года по 2015 год увеличился с 10,7‰ до 15,9‰, значительно вырос и суммарный коэффициент смертности — с 9,3‰ до 12,2‰. Ожидаемая продолжительность жизни снизилась с 74,3 до 72,9 лет. Естественный прирост населения в 2005—2015 годах был положительным, но в стране отмечалась общая убыль населения. Главным фактором сокращения населения в этот период был эмиграционный отток населения. За пятнадцать лет численность населения страны сократилась на 722 тыс. человек (или на 16%)²². Это самое значительное сокращение населения в регионе Южного Кавказа.

Численность экономически активного населения в 2005—2015 годах оставалась достаточно стабильной — около 2 млн человек. Трудовые ресурсы страны были сконцентрированы преимущественно в сельском хозяйстве (51%), обслуживании и торговле (32%), а также промышленности (10%)²³. Сельское хозяйство является основной отраслью грузинской экономики: на его долю приходится 9% ВВП страны. Однако производительность труда в этом секторе остается низкой. В последние годы активно развиваются сферы услуг, связанные с торговлей и туризмом. Растет число самостоятельно занятых, в то время как число работающих по найму почти не меняется. Большинство занятых в некоторых отраслях работают как самостоятельные предприниматели, а не как наемные работники. Например, в 2015 году в личных хозяйствах было сконцентрировано 85% всех занятых в сельском хозяйстве²⁴.

Безработица и отсутствие хорошо оплачиваемых рабочих мест серьезно сдерживают социально-экономическое развитие Грузии. В 2015 году уровень безработицы в стране несколько снизился и составлял 12%, но при этом серьезно различался по территории страны. Например, в сельской местности он составлял 5% по сравнению с 22% в городах. Территориальные различия в показателях обусловлены в числе прочего более полной регистрацией безработицы в городах. Остро стоит проблема высокого уровня безработицы среди молодежи: максимальный уровень в 2015 году отмечался в группе 20—24 лет: 32%; 25—29 лет: 21% и 30—34 года: 15%. Согласно докладу ООН о человеческом развитии, в Грузии безработные со средним или высшим образованием составляют 74%²⁵. Это означает, что большинство специалистов с высоким уровнем образования не вносят вклада в экономическое развитие страны, а трудовые ресурсы используются крайне неэффективно.

Грузия испытывает значительный отток трудоспособного населения за границу с целью работы. После распада СССР из Грузии началась активная эмиграция разных этнических групп. По данным Отдела народонаселения ООН за пределами страны в 2015 году проживало

²⁰ См.: Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S. Op. cit.

²¹ См.: Data Base of the World Bank [<http://www.worldbank.org/en/topic/labormarkets/brief/migration-and-remittances>].

²² См.: Information from National Statistics Office of Georgia [http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=146&lang=eng].

²³ См.: Information from the International Labour Organization (ILO) [<http://www.ilo.org>].

²⁴ См.: Information from National Statistics Office of Georgia.

²⁵ См.: Human Development Report 2015. United Nations. Geneva [http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf].

840 тыс. грузинских граждан²⁶. Согласно данным Всероссийской переписи населения, в России в 2010 году проживали постоянно 200 тыс. этнических грузин, 50 тыс. граждан Грузии, 1,5 тыс. грузинских граждан проживали временно. Данные цифры не отражают реальной картины трудовой миграции из Грузии в Россию. Данные ФМС показывают, что в 2000—2015 году численность трудящихся-мигрантов из Грузии, получивших в России разрешение на работу, варьировалась в пределах от 3 до 7 тыс. человек. Третья часть (33%) трудящихся из Грузии в России занята в строительстве, 17% — секторе услуг (общественное питание, рестораны, кафе и пр.), 12% — в сфере транспорта. В российских городах особой популярностью пользуются грузинские рестораны. Столь низкая численность грузинских трудовых мигрантов в России свидетельствует об уходе их значительной части в неформальную (нерегистрируемую) занятость. Это происходило на фоне обострения политических отношений между странами: в 2008 году был введен визовый режим для граждан Грузии в России. Некоторая часть трудовых мигрантов активно поехала в США, Италию, Грецию, Турцию и др. При этом объемы денежных переводов в страну не только не сократились, но и выросли! По данным Всемирного банка, в 2009 году в Грузию поступило 1 112 млн долл., а в 2016 году — 1 641 млн долл. (в том числе 893 млн долл. из России)²⁷.

Денежные переводы поддерживали многие домохозяйства в Грузии и позволяли обеспечивать прожиточный минимум значительной части семей.

З а к л ю ч е н и е

Страны Южного Кавказа отличаются неоднородностью социально-экономических и демографических показателей. Наиболее развитой страной является Азербайджан, экономика которого базируется на нефтяных ресурсах, менее развитыми — Армения и Грузия. Причем в геоэкономическом отношении сформировались абсолютно разнонаправленные модели и векторы развития. Азербайджан в большей степени ориентируется на взаимодействие с Турцией, США, странами Ближнего Востока, Грузия — на Европу и США, Армения — на Россию. В настоящее время происходит усиление отраслевой специализации национальных рынков труда стран региона. При наличии схожих черт, при общих проблемах государственного управления (безработица среди молодежи, низкая производительность труда, трудовая эмиграция в Россию), страны Южного Кавказа различаются по многим основным параметрам развития рынков труда.

Демографические процессы в странах Южного Кавказа также протекают неравномерно. Наиболее благоприятной можно считать демографическую ситуацию в Азербайджане, наименее благоприятной — в Грузии. Азербайджан характеризуется наиболее сбалансированной половозрастной структурой населения. В Армении и Грузии, несмотря на рост рождаемости, сохраняется убыль населения, что обусловлено миграционным оттоком. Основным направлением эмиграции остается Россия, но в последние годы наблюдается диверсификация миграционных направлений. Все более активно мигранты осваивают рынки труда Европы, США, стран Персидского залива и других стран Ближнего Востока. Диаспоры, которые сформировала миграция, оказывают существенное влияние на стабилизацию социально-экономической ситуации в странах Южного Кавказа.

Несмотря на специфику социально-экономического развития стран Южного Кавказа, можно предложить универсальные решения в сфере развития рынка труда и стимулирования

²⁶ См.: International Migrants by Country, UN Population Division, 2015 [<http://www.pewglobal.org/interactives/migration-tables/>].

²⁷ См.: Data Base of the World Bank [<http://www.worldbank.org/en/topic/labormarkets/brief/migration-and-remittances>].

занятости населения. Необходима активная работа по созданию новых рабочих мест. Требуется развивать предпринимательство, основанное на государственно-частном партнерстве, которое может стать импульсом для развития тех сфер экономики, куда частный бизнес не может или опасается войти. Основные препятствия для открытия и ведения бизнеса в странах Южного Кавказа заключаются в отсутствии необходимой финансовой поддержки на начальном этапе организации бизнеса, инфляции и недостаточной квалификации трудовых ресурсов из-за оттока населения за границу, а также в бюрократических барьерах со стороны государства.

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Алла ИВАНОВА

*доктор экономических наук, профессор, заведующая отделением
анализа статистики здоровья населения Центрального
научно-исследовательского института организации и информатизации
здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации
(Москва, Российская Федерация)*

Сергей РЯЗАНЦЕВ

*доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор,
руководитель Центра социальной демографии Института
социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой
демографической и миграционной политики МГИМО (Университет)
МИД России, профессор РУДН
(Москва, Российская Федерация)*

АННОТАЦИЯ

Трудовые мигранты относятся к уязвимым группам, что обусловлено широким набором факторов риска, с одной стороны, и барьерами в получении медицинской помощи и социальной поддержки — с другой. В прини-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-05410.

мающих обществах возрастает опасность распространения в группах мигрантов социально опасных заболеваний, которые могут, по мнению некоторых экспертов, стать проблемой и для населения в целом. Цель статьи — определить обоснованность опасений о существенной угрозе распространения социально опасных заболеваний в среде трудовых мигрантов из Центральной Азии в России. В Москве опрошено 498 трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Социально-демографическая структура выборки в целом соответствует опубликованным результатам других авторов, что позволяет считать полученные результаты о состоянии здоровья и самосохранительном поведении репрезентативными для этой группы населения российских мегаполисов. Результаты свидетельствуют, что основными рисками здоровья, помимо профессиональных, являются условия жизни и специфика питания трудовых мигрантов, то есть высокий уровень потребления мясных продуктов низкого качества, недостаточное потребление молочных продуктов,

овощей и фруктов. Такой характер питания имеет прямую связь с провокацией сахарного диабета и сердечно-сосудистых заболеваний, риск которых повышается с учетом семейного анамнеза трудовых мигрантов и отсутствия у них информации о том, как риск контролировать.

При довольно высокой частоте половых контактов респонденты менее чем в половине случаев используют средства предохранения. Более трети мужчин и более половины женщин, имеющих нескольких половых партнеров, практикуют незащищенный секс, что может способствовать распространению инфекций, передающихся половым путем.

Вместе с тем трудовые мигранты ориентированы на медицинскую активность в случае болезни, особенно при наличии полиса ОМС. Независимо от мотивов, которые определяют предпочтение визита в медицинское учреждение иным способам борьбы с болезнью, эти результаты важны с точки зрения улучшения эпидемиологической обстановки в регионах, активно привлекающих трудовых мигрантов из Центральной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трудовые мигранты, здоровье, факторы риска, самосохранительное поведение, медицинская активность.

Введение

Трудовые мигранты в принимающем обществе относятся к уязвимым группам, что обусловлено широким набором факторов риска (бедность, плохие жилищные условия и питание, тяжелый ненормированный труд с факторами вредности, расовая и этническая дискриминация), с одной стороны, и барьерами в получении медицинской помощи и социальной поддержки (языковой барьер, культурные различия, субъективные представления о здоровье и болезни и пр.) — с другой¹. Наложение на плохие социально-экономические условия политических,

¹ См.: Журавлева И.В., Иванова Л.Ю. Мигранты: социально-экономические условия жизни, влияющие на здоровье и обращаемость в российские медицинские учреждения (результаты опроса в Санкт-Петербурге) // Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал, 2015, Т. 43, № 3; Иванова Л.Ю. Социальные риски для здоровья трудовых мигрантов // Вестник Института социологии, 2013, № 1 (6). С. 130—145; Иващенко Г.А. Здоровье

административных, культурных факторов приводит к ухудшению показателей здоровья мигрантов, потере трудоспособности. Исходя из этой перспективы, международные организации подчеркивают риск трудовой миграции и для стран исхода, и для принимающих обществ. В первом случае риск связан с увеличением количества трудовых мигрантов с подорванным здоровьем, возвращающихся для лечения и реабилитации в свои сообщества. В принимающих обществах возрастает опасность распространения в группах мигрантов социально опасных заболеваний, развивающихся вследствие понижения иммунитета, плохого питания, неудовлетворительных медико-санитарных условий жизни, культурного шока и социального исключения.

По масштабам миграции Россия занимает одно из первых мест в мире. Временная трудовая миграция стала востребованным ресурсом российской экономики в 1990-х годах, по мере усугубления проблемы с трудовыми ресурсами. Своего «пика» численность трудовых мигрантов в России достигла в 2000-х годах. В настоящее время российский рынок труда является привлекательным для трудоспособного населения из стран Центральной Азии, Закавказья, некоторых стран Азии и Восточной Европы². Официальная численность трудящихся-мигрантов в Российской Федерации основана на данных количества разрешительных документов, выданных ФМС. В 2014 году было выдано 3 690 тыс. разрешительных документов, в том числе 2 387 тыс. патентов и 1 303 тыс. разрешений на работу. Однако последний финансово-экономический кризис снова сократил число выданных разрешительных документов на работу в России в 2016 году до 1 887 тыс., в том числе 1 710 тыс. патентов на работу и 177 тыс. разрешений на работу³.

Значительная часть трудовых мигрантов прибывает из стран Центральной Азии. Неблагополучная эпидемиологическая ситуация в большинстве стран этого региона и существенные риски для здоровья, которые ждут трудовых мигрантов в России, определяют, по мнению экспертов⁴, формирование угрозы распространения социально опасных заболеваний не только в среде трудовых мигрантов, но и среди населения России.

мигрантов: социологический анализ. В кн.: Социология медицины: наука и практика / Сборник статей по материалам научно-практической конференции с международным участием / Под общ. ред. А.В. Решетникова, М., 2012, № 2. С. 267—270; *Он же*. Здоровье трудовых мигрантов в России // Социология медицины, 2013, № 2 (23). С. 48—51; *Измеров Н.Ф., Измерова Н.И., Бухтияров И.В., Ходжиев М.* Особенности адаптационных реакций у женщин-мигранток и риски нарушения здоровья при различной длительности пребывания на территории Московского региона // Анализ риска здоровью, 2017, № 2. С. 119—127; *Кузнецова И., Мухарьямова Л.* Трудовые мигранты в системе медицинских услуг: формальные и неформальные стратегии // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 1. С. 7—20; *Кузнецова И.Б., Мухарьямова Л.М., Вафина Г.Г.* Здоровье мигрантов как социальная проблема // Казанский медицинский журнал, 2013, Т. 94, № 3. С. 367—372; *Мухарьямова Л.М., Кузнецова И.Б., Вафина Г.Г.* Больной, пациент, клиент: позиции трудового мигранта в российской системе здравоохранения (на примере республики Татарстан) // Вестник современной клинической медицины, 2014, Т. 7, № 1. С. 43—49; *Рязанцев С.В., Акрамов Ш.Ю.* Влияние трудовой миграции на здоровье мигрантов в России и их супругов в Таджикистане // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук, 2014, № 5 (61). С. 189—197; *Храмцов В.Г., Храмцов В.В.* Здоровье трудовых мигрантов — здоровье россиян // Медицинский альянс, 2015, № 1. С. 79; *Юрьев П.С.* Здоровье трудовых мигрантов как фактор, затрудняющий их социальную адаптацию в России. В кн.: Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития / Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2013. С. 1485—1497.

² См.: *Ryazantsev S.* Russia Needs a New Migration Policy // *Russian Politics and Law*, 2013, Vol. 51, № 3. P. 80—88. DOI: 10.2753/RUP1061-1940510305.

³ См.: *Письменная Е., Рязанцев С., Боженко В.* Диаспоры из стран Центральной Азии в Российской Федерации: миграционные каналы и вклад в социально-экономическое развитие посылающих сообществ // *Центральная Азия и Кавказ*, 2016, Том 19, Выпуск 4. С. 97—105.; *Рязанцев С., Богданов И., Доброхлеб В., Лукьянец А.* Миграционное взаимодействие стран Центральной Азии с Россией и Казахстаном в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС // *Центральная Азия и Кавказ*, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 44—56.

⁴ См.: *Иванова Л.Ю.* Трудовые мигранты: инфекционные заболевания, контроль за здоровьем при въезде и медицинская помощь в РФ. В кн.: Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития / Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 2013. С. 503—515; *Кузнецова И.Б., Мухарьямова Л.М., Вафина Г.Г.* Указ. соч.; *Храмцов В.Г., Храмцов В.В.* Указ. соч.

Материалы и методы

Цель настоящего исследования — определить обоснованность опасений о существенной угрозе распространения социально опасных заболеваний в среде трудовых мигрантов из Центральной Азии, работающих в России.

В ходе исследования в Москве было опрошено 498 трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. 68,6% составили граждане Узбекистана, 25,9% — Таджикистана, остальные — граждане Кыргызстана. Национальный состав мигрантов представлен преимущественно титульными национальностями, которые составляют от 84,0% среди граждан Кыргызстана и до 95,3% — Таджикистана. Наиболее разнообразным является национальный состав мигрантов — граждан Узбекистана, среди которых, помимо узбеков (87,8%), присутствуют таджики (3,9%), татары (4,2%), корейцы (1,8%), русские (1,5%), а также кыргызы, каракалпаки и представители других национальностей. Мужчин в выборке втрое больше, чем женщин. При этом мужчины в целом моложе: средний возраст составляет $32,4 \pm 0,6$ года, средний возраст женщин — $37,9 \pm 0,7$ года. В возрасте до 25 лет на 1 женщину приходится 13 мужчин, среди 45—54-летних — 2 мужчины в расчете на 1 женщину.

Трудовые мигранты из стран Центральной Азии довольно образованы: две трети (65% мужчин и 61,7% женщин) имеют среднее общее или специальное образование, а четверть респондентов (26,9% мужчин и 29,6% женщин) — высшее или незаконченное высшее. Лишь немногим более 8% опрошенных получили только неполное среднее образование. Образовательный статус существенно зависит от места жительства респондента: так, среди жителей столиц высшее образование имеют около половины респондентов — 56,0% мужчин и 47,4% женщин, тогда как среди сельских жителей — 18,4% и 15,8%.

Социально-демографическая структура выборки в целом соответствует опубликованным результатам других авторов⁵. Это позволяет считать полученные результаты репрезентативными для этой группы населения российских мегаполисов.

Результаты

Исследование показало, что среди мужчин — трудовых мигрантов наиболее частыми сферами приложения труда являются строительство (26,6%), торговля (20,5%), общественное питание (13,7%), транспорт (13,1%), жилищно-коммунальное хозяйство (11,7%), сфера услуг, включая ремонт, гостиничный сервис, туристические услуги, охрана и пр. (6,7%). Среди женщин — общественное питание (29,6%), торговля (24,1%), сфера услуг (13,6%), домашнее хозяйство и жилищно-коммунальное хозяйство (по 10,5%). В единичных случаях встречается занятость в системе здравоохранения, образования, культуры, рекламы, финансовой сфере.

Выбор сферы занятости в определенной степени зависит от полученного образования. Мужчины и женщины с более высоким образованием чаще заняты в торговле и общественном питании, а малообразованные трудовые мигранты — в сфере ЖКХ и домашнем хозяйстве. Что касается сферы услуг, то у мужчин занятость в ней выше у малообразованных, а у женщин —

⁵ См.: Журавлева И.В., Иванова Л.Ю. Указ. соч.; Иванова Л.Ю. Социальные риски для здоровья трудовых мигрантов; Ивахненко Г.А. Указ. соч.; Тявокина Е.Ю., Софронов А.Г., Добровольская А.Е., Савельев А.П. Опыт применения метода анкетирования при изучении рискованного поведения как значимого фактора распространения ВИЧ-инфекции среди трудовых мигрантов. В кн.: XVI съезд психиатров России. Тезисы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы» / Отв. ред. Н.Г. Незнанов, Санкт-Петербург, 2015. С. 338; Юрьев П.С. Указ. соч.

напротив, у лиц с высшим образованием, что определяется различиями конкретных видов занятости. При этом доля мужчин, занятых в строительстве и на транспорте, не зависит от уровня образования. У женщин эта зависимость отсутствует из-за низких показателей занятости этими видами труда.

Сфера занятости отчасти определяет условия труда, доходы и место жительства, что, в свою очередь, формирует предикторы здоровья.

Более половины трудовых мигрантов (53,9%) живут в квартире или комнате, которую снимают совместно несколько человек; еще около четверти респондентов (23,9%) снимают квартиру или комнату для себя и своей семьи. Немногим менее десятой части опрошенных (8,2%) живут в общежитии. Самым неблагоприятным для здоровья вариантом является проживание по месту работы (офис, подвал, вагончик, чердак, дом под снос, гараж и т.п.) — на него указали 10,4% респондентов. Проживание у работодателя является наименее распространенным вариантом (3,6%).

Разумеется, место жительства существенно зависит от характера занятости. Так, среди занятых в домашнем хозяйстве две трети живут там, где работают, в том числе 44,1% респондентов — непосредственно у работодателя. Наибольший процент снимающих квартиру для себя и своей семьи оказался среди занятых в торговле (31,0%). В съемном жилье на несколько человек живет большая часть работающих в сфере услуг и общественном питании (70,4% и 69,4% соответственно). Доля живущих в общежитии относительно выше среди работающих на транспорте (13,9%), в жилищно-коммунальном хозяйстве (12,8%) и строительстве (13,1%).

Среди опрошенных отсутствовали лица с плохим, по их самооценке, здоровьем. Среди мужчин 2/3 оценили свое здоровье как отличное и хорошее, а 1/3 — как удовлетворительное. Среди женщин хорошие и удовлетворительные самооценки разделились поровну. Большая доля удовлетворительных самооценок среди женщин объясняется более старшей возрастной структурой трудовых мигрантов-женщин в сравнении с мужчинами, поскольку с возрастом самооценка здоровья в среднем становится хуже. При этом среди сверстников соотношение хороших и удовлетворительных самооценок здоровья у мужчин и женщин принципиально не отличается (см. табл. 1).

Таблица 1

Самооценки здоровья трудовых мигрантов из Центральной Азии, %

Возраст, лет	Мужчины		Женщины	
	Здоровье отличное или хорошее	Здоровье удовлетворительное	Здоровье отличное или хорошее	Здоровье удовлетворительное
До 25	84,4	15,6	75,0	25,0
25-39	68,9	31,1	63,9	36,1
40 и старше	48,7	51,3	38,2	61,8
Всего	65,2	34,8	53,0	47,0

Самооценка здоровья практически не связана с наличием хронических заболеваний, распространенность которых, по понятным причинам, среди трудовых мигрантов невелика. Лишь немногие опрошенные (1,8% мужчин и 6,0% женщин) сообщили, что знают о наличии у них хронических заболеваний. И у мужчин, и у женщин наиболее распространенной патологией является сахарный диабет, а также туберкулез и гепатит. Вместе с тем есть основания пола-

гать, что частота хронических заболеваний среди трудовых мигрантов выше и они не подозревают о наличии у них серьезных заболеваний в ранней стадии. В пользу этого предположения говорит отягощенный анамнез и широкое распространение факторов риска.

Так, у ближайших родственников респондентов, включая родителей, братьев и сестер, частота хронических заболеваний и их спектр довольно широки. Около половины респондентов (44,9% мужчин и 45,2% женщин) указали, что в родительской семье имеются серьезные хронические заболевания, наиболее частыми из которых являются сахарный диабет, инфаркт, инсульт, а также алкоголизм, гепатит, туберкулез.

Поведение в отношении здоровья также трудно назвать самосохранительным, хотя ситуация в отношении ведущих факторов риска относительно благополучна.

В среднем более половины мужчин (54,3%) и 9/10 женщин (89,2%) не курят. Среди тех, кто курит, нет заядлых курильщиков: большинство выкуривает до 10 сигарет ежедневно. При этом прослеживается четкая зависимость: среди мужчин, которые считают свое здоровье отличным или хорошим, не курят 63,2%, среди тех, кто оценивает состояние своего здоровья как удовлетворительное, — не курят только 37,6%. Для женщин эта закономерность не прослеживается в связи с низкой долей курящих среди них.

Не употребляют алкоголь 29,3% мужчин и 63,4% женщин. При этом ежедневно употребляют алкоголь, хотя и преимущественно некрепкий (пиво или столовое вино), — 7,5% мужчин. Как и в случае с курением, более здоровое поведение характерно для лиц, оценивающих свое здоровье как хорошее или отличное: среди них не употребляют алкоголь 36,2%, а ежедневное употребление характерно только для 5,6%. Тогда как среди респондентов, оценивающих свое здоровье как удовлетворительное, не употребляют алкоголь только 16,6%, а ежедневное употребление характерно для 11,0%.

Частота питания, а также его структура являются важными факторами сохранения здоровья. По данным опроса, большинство респондентов питаются трижды в день; большее число приемов пищи характерно как для респондентов с ожирением, так и с дефицитом массы тела. Полученные результаты противоречат известным закономерностям и, по-видимому, объясняются в первом случае (при ожирении) избыточным потреблением калорийной пищи, во втором (при дефиците массы тела) — наличием заболеваний органов пищеварения, при которых значительные перерывы во времени между приемами пищи провоцируют болевые симптомы (см. табл. 2).

Таблица 2

**Частота приемов пищи у трудовых мигрантов
из Центральной Азии в зависимости от массы тела, %**

	Обычное число приемов пищи в течение дня				
	Один	Два	Три	Больше трех	Всего
Дефицит МТ	—	18,2	54,5	27,3	100,0
Избыточная МТ	0,5	23,0	59,0	17,6	100,0
Норма	0,5	13,5	67,6	18,4	100,0
Ожирение	—	13,8	48,3	37,9	100,0
Общий итог	0,5	17,0	63,3	19,3	100,0

В структуре питания значительное место занимают мясные продукты: более половины респондентов (54,8%) сообщили, что едят мясо ежедневно. При этом треть опрошенных (31,7%)

отметили, что едят мясо лишь несколько раз в месяц, а 5% заявили, что вообще не едят мясных продуктов. Частота потребления мясных продуктов оказалась тесно связана с массой тела: так, среди респондентов с ожирением почти 70% едят мясо ежедневно, а среди тех, кто имеет дефицит массы тела, — только треть; при этом 8,3% респондентов с дефицитом массы тела вообще не едят мяса, а среди опрошенных с ожирением этот вид пищевого поведения не встречается (см. табл. 3).

Таблица 3

Частота потребления мясных продуктов трудовыми мигрантами из Центральной Азии в зависимости от массы тела, %

	Каждый день	Несколько раз в день	Несколько раз в месяц	Вообще не ем	Всего
Дефицит МТ	33,3	20,8	37,5	8,3	100,0
Избыточная МТ	58,0	8,5	29,5	4,0	100,0
Норма	53,1	7,6	33,5	5,7	100,0
Ожирение	69,0	10,3	20,7	—	100,0
Общий итог	54,8	8,5	31,7	5,0	100,0

Потребление овощей и фруктов — важный показатель здорового питания. И, казалось бы, ситуация в этом отношении выглядит неплохо: почти две трети опрошенных (61,6%) отметили, что едят овощи и фрукты ежедневно, однако четверть респондентов (26,1%) заявили, что лишь несколько раз в месяц едят овощи и фрукты. Зависимость между потреблением овощей и фруктов и массой тела подтверждает известные закономерности: минимальная частота потребления характерна для опрошенных с ожирением (48,3% — ежедневно и 41,4% — несколько раз в месяц), максимальная частота наблюдается у лиц с нормальной массой тела (66,2% — ежедневно, 22,6% — несколько раз в месяц) (см. табл. 4).

Таблица 4

Частота потребления овощей и фруктов трудовыми мигрантами из Центральной Азии в зависимости от массы тела, %

	Каждый день	Несколько раз в день	Несколько раз в месяц	Вообще не ем	Всего
Дефицит МТ	58,3	4,2	37,5	—	100,0
Избыточная МТ	60,7	9,4	21,4	8,5	100,0
Норма	59,1	8,4	29,4	3,0	100,0
Ожирение	48,3	3,4	31,0	17,2	100,0
Общий итог	59,2	8,4	27,0	5,4	100,0

Таким образом, основными рисками, исключая профессиональные, являются условия жизни и характер питания. Последний непосредственно связан с провокацией сахарного диа-

бета и сердечно-сосудистых заболеваний, риск которых повышается с учетом семейного анамнеза трудовых мигрантов.

Судя по результатам исследований⁶, важным фактором риска для здоровья трудовых мигрантов является практика незащищенного секса, ведущая к росту инфекций, передающихся половым путем.

Судя по результатам опроса, для большинства респондентов характерны нерегулярные половые отношения от случая к случаю (64,9% мужчин и 58,9% женщин) и еще четверть мужчин (26,7%) и около трети женщин (31,1%) указали на наличие контактов несколько раз в неделю. У женщин максимальная частота половых отношений характерна для молодых до 25 лет (57,1% — несколько раз в неделю, 28,6% — ежедневно), у мужчин — для лиц в возрасте 25—39 лет (27,8% — несколько раз в неделю, 12,5% — ежедневно). Во всех возрастных группах частота половых контактов выше у женщин, хотя среди лиц старше 40 лет показатели для мужчин и женщин сближаются (см. табл. 5).

Таблица 5

Частота половых отношений у опрошенных трудовых мигрантов из Центральной Азии, %

Возраст, лет	Частота половых отношений			Общий итог
	Ежедневно	Несколько раз в неделю	Нерегулярно, от случая к случаю	
Мужчины				
До 25	3,0	14,9	82,1	100,0
25—39	12,5	27,8	59,7	100,0
40 и старше	3,4	29,9	66,7	100,0
	8,4	26,7	64,9	100,0
Женщины				
До 25	28,6	57,1	14,3	100,0
25—39	12,5	30,0	57,5	100,0
40 и старше	4,7	29,7	65,6	100,0
	9,9	31,1	58,9	100,0

При довольно высокой частоте половых контактов респонденты менее чем в половине случаев используют средства предохранения: 42,0% мужчины и 46,0% женщины. Никогда не практикуют защищенный секс около пятой части мужчин и четверть женщин (18,9% и 26,0% соответственно). Реже всего средства предохранения используются при ежедневных контактах, чаще — при нерегулярных (от случая к случаю) (см. табл. 6).

Можно было бы предположить, что ежедневные или регулярные — несколько раз в неделю — контакты предполагают постоянного партнера, что снижает риск инфекций, передающихся половым путем. Однако, как показал опрос, именно при наличии единственного пар-

⁶ См.: *Иванова Л.Ю.* Трудовые мигранты: инфекционные заболевания, контроль за здоровьем при въезде и медицинская помощь в РФ. С. 503—515; *Ивахненко Г.А.* Указ. соч.; *Тявокина Е.Ю., Софронов А.Г., Добровольская А.Е., Савельев А.П.* Указ. соч.; *Храмцов В.Г., Храмцов В.В.* Указ. соч.

тнера доля мужчин и женщин, всегда использующих средства предохранения, — наивысшая: 47,9% и 47,2% соответственно, против 37,5% и 33,3% респондентов, имеющих нескольких партнеров. При этом более трети мужчин и больше половины женщин, имеющих нескольких половых партнеров, не используют средства предохранения (чаще всего или никогда).

Таблица 6

Использование средств предохранения трудовыми мигрантами из Центральной Азии при половых контактах в зависимости от их частоты, %

Частота половых контактов	Использование средств предохранения				Общий итог
	Да, всегда	Чаще использую, но не всегда	Чаще не использую, но иногда использую	Никогда не использую	
Мужчины					
Ежедневно	31,7	17,1	12,2	39,0	100,0
Несколько раз в неделю	38,0	21,7	23,3	17,1	100,0
Нерегулярно, от случая к случаю	45,7	19,6	19,2	15,5	100,0
Всего	42,0	19,7	19,5	18,9	100,0
Женщины					
Ежедневно	20,0	6,7	6,7	66,7	100,0
Несколько раз в неделю	34,8	21,7	17,4	26,1	100,0
Нерегулярно, от случая к случаю	56,2	7,9	16,9	19,1	100,0
Всего	46,0	12,0	16,0	26,0	100,0

Если оценивать ответы респондентов об их сексуальном поведении как достоверные, то следует предположить, что ответы о венерических заболеваниях за последние полгода не отвечают действительности. Так, только 2,2% мужчин ответили, что за последние полгода они болели венерическими заболеваниями, при этом заболевшие равномерно распределились как среди тех, кто, по их признанию, использовал средства предохранения, так и среди тех, кто пренебрегал практикой защищенного секса. Среди женщин, судя по их ответам, не было ни одного случая венерических заболеваний за последние полгода. По-видимому, подобные результаты могут быть связаны как с попыткой скрыть наличие заболевания, так и с недооценкой имеющейся симптоматики как проявления болезни.

З а к л ю ч е н и е

Социально-демографический состав опрошенных трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в целом соответствует опубликованным результатам других авторов, что позволяет считать полученные результаты о состоянии здоровья и самосохранительном поведении репрезентативными для этой группы населения российских мегаполисов. Трудовые ми-

гранты из Центральной Азии представлены лицами трудоспособных возрастов: преимущественно молодыми мужчинами, а также средних лет женщинами, в основном

- 1) выходцами из крупных и средних городов,
- 2) довольно образованными: преимущественно со средним общим и специальным образованием, способными понимать русский язык и говорить на нем на уровне бытового общения.

Сфера занятости отчасти определяет условия труда, доходы и место жительства, что, в свою очередь, формирует предикторы здоровья трудовых мигрантов. Среди мужчин наиболее частыми сферами приложения труда являются: строительство, торговля, общественное питание, транспорт, сфера ЖКХ. Среди женщин — общественное питание, торговля, сфера услуг, домашнее хозяйство и жилищно-коммунальное хозяйство. Более половины трудовых мигрантов живут в квартире или комнате, которую снимают совместно несколько человек. Самым неблагоприятным для здоровья вариантом является проживание по месту работы (офис, подвал, вагончик, чердак, дом под снос, гаражи т.п.) — на него указала десятая часть респондентов.

Среди опрошенных отсутствовали лица с плохим, по их самооценке, здоровьем. Вместе с тем есть основания полагать, что частота хронических заболеваний среди трудовых мигрантов выше, чем по данным опроса, и они не подозревают о наличии у них серьезных заболеваний в ранней стадии. В пользу этого предположения отягощенный анамнез (наличие хронических заболеваний в родительской семье) и широкое распространение факторов риска.

Основными рисками, исключая профессиональные, являются условия жизни и характер питания трудовых мигрантов: они потребляют много мясных продуктов низкого качества, мало молочных продуктов, овощей и фруктов. Характер питания прямо связан с провокацией сахарного диабета и сердечно-сосудистых заболеваний, риск которых повышается с учетом семейного анамнеза трудовых мигрантов.

Опрошенные, имеющие высокий риск хронической патологии, не обладают информацией о том, как риск контролировать, поскольку большинство не располагает данными о своем артериальном давлении, уровне холестерина и даже об индексе массы тела. С учетом категорий, не указавших давность и причину обращения в учреждение здравоохранения, а также обратившихся в него более чем за год до приезда в Россию, можно констатировать, что более трети трудовых мигрантов приехали в страну, не имея актуальной информации о состоянии своего здоровья.

При довольно высокой частоте половых контактов респонденты менее чем в половине случаев используют средства предохранения. Более трети мужчин и половины женщин, имеющих нескольких половых партнеров, практикуют незащищенный секс. Если оценивать ответы респондентов об их сексуальном поведении как достоверные, то следует предположить, что ответы о венерических заболеваниях за последние полгода (2,2% мужчин и ни одной женщины) не отвечают действительности. Подобные результаты могут быть связаны как с попыткой скрыть наличие заболевания, так и с недооценкой имеющейся симптоматики как проявления болезни.

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

**ГОСУДАРСТВО И
РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ****Роман ПОДОПРИГОРА***доктор юридических наук, профессор Каспийского университета
(Алматы, Казахстан)***Наргис КАСЕНОВА***доктор политических наук,
ассоциированный профессор Университета КИМЭП
(Алматы, Казахстан)***АННОТАЦИЯ**

В статье рассматриваются особенности социального и политико-правового статуса религиозных объединений в современном Казахстане. На основе социологических исследований и анализа государственной политики и законодательства авторы приходят к выводам о том, что религиозное возрождение и количественный рост религиозных объединений в постсоветский период не привели к значительному повышению уровня религиоз-

ности казахстанского общества и кардинальному переосмыслению роли религии и религиозных объединений в государственной и общественной жизни. Тем не менее после определенного периода либерализации (1991—2004) государство вернулось к жесткому контролю в религиозной сфере и ограничению публичной активности религиозных структур.

Это связано с процессами политизации религии, которые главным обра-

зом ассоциируются с непризнанными или запрещенными в Казахстане исламскими объединениями или течениями. Несмотря на принцип отделения государства от религии, провозглашенный в законодательстве, государство разрабатывает собственную политику в религиозной сфере, направленную на укрепление светских основ казахстанского общества.

Но такое укрепление — в казахстанском варианте — сопровождается дав-

лением на верующих, на религиозные объединения, подавляющее большинство которых дистанцируется от любых проявлений политической активности. Государство также создает неравные возможности для религиозных объединений, культивируя привилегированный статус Духовного управления мусульман Казахстана и Русской Православной Церкви в Казахстане для большей легитимации системы как во внутренней, так и во внешней политике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозные объединения, Казахстан, религиозная политика, законодательство о религиозных объединениях.

Введение

В 2017 году Казахстан, как и другие страны постсоветского пространства, подводит итоги 25-летнего существования в статусе независимого государства. За это время многие явления и институты общественной жизни претерпели серьезные изменения как с точки зрения их состояния и значения в обществе, так и с точки зрения соответствующей государственной политики.

Религия и связанные с ней институты являются ярким примером таких изменений. Если еще совсем недавно по историческим меркам религия рассматривалась как временный феномен, не играющий сколь-либо значимой роли в общественной и государственной жизни, то сегодня никто не возьмется отрицать важность религиозных факторов в политической, социальной и культурной областях. Верующие люди и религиозные объединения перестали быть изгоями, они введены в общественное и правовое пространство. Глава государства регулярно встречается с главами крупнейших мировых религиозных объединений и участвует в религиозных праздниках, два из которых объявлены официальными выходными днями¹. С 2003 года под патронажем президента Назарбаева в Астане, столице Казахстана, каждые три года проходят Съезды лидеров мировых и традиционных религий.

Однако, несмотря на такое инкорпорирование в общественную жизнь страны, отношение к религии как со стороны государства, так и со стороны общества остается настороженным. В казахстанском обществе живы наследие советского атеистического прошлого и восприятие религии как «опиума для народа» и элемента архаичного прошлого. Большая часть общества положительно восприняла религиозное возрождение, но опасается плюрализма вероисповедания, выросшего в результате открытости страны для различных внешних влияний, в том числе и прихода иностранных миссионеров и религиозных объединений. Считается, что этот процесс ведет к размыванию национальной идентичности. Государство же видит в религиозных объединениях и идеологиях, особенно в так называемых нетрадиционных вариантах, вызов и

¹ Первый день Курбан-айта и православное Рождество.

угрозу политической безопасности страны. Эта угроза стала наглядной с 2011 года, когда Казахстан столкнулся с экстремистскими и террористическими актами, совершенными радикальными исламистами².

Настороженное отношение к религии и религиозным процессам со стороны общества и государства создало непростую среду для существования и развития религиозных объединений в Казахстане. Поскольку в первую очередь условия для их деятельности определяются государством, в данной статье основной фокус сделан на государственной политике в отношении религиозных объединений, главным инструментом которой является правовое регулирование. Вначале мы рассматриваем ситуацию с религиозностью населения и динамику как числа религиозных объединений, так и пропорциональной представленности различных религий и течений. Затем мы описываем эволюцию правового регулирования религиозной деятельности в контексте различных факторов, повлиявших на изменения в политике государства. В заключительной части делается анализ сложившейся модели отношений между государством и религиозными объединениями.

Религиозность населения и религиозные объединения

В ходе последней переписи населения в 2009 году 70,2% опрошенных казахстанцев указали в качестве вероисповедания ислам, 26,2% — христианство, 0,1% — буддизм, 0,2% — другое, 2,8% определили себя как неверующие.³ На первый взгляд, эти цифры свидетельствуют о процессах религиозного возрождения в Казахстане, сопутствующего консолидации этнической идентичности в постсоветский период. Религиозная идентичность стала компонентом этнической самоидентификации. Быть казахом/казашкой или русским/русской почти автоматически означает считать себя мусульманином/мусульманкой или православным/православной, а казахи и русские составляют две самые большие этнические группы в Казахстане: 63,1% и 23,7% по результатам переписи населения⁴.

Однако социологические исследования указывают на неглубокий характер этого возрождения. На современном этапе оно не привело к кардинальному изменению уровня религиозности казахстанского общества и не создало серьезного вызова светскому укладу жизни большинства населения. Казахстанцы стали чаще посещать культовые здания, соблюдать религиозные обряды и участвовать в религиозных мероприятиях. Но вместе с тем они зачастую не связывают себя с конкретными религиозными объединениями, отмечают любые религиозные праздники, а не только праздники своей религии, в повседневной жизни не соблюдают религиозные правила и установки.

Согласно одному из последних казахстанских исследований этнорелигиозной идентификации региональной молодежи, 76% опрошенных считают себя верующими. Однако менее половины опрошенных из числа верующих считают, что обладают религиозными знаниями. Более трети опрошенных, называющих себя верующими, не читали Коран, Библию или другие религиозные первоисточники. 71% однажды, редко или вообще не посещали мечеть, церковь

² См.: Теракты в Казахстане. Хроника пяти лет // The Open Asia, 6 июня 2016 [<http://theopenasia.net/articles/detail/terakty-v-kazakhstan-khronika-pyati-let/>], 14 июля 2017.

³ См.: Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. Астана, 2010. С. 10, 101.

⁴ См.: Там же. С. 10.

или другое культовое здание. Основная масса опрошенных верующих чувствует себя относительно свободной от исполнения всех основных религиозных предписаний и обрядов, выполняя лишь часть из них. При этом каждый пятый из называющих себя верующими вообще манкирует всяческими религиозными канонами и предписаниями. Лишь каждый пятый в составе верующих является последовательным приверженцем религиозных предписаний и обрядовых традиций. 72% не являются членами религиозных объединений⁵.

В другом исследовании, касающемся уровня религиозности взрослого населения, 86,4% заявили о своей вере в Бога. При этом только 15,4% регулярно посещают культовые здания; 19,1% регулярно молятся; 35,8% стремятся жить по заповедям; 10,1% регулярно читают религиозную литературу⁶.

Оценки реальной религиозности населения Казахстана варьируются от 15—20% до 40—50%⁷. Эксперты отмечают в целом нерелигиозное сознание у преобладающей части населения, индифферентного по отношению к религии как вере, смыслу и образу жизни, и сохраняющегося достаточно значительное количество атеистически настроенных граждан⁸.

Примечательно, что по результатам исследований, проводившихся в середине 1990-х годов, количество активных верующих оценивалось в 26,3%⁹. В 1980-х годах количество верующих и сочувствующих религии в зависимости от регионов колебалось от 20 до 70%¹⁰. Более религиозными считались юг и запад республики. Таким образом, цифры показывают, что значительно увеличилось число людей самоидентифицирующих себя в качестве верующих, но число лиц активно участвующих в деятельности религиозных организаций, придерживающихся в своей жизни религиозных установок, с середины 1990-х сильно не изменилось.

Низкие цифры религиозности являются одной из причин активной миссионерской деятельности иностранных субъектов. Казахстан рассматривался и рассматривается ими как открытое поле с большими возможностями для обращения в свою веру. Причем если мусульманские миссионеры в своей деятельности не обращают особого внимания на славянское население, то христианские миссионеры нередко рассматривают в качестве своей первоочередной цели казахов и представителей других народов, традиционно связанных с исламом¹¹.

⁵ См.: Бектурганова Б., Нурғалиева М. Этнорелигиозные идентификации региональной молодежи. Отчет Ассоциации социологов и политологов Казахстана по результатам опроса молодежи 23 апреля — 6 мая 2016 г. [http://ru.soros.kz/uploads/user_68/2016_14_12_02_44_55_981.pdf], 8 мая 2017.

⁶ См.: Религия в современном Казахстане — оценки населения. Алматы: Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан, 2013. С. 12.

⁷ См.: Шаукенова З., Бурова Е., Сихимбаева Д. Феномен религиозной конверсии: методология исследования // Аль-Фараби, журнал социогуманитарных исследований, 2015, № 3. С. 11; Как чувствуешь себя, страна? // Международная газета, декабрь 2014 — январь 2015, № 11—12 [<http://gazetavesmir.com/kak-sebya-chuvstvuesh-strana/>], 10 мая 2017; Бурова Е., Косиченко А. Актуальные проблемы развития религиозной ситуации в Республике Казахстан / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, 2013. С. 56.

⁸ См.: Шаукенова З., Бурова Е., Сихимбаева Д. Указ. соч. С. 11.

⁹ См.: Отношение казахстанцев к религии. В зеркале опроса. Информационно-аналитический бюллетень Ассоциации социологов и политологов Казахстана. Алматы, 1998. С. 11. Хотя были и другие оценки 39,7% положительно отвечавших на вопрос «Верующий ли Вы человек?» и 85,3% респондентов, совсем не участвующих в деятельности религиозных организаций (см.: Кушербаев К., Назарбаев Е., Садыков Н. Уровень религиозности и конфессиональные ориентации населения Республики Казахстан (Информационно-аналитический доклад). Алматы: Институт развития Казахстана, 1996. С. 7, 13).

¹⁰ См.: Колесников Л.Ф., Артемьев А.И. Современная религиозная ситуация в Республике Казахстан. В кн.: Казахстан: реалии и перспективы независимого развития / Под общ. ред. Е.М. Кожокина, М.: Российский институт стратегических исследований, 1995. С. 295.

¹¹ См.: Peyrouse S. Christian Proselytism in Kazakhstan // CACI Analyst, 25 January, 2006 [<https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/10590-analytical-articles-caci-analyst-2006-1-25-art-10590.html>], 14 June 2017.

На фоне достаточно стабильной ситуации с религиозностью населения на первый взгляд парадоксально выглядит динамика роста числа религиозных организаций в стране. В 1989 году в Казахстане насчитывалась 671 религиозная организация. При этом в общем количестве выделялись протестантские организации: из 671 указанной 171 относилась к лютеранским организациям, 168 — к организациям евангельских христиан-баптистов, только 62 — к православным и 46 — к исламским¹². Сильные позиции протестантизма в Казахстане в советское время объяснялись присутствием множества этнических групп, и прежде всего немцев с высокой степенью религиозности для которых религия являлась одним из элементов сохранения национальной культуры и идентичности¹³. Из всех действующих религиозных общин в 1990 году более 70% состояли полностью или частично из лиц немецкой национальности¹⁴.

В 2011 году (по состоянию на 1 января) было зафиксировано наибольшее количество зарегистрированных религиозных организаций в постсоветский период: 4 551¹⁵. Такой бурный рост числа религиозных объединений при небольшой положительной динамике количества верующих объясняется различными причинами.

- Во-первых, в 1992 году был принят либеральный Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях». Согласно этому закону, для регистрации общины было необходимо иметь 10 членов, тогда как в советское время для этой цели требовалось 20 человек. Более простыми стали регистрационные процедуры.
- Во-вторых, были легализованы многочисленные структуры, не имевшие возможность получить в советское время регистрацию, например Свидетели Иеговы.

На религиозное поле пришли представители религиозных объединений, ранее не существовавших в Казахстане: харизматические, неопятидесятнические церкви, Новоапостольская церковь, Церковь Саентологии, Церковь объединения и т.д.

После принятия в 2011 году Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», одним из требований которого было прохождение перерегистрации, количество религиозных объединений снизилось до 3 088 (по состоянию на 25 октября 2012 г., по окончании срока перерегистрации)¹⁶. То есть примерно треть религиозных объединений не прошла перерегистрацию. Основным препятствием было увеличение количества членов для создания местного религиозного объединения — с 10 до 50. Явное нежелание государства (несмотря на соблюдение регистрационных требований) провести перерегистрацию коснулось Ахмадийской общины и организаций Церкви Саентологии. Против регистрации Ахмадийской общины активно выступает Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК), а саентологические объединения не рассматриваются государством как религиозные.

По состоянию на 1 января 2017 года в Казахстане зарегистрировано 3 658 религиозных объединений, из которых самыми многочисленными являются исламские: 2 250, протестантские — 667 (пятидесятники, церкви евангельских христиан-баптистов, пресвитерианские церкви, адвентисты седьмого дня и евангелическо-лютеранские церкви), православные — 325; римско-католические — 85¹⁷.

¹² См.: Иванов В.А., Трофимов Я.Ф. Религии в Казахстане. Алматы: Высшая школа права «Эділет», 1999. С. 4.

¹³ См.: Подопригора Р.А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). Алматы: Аркаим, 2002. С. 242.

¹⁴ См.: Артемьев А.И. Атеизм, религия, личность. Алма-Ата: Казахстан, 1990. С. 50.

¹⁵ См.: Лама Шариф К. Религиозная грамотность — залог безопасности общества // Казахстанская правда, 16 ноября 2012.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017—2020 годы, принята Указом Президента РК от 20 июня 2017 // Министерство по делам религий и гражданского общества РК [www.din.gov.kz/details/ndownload.php?fn=737&lang=rus], 14 июля 2017.

Таким образом, с конца 1980-х применительно к религиозным организационным структурам картина в Казахстане серьезно изменилась. В настоящее время очевидно доминируют исламские религиозные объединения. Все христианские религиозные объединения составляют лишь половину от исламских объединений. Очень важно также иметь в виду существование довольно большого числа незарегистрированных религиозных объединений, которых в стране насчитывается около 2 000¹⁸.

Приведенные цифры количества религиозных объединений свидетельствуют о том, что они занимают сегодня достаточно серьезное место в социальной структуре казахстанского общества, если брать во внимание количественные характеристики. Показательным является сравнение с другими негосударственными некоммерческими организациями. Так, по данным органов статистики, в настоящее время в Казахстане официально зарегистрировано более 18 000 неправительственных организаций, однако из них действует порядка 8 000¹⁹. То есть религиозных объединений, которые в подавляющем большинстве являются реально действующими, по количеству всего в два раза меньше общего числа всех действующих неправительственных организаций.

В этом плане ситуация в Казахстане на первый взгляд не отличается от ситуации, сложившейся в других странах: религиозные объединения являются существенной частью неправительственного сектора и представляют важную форму самоорганизации граждан. В политических исследованиях существует направление, которое изучает связь между членством в религиозных объединениях и участием в общественной жизни, в политической жизни и демократизацией.

Так, одно из самых крупных и авторитетных международных исследований, проведенное Пиппой Норрис и Робертом Инглехартом на основе результатов Всемирного обзора ценностей (World Value Survey), собранных в начале 1990-х и в 1999—2001 годах, делает следующий ряд выводов: регулярное участие в богослужении коррелируется с членством в организациях, занятых традиционными филантропическими функциями религиозных институтов, включая такие, как уход за престарелыми и инвалидами, в образовательных и культурных группах, в группах действия местных сообществ по вопросам бедности, жилья и расового равенства, в женских группах и группах, занимающихся молодежными вопросами. Наиболее сильна такая связь между посещением церкви и членством в религиозных организациях для протестантов и индуистов, слабее — для мусульман (возможно, вследствие ограниченного числа примеров из мусульманских стран), и становится отрицательной для православных. Также исследование подтверждает позитивную связь между уровнем политического развития, то есть наличием политических прав и гражданских свобод, и членством в ассоциациях²⁰.

Можно предположить, что члены казахстанских религиозных объединений также обладают существенным потенциалом участия в общественной жизни и решения общественных проблем. Однако реализовать его сложно, поскольку действующее законодательство содержит

¹⁸ 1 463 религиозных объединения не прошли перерегистрацию по требованиям Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» 2011 года. Большинство из них продолжает существовать в различных формах. По состоянию на 1 января 2012 года в Казахстане также насчитывалось 579 малочисленных религиозных групп (без права юридического лица), которые также не исчезли после того, как институт малочисленных религиозных групп был ликвидирован (см.: *Лама Шариф К.* Малочисленные религиозные группы ожидают перемен // *Zakon.kz*, 1 марта 2012 [<https://www.zakon.kz/4476912-kajjrat-lama-sharif-malochislennye.html>], 14 July 2017). Доказательством существования незарегистрированных групп являются постоянные обнаружения таких групп и привлечение их к административной ответственности (см.: *Kazakhstan: Pensioners Fined as Parliament Awaits New Law.* *Forum 18 News Service*, 31 August 2016 [http://www.forum18.org/archive.php?article_id=2212], 14 July 2017).

¹⁹ См.: *Садырова С.* Надежный партнер государства // *Юридическая газета*, 5 октября 2016.

²⁰ См.: *Norris P., Inglehart R.* Religious Organizations and Social Capital // *The International Journal of Not-for-Profit Law*, September 2004, Vol. 7, Issue 1.

серьезные ограничения для осуществления социальных проектов. К примеру, религиозные объединения практически не имеют доступа в организации образования и здравоохранения, в государственные учреждения, занимающиеся социальной защитой, пенитенциарные учреждения и в вооруженные силы. Кроме того, существующая налоговая политика не позволяет получать и тратить значительные ресурсы на общественно полезные проекты.

Таким образом, государство сужает сферу деятельности религиозных объединений до осуществления исключительно религиозной деятельности (совершения обрядов, богослужений, проведения других религиозных мероприятий). Единственным исключением является благотворительная деятельность, но с тем условием, что при осуществлении ее не допускается использование материальной зависимости (нужды) граждан в целях их вовлечения в религиозную деятельность²¹.

Эволюция правового регулирования деятельности религиозных объединений

Существующая модель отношений между государством и религиозными объединениями сложилась не сразу. Анализ правового регулирования деятельности религиозных объединений в постсоветский период позволяет выделить два этапа.

- Первый этап длился с 1992 года по 2004 год. В этот период в Казахстане, как и во многих других бывших республиках СССР, были приняты законы²², непосредственно посвященные вопросам свободы вероисповедания, религиозной деятельности и религиозных объединений. Религиозные объединения стали признаваться юридическими лицами (разновидностью некоммерческих организаций) со всеми вытекающими отсюда последствиями: возможностью участия в правовых отношениях, владения, пользования и распоряжения имуществом, защиты своих прав и интересов в судах. Seriously изменился их имущественный статус. Религиозные объединения приобрели собственное имущество, получили возможность самостоятельно заключать трудовые и иные договоры, вступать от своего имени в контакты с государственными органами. Религиозные объединения самостоятельно или в сотрудничестве с государством активно занимались социально полезной деятельностью. Отсутствовал государственный орган по делам религий, а административное воздействие на религиозные объединения не было чрезмерным. К примеру, в этот период отсутствовали требования об обязательной регистрации религиозных объединений и миссионеров, о религиозно-экспертной экспертизе, жесткие условия в отношении мест проведения богослужений и распространения религиозной литературы.
- Второй этап начался в 2005 году и продолжается по настоящее время. Он характеризуется усилением административного воздействия на религиозные объединения, возвратом контрольно-надзорных функций. В стране возродился институт обязательной регистрации религиозных объединений, появился специальный государственный орган, занимающийся вопросами религии (на данный момент — Комитет по делам

²¹ См.: Статья 10, пункт 2 Закона Республики Казахстан от 11 октября 2011 года «О религиозной деятельности и религиозных объединениях».

²² В советское время правовое положение религиозных объединений регулировалось актами меньшей юридической силы, чем законы.

религий Министерства по делам религий и гражданского общества). Появился институт религиоведческой экспертизы и обязательной регистрации миссионеров. Закон о религиозной деятельности и религиозных объединениях, принятый в 2011 году, установил жесткие регистрационные требования для религиозных объединений, добавил ограничительные положения в вопросах места религиозной деятельности, распространения религиозной литературы.

Разумеется, сравнение современного общеправового статуса постсоветских и советских казахстанских религиозных объединений будет не в пользу последних. Новые правовые возможности, которыми сегодня обладают религиозные объединения, выглядят вполне обыденно, но еще 30 лет назад, к примеру, все имущество, которым пользовались религиозные объединения, являлось государственным, трудовые договоры с работниками религиозных объединений в тех случаях, когда это допускалось, регистрировались в профсоюзах, какое-либо присутствие в судах было исключено, поскольку эти объединения не обладали процессуальной правоспособностью. Совершенно новый уровень юридического признания предоставил религиозным объединениям многочисленные правовые возможности, которых они были лишены ранее. Однако стиль правового регулирования деятельности религиозных объединений изменился несильно по сравнению с советским периодом. Этот стиль отличается достаточно жестким администрированием и доминированием государственных контрольно-надзорных функций.

Так, новые правовые возможности существуют только для зарегистрированных и получивших статус юридического лица религиозных объединений. Незарегистрированные религиозные объединения — а существование таковых в социальном пространстве отрицать бессмысленно — находятся вне правового поля. Их деятельность не допускается и наказывается в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях 2014 года.

Обязательная государственная регистрация религиозных объединений и криминализация деятельности незарегистрированных структур является одним из самых проблемных правовых институтов. Все аргументы о том, что международно-правовые акты, которые подписал и Казахстан (например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.), не обуславливают совместное исповедание государственным разрешением, оказались слабее аргументов о необходимости государственной регистрации как инструмента контроля за деятельностью религиозных объединений. Причем в постсоветское время были периоды, когда религиозные объединения могли действовать без государственной регистрации (1991—2005) либо в статусе малочисленных религиозных групп, не обладающих правом юридического лица (2005—2012), и каких-либо серьезных проблем с незарегистрированными объединениями в это время не наблюдалось.

Но даже при желании зарегистрироваться (такое желание обнаруживают далеко не все религиозные объединения) сделать это непросто. Несмотря то что формально регистрация признана подтвердить новый обособленный имущественный статус сообщества верующих граждан, на практике, в процессе регистрации оценивается полезность религиозных объединений, проверяется их лояльность к существующему общественному строю или правопорядку, выясняются их религиозные установки. То есть вопросы законности соседствуют с вопросами целесообразности. Из всех некоммерческих организаций самые жесткие регистрационные требования, после политических партий, предъявляются к религиозным объединениям. Например, если для создания различных видов других некоммерческих организаций необходимо от 1 до 10 учредителей, то в случае с религиозными объединениями необходимо наличие 50 граждан Казахстана, причем, как полагают представители государственных органов, проживающих в пределах одной административно-территориальной единицы, в которой будет действовать объединение²³.

²³ Закон не содержит такого требования.

Даже в случае успешной регистрации религиозные объединения в большей степени, чем другие юридические лица, сталкиваются с правовыми ограничениями.

- Во-первых, их деятельность сводится преимущественно к совершению богослужений, религиозных обрядов и церемоний, что вполне оправданно, учитывая основные цели религиозных структур. Но религиозные объединения, как правило, заинтересованы и в других видах деятельности: образовательной, культурно-просветительской, медицинской, в оказании социальной поддержки, однако, правовые возможности для такой деятельности ограничены. К примеру, многие организации социально-культурной сферы являются государственными. Само по себе появление в них представителей религиозных объединений не будет нарушением закона. Но таким нарушением будет признаваться совершение религиозного обряда, проведение богослужения, собрания, чем наверняка будет сопровождаться социально-полезная активность представителей религиозных структур.
- Во-вторых, религиозные объединения в своей деятельности привязаны к месту регистрации. Подавляющее большинство религиозных объединений имеет статус местных религиозных объединений, и их деятельность не может выходить за пределы соответствующей области, города республиканского значения и столицы.
- В-третьих, деятельность религиозных объединений должна быть сосредоточена либо в зданиях, специально предназначенных для религиозной деятельности (культовых зданиях), либо в помещениях, использование которых согласовано с государственными органами (исключения составляют кладбища, крематории, жилища, объекты общественного питания).
- В-четвертых, религиозные объединения ограничены в формировании общенациональных объединений. Положения действующего «Закона о религиозной деятельности и религиозных объединениях» в отношении возможности создания общенациональных (республиканских) структур учитывают главным образом интересы Духовного управления мусульман Казахстана. Существует один центр (ДУМК), который имеет филиалы (мусульманские общины) во всех областях Казахстана. Филиалы не имеют статуса юридического лица и, соответственно, все имущество является собственностью ДУМК, которое также решает все остальные вопросы деятельности мечетей на местах, в том числе в части назначения и смещения религиозного персонала. Такая жесткая централизованная система управления не воспринимается многими другими религиозными объединениями, но закон не предоставляет им возможность самоорганизовываться иным порядком²⁴.
- В-пятых, если в отношении использования религиозными объединениями имущества, не задействованного собственно в религиозной деятельности, эти объединения не отличаются от других юридических лиц, то использование религиозной литературы, информационных материалов религиозного содержания и предметов религиозного назначения обставлено определенными условиями. В частности, ввоз, изготовление, выпуск и распространение такой литературы и материалов допускаются после получения положительного заключения религиозоведческой экспертизы. Распространение религиозной литературы, иных информационных материалов религиозного содержания, предметов религиозного назначения допускается только в культовых

²⁴ Сегодня статусом республиканского религиозного объединения обладают всего две структуры: Духовное управление мусульман Казахстана и Митрополичий округ Русской Православной Церкви в Республике Казахстан.

зданиях, духовных организациях образования, а также в стационарных помещениях, определенных государственными органами.

Таким образом, если в правовом регулировании деятельности религиозных объединений, не связанной с религиозными вопросами, достигнут большой прогресс, то в вопросах правового регулирования собственно религиозной деятельности характер государственного воздействия не сильно изменился по сравнению с советским периодом. Государство прибегает к испытанным административно-правовым инструментам: регистрации, согласованию деятельности, контролю, привлечению к ответственности. Только, в отличие от советского периода, положения об административном воздействии содержатся в законах, а не в подзаконных актах. Специфика религиозных объединений (наличие собственных правил, систем управления) не учитывается при издании законов и в правоприменительной практике. Кроме того, вопросы правового регулирования в религиозной сфере очень часто рассматриваются через призму противодействия экстремизму и терроризму, что создает дополнительное напряжение в государственно-конфессиональных отношениях.

Особенности казахстанской модели и политический контекст

Анализ правового регулирования позволяет выделить следующие особенности современной модели взаимодействия государства и религиозных объединений в Казахстане.

- Во-первых, несмотря на то что произошла некоторая либерализация общего правового режима в плане соответствия его нормам развитых либеральных демократий и международных конвенций, стиль регулирования является советским по духу с высокой степенью государственного вмешательства в религиозную сферу. Религия воспринимается как источник рисков и вызовов для государства и общества.
- Во-вторых, государство и на нормативном, и на правоприменительном уровнях не допускает религиозные объединения в политическую и в публичную сферу. Следует признать, что подавляющее большинство религиозных объединений не обнаруживает политических амбиций и этот вопрос возникает в связи с деятельностью неподконтрольных государству исламских радикальных групп. Государство старается ограничить не только политическую, но и иную публичную активность религиозных объединений в сферах, далеких от политики (образование, здравоохранение, социальная защита и т.д.), боясь прямого или косвенного развития религиозных институтов.
- В-третьих, государство не создает равноправных условий для деятельности религиозных объединений. Представители так называемых «мировых» и «традиционных» религий пользуются различными привилегиями, а их централизованная структура комфортно вписывается в централизованную структуру государства.

При этом привилегии традиционных религиозных объединений не являются нормативно прописанными, а складываются в практике взаимоотношений с государственными органами. Последние создают диалоговые площадки с представителями ДУМК и Русской Православной Церкви (РПЦ), заключают с ними меморандумы о сотрудничестве, привлекают их к обсуждению общественно значимых проблем. К примеру, 15 февраля 2017 года между Министерством по делам религий и гражданского общества и ДУМК заключено соглашение о сотрудничестве, в рамках которо-

го государственный орган и религиозное объединение будут совместно проводить «мероприятия, направленные на профилактику распространения религиозного экстремизма, осуществление дополнительных шагов для духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения»²⁵.

Государственный патронаж в отношении ДУМК и РПЦ позволяет последним заниматься общественно полезной деятельностью даже при сомнении в ее правомерности. Остальные религиозные объединения в случае занятия такой деятельностью рискуют быть наказанным и поэтому не стремятся проявлять активность в социальной сфере.

- В-четвертых, наряду с привилегированными структурами существует группа «отверженных» объединений. Государство выталкивает в нелегитимное поле не только радикальные экстремистские религиозные группы, но и объединения, которые не вписываются в жесткие рамки, определенные законодательством, или в представления государства о полезных объединениях.

Таким образом, несмотря на принцип отделения государства от религии, закрепленный в законодательстве, очевидно, что государство активно участвует в формировании религиозной жизни в Казахстане. Оно инкорпорирует в систему управления привилегированные «традиционные» религиозные объединения. Такое сотрудничество является взаимовыгодным: ДУМК и РПЦ пользуются статусом и относительной свободой от прессинга, а государство получает определенную долю «сакральности» через поддержку религиозных представителей, обеспечивая себя элементом «традиционной» легитимности наряду с рационально-правовой и харизматической, по типологии Макса Вебера²⁶. Оно также обретает инструменты формирования общества для поддержания казахстанской модели светскости. То есть государство, с одной стороны, защищает публичное и политическое пространство от религиозного влияния, а с другой — само активно использует религиозные объединения для собственной легитимации и поддержания политической системы.

Государство полагается на сотрудничество с представителями «традиционных» религий и для проведения внешней политики и создания положительного имиджа страны межконфессионального согласия. Как уже упоминалось в начале статьи, каждые три года в Астане под патронажем президента Назарбаева проводятся Съезды лидеров мировых и традиционных религий. Казахстанская модель толерантности (включая религиозную) была предложена в качестве образцовой во время председательства Казахстана в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 2010 году²⁷.

Жесткий контроль в отношении непривилегированных религиозных объединений является частью общего контроля над обществом и его способностью к самоорганизации и мобилизации. Сложно представить, какова была бы динамика развития общества при полной либерализации религиозной сферы, однако можно предположить, что частичная либерализация законодательства, которая позволила бы религиозным объединениям свободно заниматься социально полезной деятельностью, помогла бы государству в решении немалого числа проблем и способствовала бы большей гуманизации общества силами самого общества.

²⁵ Между Министерством по делам религий и гражданского общества и ДУМК подписано соглашение [<https://www.zakon.kz/4844330-mezhdu-ministerstvom-po-delam-religij.html>], 10 мая 2017.

²⁶ См.: *Weber M. Politics as Vocation*. В кн.: *From Max Weber: Essays in Sociology* / Ed. by H.H. Gerth and C. Wright Mill. New York: Oxford University Press, 1946. P. 77—128.

²⁷ См.: Казахстанская модель толерантности может быть адаптирована на всем пространстве ОБСЕ — Назарбаев // *Kazakhstan Today*, 29 июня 2010 [https://www.kt.kz/rus/politics/kazahstanskaja_modelj_tolerantnosti_mozhet_bitj_adaptirovana_na_vsem_prostranstve_obse_nazarbaev_1153520413.html], 14 июля 2017.

Выводы

За 25 лет независимости в Казахстане роль и место религии и религиозных объединений граждан существенно изменились. Поиск идентичности и религиозное возрождение привело к самоидентификации граждан в качестве верующих, а новое постсоветское законодательство в этой сфере — к росту числа религиозных объединений и изменению доли исламских объединений. Хотя социологические замеры не выявляют значительного увеличения людей со стабильными религиозными установками в сознании и с поведением, основанным на религиозных нормах, религиозные объединения занимают достаточно большую нишу в структуре казахстанского общества и представляют важную форму самоорганизации граждан.

Как показывает опыт других стран, религиозные объединения могут активно заниматься благотворительной деятельностью и играть значительную роль в решении общественных проблем. Можно предположить, что таким потенциалом обладают и казахстанские религиозные объединения. Однако им очень сложно его реализовать из-за ограничений, накладываемых законодательством.

Анализ правового регулирования показывает, что существующая модель взаимоотношений между государством и религиозными объединениями сложилась в два этапа. Либерализация законодательства в 1990-х годах предоставила религиозным объединениям многочисленные правовые возможности прежде всего имущественного и договорного плана, которых они были лишены ранее. Однако во время второго этапа, который начался в 2005 году, государство решило вернуть себе контрольно-надзорные функции и начало жестко администрировать религиозную сферу.

Сложившуюся модель отличает ряд особенностей.

- Во-первых, стиль регулирования является советским по духу с высокой степенью государственного вмешательства в религиозную сферу. При этом религия воспринимается как источник рисков и вызовов для государства и общества.
- Во-вторых, государство и на нормативном, и на правоприменительном уровнях не допускает религиозные объединения в политическую сферу и существенно ограничивает их присутствие в публичной сфере.
- В-третьих, государство не создает равных возможностей для деятельности религиозных объединений.

Представители так называемых «мировых» и «традиционных» религий пользуются различными формальными и неформальными привилегиями. В то же время присутствуют религиозные объединения, которые не вписываются в жесткие рамки, определенные законодательством, или в представления государства о полезных объединениях и вытесняются из легитимного пространства.

Сотрудничество с представителями «традиционных» религий, ДУМК и РЦП, позволяет государству получить определенную долю «сакральности» и «традиционной» легитимности, а также использовать их в качестве инструментов формирования общества для поддержания казахстанской модели светскости. То есть государство, с одной стороны, защищает публичное и политическое пространство от религиозного влияния, а с другой — само активно использует религиозные объединения для собственной легитимации и поддержания политической системы. Такое активное участие государства в религиозной сфере противоречит принципу отделения государства от религии, закрепленному в казахстанском законодательстве.

Жесткий контроль в отношении остальных религиозных объединений является частью общего контроля над обществом и его способностью к самоорганизации и мобилизации. На наш взгляд, частичная либерализация законодательства позволила бы религиозным объедине-

ниям свободно заниматься социально полезной деятельностью, помогла бы государству в решении проблем и способствовала бы большей гуманизации общества силами самого общества.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ

Светлана ГАЛИУЛЛИНА

*доктор исторических наук, доцент,
завкафедрой «Зарубежное регионоведение и история»
Уфимского государственного нефтяного технического университета
(Уфа, Российская Федерация)*

Артур СУЛЕЙМАНОВ

*кандидат политических наук,
доцент кафедры «Зарубежное регионоведение и история»
Уфимского государственного нефтяного технического университета
(Уфа, Российская Федерация)*

Гульсина НИЯЗОВА

*доктор филологических наук,
профессор кафедры журналистики Института филологии и
журналистики Тюменского государственного университета
(Тюмень, Российская Федерация)*

Юлия БАУЛИНА

*кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Уфимского государственного нефтяного технического университета
(Уфа, Российская Федерация)*

Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-13-02010 «Ислам в Башкортостане: риски политизации».

А Н Н О Т А Ц И Я

Раскрываются глобальные и внутригосударственные основания радикальных течений в исламе, причины их формирования, развития и утверждения в политической повестке дня. Задача исследования воздействий исламского радикализма на политическую повестку дня в России остается актуальной не только потому, что современный методологический инструментарий открывает новые возможности для научного осмысления и анализа этого сложного процесса, но и из-за необходимости прогнозировать риски его распространения на региональном и местном уровнях — а эти риски в контексте глобализации тоже видоизменились.

Хотя ислам уже вскоре после возникновения разделился на традиционный (умеренный) и радикальный, исламский радикализм XXI века — это совершенно новый социально-политический феномен, который из «внутриконфессиональной проблемы» трансформировался в глобальную. В реальности те поли-

тические конфликты, в основе которых лежат межконфессиональные противоречия, приобретают особую остроту и, как правило, вызывают общественный резонанс. Наибольшая опасность исходит от исламистских радикальных течений, которые даже при всей их разобщенности наносят урон социально-политическим институтам государства. При этом следует различать смежные понятия «исламский радикализм» и «исламский экстремизм». Исламский радикализм характеризует в первую очередь политическую позицию и фундаментлистское мировоззрение. Это идейный посыл, который может и не перерасти в противоправную и преступную деятельность. Исламский экстремизм — это перенесение радикальных взглядов в практическую плоскость, реализация радикальных идей — террор, действия, направленные на разжигание межрелигиозной розни, захват политической власти, изменение общественно-политического строя. Однако явления эти взаимосвязаны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исламский радикализм, политический процесс, национальная безопасность, риск, модернизация, федерализм, демократия, плюрализм, профилактика, политизация.

В в е д е н и е

В данной статье мы рассматриваем исламский радикализм как особую систему идейно-политических положений и концептуально обоснованных социально-политических практик, реализующих «единственный путь» мироустройства на основе ислама, включая монополизацию власти.

Согласно некоторым научно-экспертным оценкам, пороговая популярность радикальных течений среди мусульман мира составляет не более 0,5% от их общего числа¹. Не вызывают серьезных опасений и результаты социологических исследований восприятия других религий

¹ См.: Ramadan T. To Be a European Muslim. Leicester: Islamic Foundation, 1999. P. 243.

мусульманами в России. Так, 60,4% мусульман относятся к православию положительно и только 2,8% — нейтрально-негативно². Однако, если исследовать религиозный контекст с учетом реальной политической практики, ситуация выглядит иначе.

А.А. Цуркан, например, пишет: «На сегодняшний день можно однозначно утверждать, что, хотя в рамках исследования исламисты и объединены под эгидой одного явления — исламского радикализма, на практике в полной мере они не являются сплоченным сообществом. Это, в свою очередь, говорит о том, что феномен радикального ислама — это классификатор некоего надвидового процесса, который имеет свои отличительные подвидовые направления и характеристики»³.

Подчеркивая некоторые особенности исламского радикализма, можно согласиться с мнением И.П. Добаева, что данное идеологическое крыло основывается на непримиримом разделении общества на «мир ислама» и «мир неверных»⁴ и это отражается в специфической риторике апокалипсиса современного мира в ситуации дуализма этих двух конфессий⁵.

Принято полагать, что радикализм как политический феномен возник в странах Западной Европы еще в XVIII веке, сыграл важную роль в закреплении общественно-политических отношений Новейшего времени, но уже к XX веку утратил популярность, став неким политическим атрибутом государств «третьего мира»⁶.

Вместе с тем события последнего времени свидетельствуют об обратном. Радикализм возвращается, даже вопреки всем декларативным документам и программам гуманистического толка, соединяясь с религиозными канонами и догматами. На сегодняшний день (на 14.09.2017 г.) поисковая система Google обнаруживает свыше 240 тыс. результатов по запросу «исламский радикализм».

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили принципы той социально-философской парадигмы, которая ориентирует исследователя на создание концепций метатеоретического содержания. Кроме того, в качестве методологических оснований использовались теоретические разработки в области глобальной и региональной геополитики (Зб. Бжезинский, А.Г. Дугин), концепции цивилизационных конфликтов (С. Хантингтон) и религиозного синкретизма (Н.С. Капустин).

В последнее время все шире осознается необходимость целостного рассмотрения исламского радикализма. В работе реализуется подход к исламскому радикализму как многомерному (идеология и политическая практика), неоднородному в идеологическом отношении социальному явлению, включающему умеренное, экстремистское и смешанное течения⁷.

² См.: *Воронцов С.А.* Исламский радикализм как угроза национальной безопасности современной России // *Философия права*, 2008, № 6. С. 94—100.

³ *Цуркан А.А.* Исламский радикализм: анализ подходов и возможностей взаимодействия России и США: автореферат дис. ... кандидата политических наук [Место защиты: Ин-т Соединенных штатов Америки и Канады РАН]. Москва, 2012. 42 с.

⁴ *Добаев И.П.* Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д., 2003. С. 373—377.

⁵ См.: *Ермакова Е., Джилкишиева М., Файзуллина Г., Карабулатова И., Шагбанова Х.* Постмодернистский дискурс современного терроризма в контексте риторики апокалипсиса массмедийной продукции и художественной литературы // *Центральная Азия и Кавказ*, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 71—79.

⁶ *Волков В.* О природе исламского радикализма // *Отечественные записки*, 2003, № 5 (13). С. 46—51.

⁷ См.: *Карабулатова И., Ахметова Б., Шагбанова Х., Лоскутова Е., Сайфулина Ф., Замалиева Л., Дюков И., Выхристюк М.* Особенности формирования позитивной идентичности в контексте этносоциокультурной безопасности и борьбы с «Исламским государством» // *Центральная Азия и Кавказ*, 2016, Том 19, Выпуск 1. С. 95—104; *Мкртумо-*

Как пишет В. Волков, «едва ли не важнейшей мифологемой наших дней, определяющей не только обывательские страхи, но и глобальные политические процессы, стал постулат о сущностной радикальности ислама, его непримиримости по отношению ко всему неисламскому миру. Конечно же, можно ссылаться на дурное влияние массмедиа, охотно эксплуатирующих темы насилия, радикализма, экстремизма. Однако многочисленные факты проявления религиозной нетерпимости, факты оправдания актов терроризма лозунгами джихада и многое другое требуют анализа природы современного радикализма, его причин и характера связи с религией вообще и с исламом в частности»⁸.

Результаты

Стоит обратить внимание, что впервые термин «исламский радикализм» в его современной интерпретации стал встречаться после крушения Османской империи. Формирование радикального крыла ислама было обусловлено изменением положения и статуса мусульманских государств в системе мировых координат. К первым радикальным исламским организациям можно отнести ассоциацию «Братья-мусульмане», которая возникла в Египте (1928 г.). При этом ценности западного мира характеризовались членами организации как ложные и мнимые⁹.

Рассматривая Россию в контексте влияния исламского радикализма на политический процесс, следует учитывать один немаловажный фактор, который предопределил дальнейшую тенденцию исламского развития в стране.

После распада Советского Союза и официального закрепления свободы вероисповедания на территории Российской Федерации наблюдается значительный рост религиозности. Активизация религиозной жизни приводит к сужению «секулярного поля», что отражается не только в возрастании удельного социального веса конфессиональных объединений, но и в усилении их роли в современных политических процессах.

Рост религиозности в постсоветский период, на наш взгляд, связан с конкретными причинами.

- Во-первых, подтвердились представления о социально-психологических и гносеологических корнях религиозности. Новые вызовы (экономический дефолт, финансовые катаклизмы, идеологический вакуум, безработица 1990-х годов) спровоцировали у людей ощущения незащищенности и страха¹⁰.
- Во-вторых, политический курс на либерализацию, способствовавший укреплению многонациональной и поликонфессиональной среды, развитие демократии и институтов гражданского общества, информационный плюрализм стали магистралью в вопросах религиозности.

ва И., Досанова А., Карабулатова И., Нифонтов В. Коммуникационные технологии противодействия политико-религиозному терроризму как этносоциальной девиации в современном информационно-электронном обществе // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 63—71; Сейдина М., Карабулатова И., Поливава З., Зинченко А. Современный публицистический дискурс исламских организаций Центрального федерального округа России и проблемы толерантности // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 121—131; Карабулатова И. Влияние исламского фактора на политические процессы в современном Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 132—139.

⁸ Волков В. Указ. соч.

⁹ См.: Поляков К.И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М.: УРСС, 2001. С. 17.

¹⁰ См.: Сулейманов А.Р. Региональная безопасность и национальная политика России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС, 2015, № 3. С. 158—160.

- В-третьих, нельзя забывать о регулятивной функции ислама и его стремлении регламентировать все стороны личной и общественной жизни. Ислам, в отличие от других религий, не только диктует моральные установки, но и регулирует самый широкий спектр межличностных и социальных отношений.

Дискуссия

Исследователи подчеркивают, что «в отличие от христианства ислам означает для своих последователей нерасторжимое единство веры, религии, государственно-правовых установлений и определенных форм культуры. Поэтому ислам вызывает все больший интерес и стремление выстраивать на его основе не только религиозные и культурные институты, но и политику, экономику и социальные отношения. Этим и объясняется поразительная способность ислама к политизации. Особенно заметным этот процесс стал в постбиполярную эпоху, когда ислам стал позиционироваться как вариант альтернативного пути развития человечества на фоне распада системы социализма и дискредитации западных ценностей»¹¹.

С. Хантингтон указывает, что «огромное количество мусульман обращаются к исламу как к источнику идентичности, смысла, законности, развития, могущества и надежды, которая была выражена лозунгом «Ислам — вот решение». Исламское возрождение по своему размаху и глубине — это последняя фаза в приспособлении исламской цивилизации к Западу, попытка найти «решение» не в западных идеологиях, а в исламе»¹².

Таким образом, исламский фактор в политике не потерял значимости, что в первую очередь способствовало распространению в массовом сознании разного рода идейных конструкций, в том числе радикально-экстремистских.

Речь идет о том, что вывод советских солдат из Афганистана, падение железного занавеса, сыграли не последнюю роль во внедрении радикальных элементов «извне» в общественное сознание россиян. Особенно сильному воздействию подверглись российские республики Северного Кавказа¹³.

Процесс влияния исламского радикализма на политическую реальность в Российской Федерации имеет свои особенности¹⁴.

- Первое. В отличие от мусульман в странах Запада, мусульмане в России — это коренные жители своих регионов, а не сообщество иммигрантов. Это не может не влиять на специфику восприятия и распространения радикальных идей, усиливая позицию традиционных ценностей.
- Второе. Для России понятие исламский радикализм нехарактерен и неорганичен хотя бы в силу первой причины. Это явление относительно новое в российской повестке дня и не подвержено массовым политическим спекуляциям и манипуляциям.
- Третье. Особым маркером восприятия исламского радикализма в России служат примеры первой и второй чеченских войн. Поэтому принято считать, что наиболее заметное влияние исламский радикализм способен оказать в российских регионах на Северном Кавказе.

¹¹ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии: учеб. пособие. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 5.

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 162—163.

¹³ См.: Карабулатова И. Характер современных этнокультурных коммуникаций на Северном Кавказе и проблема радикального ислама // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 4. С. 79—87.

¹⁴ См.: Цуркан А.А. Указ. соч.

З а к л ю ч е н и е

Исследуя особенности влияния исламского радикализма на политическую повестку дня в Российской Федерации, мы выделим два уровня его распространения: вертикальный и горизонтальный.

Вертикальный уровень связан с распространением радикальных идеологий в массах на основе административно-территориальной дифференциации и регионализации страны (периферия — мегаполис). Источник исламского радикализма может возникнуть как в мегаполисе, так и в провинции. В этом сложность его определения.

Горизонтальный уровень характеризуется распространением идей радикального ислама внутри одной общности, пытающейся оказать влияние на иные социальные институты посредством контактов и связей. Данный уровень опасен тем, что между сторонниками радикальных воззрений устанавливаются отношения сетевого типа, которые бывает непросто вычислить и определить.

Прикрываясь принципами гражданского общества, исламские радикалы пытаются взять под контроль социальные учреждения, способные заменить собой плохо функционирующие институты светского государства¹⁵.

С.А. Семедов связывает эффективность деятельности исламистских структур с их целями «ползучей исламизации», направленной на создание сетевых социальных структур, которые со временем превращаются в особые узловые центры политической и идеологической пропаганды¹⁶.

Идеологию исламского радикализма в самом обобщенном виде можно свести к двум тезисам.

1. Исламу грозит «забвение», вызванное не насильственными захватническими действиями, которые привычны в истории, а внедрением в общество материалистических, светских ценностей и моделей поведения из западно-либерального мира. Этим прозападным идеям подвержены в числе прочих наивные и неверные представители мусульманской общности. Основным механизмом внедрения и реализации прозападных ценностей служит государственный аппарат и его политическое влияние на сферы жизнедеятельности (СМИ, образование, здравоохранение и т.д.).
2. Истинные мусульмане должны формировать автономные союзы, находящиеся вне досягаемости государственного управления, и через эти союзы достичь политической власти. Для реализации поставленной цели используется принцип «цель оправдывает средства».

В этой деятельности исламистские радикалы допускают использование насилия вплоть до обращения к террористическим актам и войнам. Изучая современное положение исламского радикализма, М.А. Хермасси приходит к умозаключению, что «концепция умеренного исламизма практически мертва... Насилие, ранее бывшее исключением из правил, теперь используется как метод и как стратегия для достижения власти. Мы прошли путь от исламизма как умеренной политической силы до исламизма как новой формы, прикрывающей суть: попытку террористов захватить власть»¹⁷.

¹⁵ См.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 166.

¹⁶ См.: Семедов С.А. Политический ислам в современном мире: Дисс. ... д-ра филос. наук. / РАГС при Президенте РФ, М., 2009. С. 261.

¹⁷ *Hermassi M.A.* Islam, Democracy, and the Challenge of Political Change. В кн.: *Democracy in the Middle East: Defining the Challenge.* Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 1993. P. 42, 45.

Исламистские радикалы прибегают к свободному толкованию священных текстов, пытаясь подвести их к современным политическим и (или) социальным реалиям.

Немаловажное место в деятельности исламистских радикалов уделяется их обращению к джихаду («священной войне»), что в буквальном переводе означает «усилие», а конкретно — борьбу с личными духовными невзгодами и пороками¹⁸.

Важно понимать, что термин «джихад» имеет множество значений:

- «большой джихад» («джихад сердца»). Означает, что мусульманин борется со своими внутренними пороками, которые вызывают гнев Аллаха. Это самая сложная форма борьбы в жизни человека;
- «джихад языка». Форма мирной словесной борьбы;
- «джихад руки». Защита и оборона человеческой жизни, имущества, духа, морали от посягательства преступников и нарушителей нравственного образа жизни;
- «малый джихад» («джихад меча», «священная борьба»). Воинственная форма джихада, выраженная в борьбе за веру посредством ведения боевых действий.

Исламисты-радикалы зачастую не признают четырех форм джихада, выступая только за его насильственную форму. Не говоря уже о том, что забываются моральные нормы, запрещающие причинять вред старикам, женщинам, детям и больным.

До недавнего времени политизация ислама (исламизм) выглядела вполне объяснимой. На арену политических отношений выдвинулся исламский радикализм («ваххабизм»), тогда как традиционный ислам оставался погруженным во внутриконфессиональные вопросы и был вне политики.

При этом, как считают некоторые ученые, процесс активной политизации традиционного ислама в России пришелся на самое начало XXI века¹⁹.

Суфизм (*народный ислам*) преимущественно популярен на Северном Кавказе (Чечня, Дагестан, Ингушетия). Представляет собой религиозное течение, проповедующее познание истины через очищение души от пороков (*нафс*) и саморазвитие (*рух*) на основе канонов шариата. Суфизм в подобном понимании имеет много общего с другими религиозными конфессиями и с философией жизни.

Таким образом, есть основания полагать, что определенные течения традиционного ислама также подвержены обновлению в контексте социальных отношений и норм. И этот момент можно считать важным для оценки влияния исламского радикализма на политический процесс.

Можно обозначить несколько причин политизации исламского радикализма.

- Во-первых, невозможность разрешить некоторые проблемы традиционными методами. Подобная ситуация возникает в условиях, когда общество сталкивается с новыми феноменами и вызовами и для их разрешения невозможно применять общие управленческие шаблоны.
- Во-вторых, исламский радикализм как социально-политический феномен подкрепляется целым рядом смежных проблем, среди которых исследователи выделяют этнические, миграционные, экономические, культурные и собственно религиозные. Вместе с тем у исламского радикализма имеются и внутренние, эндогенные основания²⁰.

¹⁸ См.: Олейник В.И. Радикальный ислам в современном мире: политический аспект // Вестник Академии экономической безопасности. М., 2015, № 6. С. 41.

¹⁹ См.: Акаев В. Ислам и политика (на примере Чечни). Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М., 2001. С. 139—141.

²⁰ См.: Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 2 (8). С. 112—128.

- В-третьих, применение технологий искусственной политизации позволяет выводить на самый высокий общественно-политический уровень вопросы, изначально не имевшие никаких политических особенностей, но необходимые для реализации конкретных политических интересов.

Сочетание всех этих объективных и субъективных причин приводит к тому, что исламский радикализм из потенциальной опасности становится политическим риском в системе обеспечения национальной безопасности страны.

Если рассматривать риски, связанные с влиянием исламского радикализма на политические процессы в Российской Федерации, то можно назвать следующие: криминализация общества и формирование исламистских бандформирований; терроризм; сепаратизм. Многие из них общеизвестны и не требуют дополнительного пояснения.

В то же время отдельного внимания заслуживают причинно-следственные связи в формировании вышеназванных крайних форм радикализма и связанные с ними риски.

Как отмечает А.М. Пищик, «идея «Москва — третий Рим» направлена на поддержку и защиту православного мира. Идея III Интернационала направлена на распространение в мире коммунистической идеи, построение планетарного коммунизма, на поддержку и защиту всех, кто разделяет эту идею»²¹.

Соответственно, переход к Российской Федерации ознаменовал новое социально-политическое положение ислама как легального и способствовал потенциальной конфликтности между советскими, постсоветскими и современными его течениями.

В частности, деятельность исламистских радикалов, по нашему мнению, направлена на выявление конфликтных сфер в условиях децентрализованной модели федерализма, для разобщения общества и активизации центробежных тенденций в стране (сепаратизм). И то, что реальных очагов сепаратистской активности сегодня в России нет, не означает полного отсутствия политических рисков в сфере федеративных отношений.

Попытка изучить исламский радикализм в России как социально-политический феномен закономерным образом подводит нас к необходимости учитывать все его возможные взаимодействия с национальными и федеративными процессами в стране.

Стоит понимать, что многие из обозначенных рисков в большей степени характерны для российских республик Северного Кавказа, но сам феномен «ползучего исламизма» ими не ограничивается.

Распространению исламского радикализма и его экспорту в Российскую Федерацию необходимо противопоставить все имеющиеся методы и приемы, применение которых должно носить адекватный, разумный, но многовариантный характер. Для этого в первую очередь необходимо обратить внимание на образовательный компонент, повышать образовательную компетентность представителей традиционного ислама и их навыки работы с современными технологиями. Недопустимо технологическое отставание местных имамов и представителей официального духовенства от исламистских радикалов, которые активно используют в своей деятельности социальные сети и иные интернет-ресурсы, вовлекая в нее молодежь²².

Образовательно-просветительская деятельность представителей традиционного ислама с использованием современных технологий — это кратчайший путь для профилактики исламского радикализма. Самым же эффективным способом противодействия ему, на наш взгляд, служит формирование единого, стройно-безупречного (с позиций биографий исламских свя-

²¹ Пищик А.М. Концепция национальной идеи России // *Educatio*, 2015, № 5 (12). С. 69.

²² См.: Карабулатова И., Мкртумова И., Поливава З., Ахметова Б., Галиуллина С., Лоскутова Е., Абылкасымов Е. Протестное поведение современной российской молодежи как этносоциальная девиация в ситуации этнополитической конфликтности // *Центральная Азия и Кавказ*, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 109—118.

щеннослужителей) института российского традиционного ислама, транслируемого в СМИ, имеющего свою историю, традиции, способного сосуществовать и взаимодействовать с другими традиционными конфессиями Российской Федерации.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА СУФИЗМА В ЭКСПРЕССИВНЫЙ ДИСКУРС ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ «НАРОДНОГО ИСЛАМА»

Ирина КАРАБУЛАНОВА

*доктор филологических наук,
академик РАН, профессор-исследователь кафедры
иностраных языков филологического факультета
Российского университета дружбы народов
(Москва, Российская Федерация)*

Майя ПОЛЕХИНА

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
литературы филолого-психологического факультета
Одинцовского филиала МГИМО
(Москва, Российская Федерация)*

Светлана ЛЯУШЕВА

*доктор философских наук, профессор,
начальник управления аспирантуры и диссертационных советов
Адыгейского государственного университета
(Майкоп, Российская Федерация)*

Наталья ДУБИНИНА

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
филологического факультета РУДН, завсектором арабского языка
(Москва, Российская Федерация)*

А Н Н О Т А Ц И Я

На рубеже XX—XXI веков Кавказ в очередной раз стал сферой «жизненных» и стратегических интересов ряда держав Запада и Востока, сделавших ставку на использование сепаратистских и исламских сил. Важно, что установка радикального ислама на принцип «чистого ислама» (отказ от множества наслоений, многовековых усложнений и искажений) сильно облегчает восприятие и распространение идей ваххабитов, что сказывается на коммуникативных практиках в регионе. Противником традиционализма в регионе выступил салафизм в форме неоваххабизма. В Дагестане из-за острых конфликтов между различными фракциями мусульманского духовенства и группами верующих к антагонизму традиционалистов (последователей трех суфийских тарикатов) и фундаменталистов добавились противоречия между отдельными духовными лидерами, каждый из которых представлял определенную этническую группу. Коммуникативный регистр не релевантен конфликтному дискурсу экстремизма и/или терроризма; вместе с тем любая коммуникатив-

ная неудача обладает конструктивным потенциалом, если только участники дискурса, по какому сценарию он бы ни развивался, не уклоняются от того, чтобы определять ситуацию. Радикальное исламское движение на Северном Кавказе организационно оформилось после чеченских войн, послуживших катализатором развития ваххабитского движения в Дагестане. Это определило формирование особого дискурса радикализма на основе трансформации традиционного для данного региона суфийского дискурса, отличавшегося «народный ислам». Именно тогда дискурс неоваххабизма приобрел преимущественно экстремистский характер, особенно остро проявляющийся в электронно-цифровом формате современных коммуникаций. В ситуации системного кризиса идея «Имарата Кавказа» оказалась единственной силой, которая предложила собственную модель объединения Кавказа. Идея «чистого ислама» легко овладела умами мусульман, особенно молодежи, ставшей «пушечным мясом» для лидеров «Имарата» в вялотекущей гражданской войне в Дагестане.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *дискурс суфизма, исламский радикализм, «народный ислам», Северный Кавказ, экстремизм.*

В в е д е н и е

Согласно проведенному в 2004 году социологическому исследованию, 83% исламского духовенства и до 40% верующих в Дагестане придерживались фундаменталистских взглядов. Для изучения процесса радикализации исламского движения в Республике Дагестан (РД) на рубеже XX—XXI веков использована методика, сочетающая анализ статистических данных, характеризующих обстановку в регионе, с проведением собственных эмпирических исследований и выборочным привлечением данных других лингвистов, политологов, социологов и исламоведов. Однако использование последнего источника осложняется несколькими факторами: дилетантизмом ряда исследователей на ранней стадии изучения проблемы, разнообразием в методике и методологии исследований, территориальной несоразмерностью охвата (от «местечковых» — в пределах одного города или даже одного вуза — опросов до исследований,

охватывающих почти всю территорию СК). Отсюда разнотой в количественном и возрастном охвате респондентов, зачастую без учета социального положения анкетированных и различия меду городскими и сельскими жителями; трудности при решении научно-исследовательских задач из-за наплыва силовиков; расхождения количественных данных в официальных отчетах властных структур (администрация, ФСБ, МВД) с результатами научных эмпирических исследований. Применительно к последнему обстоятельству следует согласиться с Б. Бюрчиевым, заметившим, что противоречивость картины, по всей видимости, объясняется ужесточением антитеррористического законодательства, согласно которому круг преступлений, подпадающих под определение «терроризм», значительно расширился. Так что, как ни странно, и недавно ушедший с поста главы Дагестана Р. Абдулатипов, и министр ВД республики А. Магомедов «по-своему правы. Террористических атак действительно стало меньше, но соответствующих преступлений становится все больше и больше. Такой вот парадокс»¹. И нельзя не согласиться с И. Стародубровской, что молодежь в Дагестане не только более религиозна, но и более консервативна, чем в других регионах Кавказа.²

В настоящее время на СК возникла новая ситуация, связанная с явным поворотом от идеологии вооруженного национального сепаратизма к идеологии вооруженного «джихада», вдохновляемого наднациональными (халифатскими) установками, и со сменой руководства так называемого Кавказского эмирата (Имарата Кавказа).

Религиозный фактор, взаимодействуя с политическим процессом, может выступать и выступает катализатором одновременно и стабилизации политического пространства, и его дестабилизации. Религиозные организации становятся крупными политическими акторами, роль которых на политической арене недостаточно изучена. Необходимость выявить механизмы и технологии политизации религии для выработки мер по обеспечению социальной и государственной безопасности также актуализирует тему исследования.

Материалы и методы

Как уже отмечалось выше, для изучения процесса радикализации исламского движения в Республике Дагестан на рубеже XX—XXI столетий использована комплексная методика с привлечением различных источников. С помощью интернет-опроса было собрано 1 675 анкет, заполненных до конца. При разработке анкеты ставилась задача обеспечить возможность дифференцированного анализа результатов по отдельным религиозным группам. Мы обсуждали этот вопрос с нашими знакомыми из религиозной среды, с дагестанскими имамами. В результате в качестве ключевых дифференцирующих вопросов были выбраны три:

- «*Совершаете ли Вы пятикратный намаз?*» — для разделения практикующих и этнических или секуляризированных мусульман;
- «*Принадлежите ли Вы к тарикату?*» — для выделения суфиев среди практикующих мусульман;
- «*Участвуете ли Вы в мавлидах?*» — для разделения практикующих мусульман, не относящих себя к последователям суфизма, на традиционалистов и приверженцев нетрадиционного ислама.

¹ Бюрчиев Б. Двойная бухгалтерия борьбы с терроризмом [http://kavpolit.com/articles/dvojnaja_buhgalterija_borby_s_terrorizmom-19093/], 15 сентября 2017.

² См.: Бюрчиев Б., Стародубровская И. Дагестанских мусульман объединяют модернизационные ценности [http://kavpolit.com/articles/irina_starodubrvskaja_dagestanskij_musulman_obedi-29816/], 12 сентября 2017.

Соцопросы показали, что если в начале 1990-х годов молодежь в меньшей степени, чем представители старших поколений, была подвержена ксенофобии, то с середины 1990-х годов она оказалась более восприимчивой к радикальным настроениям. А к началу 2000-х годов по уровню ксенофобии молодежь превзошла практически все остальные возрастные категории, включая пожилых людей, традиционно отличавшихся ее высоким уровнем. Если в советский период верующим себя считал каждый четвертый из опрошенных молодых людей, то в нашем опросе три из четырех дагестанских юношей и девушек отнесли себя к верующим.

О росте религиозной активности дагестанцев говорит тот факт, что если в 1990 году на хадж отправились 365 мусульман республики, то в 1991 году — уже 1 200 человек, в 1992 году — 6 000, в 1995 году — 9 398, в 1996 году — 12 525, в 1997 году — 12 208, в 1998 году — 13 268. Правда, в 2000 году хадж совершили 5 449 дагестанцев, но в 2001 году — уже около 14 000, а в 2004 году — 16 500. Если в 1986 году в республике функционировало всего 27 мечетей, то в 2014 году в Дагестане действовало уже 2 350 мечетей.

Анализ четырех соцопросов, проведенный З.М. Абдулагатовым показал, что начиная с 1996-го религиозность населения Дагестана сначала медленно уменьшалась — с 85% до 79%, но в 2010 году показатель религиозности молодежи неожиданно подскочил до 94,3%. К экстремизму склонны 11—12% респондентов, тогда как в незаконных вооруженных формированиях молодежь составляет большую часть и, к сожалению, дает самые высокие показатели потерь генофонда. «В 2005 году среди убитых членов НВФ лица от 15 до 30 лет составили 76%, в 2008-м — 71,2%, в 2009-м — 70,1%»³. Среди дагестанских респондентов-мусульман почти 30% готовы выразить протест государству, «если его законы противоречат их вере». Уровень самовыражаемого респондентами «фундаментализма» (условное название той части молодежи, которая считает, что исламская религия должна быть такой, какой она была при Пророке Мухаммаде) в молодежной среде в период с 2000 года по 2010 год заметно вырос — с 53,9% до 77,6%. В 2010 году в ответах студентов светских вузов и исламских учебных заведений показатели «фундаментализма» поднялись с 63,1% до 89,1%. Согласно результатам другого соцопроса, негативно относятся к атеизму 60,78% студентов, предпочли бы жить в теократическом государстве 50,98% опрошенных. Таким образом, вырисовывается латентная угроза возрождения кавказского варианта исламского Халифата.

В Хасавюртовском районе А.В. Роговая выявила в 2012—2013 годах «устойчивое наивысшее значение двух основных факторов распространения идеологии терроризма:

- 1) недовольство властью, доходящее до ненависти к ее отдельным органам и представителям;
- 2) этноконфессиональная и религиозная напряженность»⁴.

Из результатов исследований четко вырисовываются два основных круга: люди, приверженные идеям экстремизма и терроризма и не скрывающие принадлежность к националистическим и религиозным организациям, допускающим использование силовых методов — таких оказалось 4,5% от общего числа опрошенных, и люди, прямо указывающие на категорическое неприятие идей терроризма — 29,7%. Выделяются и ближние «периферийные» зоны этих противостоящих друг другу кругов: склонные к экстремистско-террористической или, наоборот, антитеррористической идеологии («поддерживаю и готов стать членом такой (экстремистской) организации» — 5,7%, «не поддерживаю такие (экстремистские) организации, по-

³ Гримасов И. Политологи проследили зависимость между религиозностью и экстремистским поведением среди дагестанской молодежи, 29 октября 2016 [<http://lawinrussia.ru/content/politologi-prosledili-zavisimost-mezhdu-religioznostyu-i-ekstremistskim-povedeniem-sredi>], 4 ноября 2017.

⁴ Роговая А.В. Противостояние идеологии экстремизма и терроризма на российском Кавказе (по материалам социологических исследований) // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2016, № 3 (38). С. 45—54.

тому что они создают конфликты» — 37,9%). В зонах противостояния идеологий важно видеть и «промежуточные» круги ситуационно «подверженных» или «затрудняющихся» определить свою позицию — соответственно 8,3% и 13,9%.

Особо следует отметить приграничные зоны СК, которые могут служить вратами для проникновения экспрессивно окрашенных экстремистских дискурсов исламского радикализма⁵.

Главный тезис культурного релятивизма — «все культуры разные, но они равны» — постулирует равноценность всех культур, ценностей и традиций для развития человечества. Искажение принципов культурного релятивизма является основной причиной появления отрицательных стереотипов и установок, негативных предубеждений и предрассудков по отношению к представителям другой этнокультуры. Но нужно отдавать себе отчет в том, что сам по себе конфликтный дискурс — и межконфессиональный, и внутриконфессиональный, межэтнический — это неизбежная данность эволюционного развития этнических групп. Сам по себе он не позитивен и не негативен, он просто есть.

Результаты

Из опрошенных 22% были секулярными, суфиями — 27%, традиционалистами — 28%, представителями нетрадиционного ислама — 23%. Группа нетрадиционных мусульман по многим критериям очень архаична. Но когда мы начинаем рассматривать внутреннюю структуру ценностей этой группы, мы обнаруживаем, что она абсолютно расколота.

Важность светского образования, самого по себе или наряду с религиозным, отметили около 90% опрошенных.

В июле 2014 года начальник ГУ МВД России по СКФО генерал Сергей Ченчик, характеризуя обстановку за последние 10 лет, привел следующие статистические данные: «На территории республики работает 250 негосударственных исламских религиозных образовательных учреждений. 14 из них имеют статус высшего образовательного учреждения, 105 медресе и 130 примечетских школ-мактабов. При этом в Минюсте республики зарегистрировано всего 59 учреждений образования, а лицензии имеют только 14 медресе и один вуз. В них обучается порядка 2 тысяч 700 человек». После чего генерал задался вопросом: «Как такое может быть на территории правового государства?»⁶

Разные исследователи выделяют несколько этапов радикализации ислама в Дагестане, хронологические рамки которых по мере насыщения событийной истории претерпевают изменения.

Мы предлагаем дополненную и скорректированную периодизацию радикализации ислама в Дагестане. I этап: конец 1980-х — 1991 год — внедрение общих исламских идей в массовое сознание дагестанцев, переход ваххабитов от полуполигальной деятельности к легальной, дискредитация зарегистрированных служителей мусульманского культа. II этап: 1991—1997 годы — разрастание конфликта между ваххабитами и суфиями, рост числа сторонников ваххабизма, помощь зарубежных фундаменталистских центров, массовое издание и распространение ваххабитской литературы, формирование трех направлений: радикальное крыло ваххабитов, умеренно-радикальное и умеренное. III этап: конец 1997 — середина 1999 года — призыв

⁵ См.: Шадже А., Карабулатова И., Хунагов Р., Жаде З. Этнополитическая доминанта в регулировании государственной безопасности в приграничном пространстве стран Кавказско-Каспийского региона // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 3. С. 73—82;

⁶ В СКФО в 2014 году погибли 36 сотрудников правоохранительных органов, сообщили в МВД [<http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/252039/>], 15 сентября 2017.

к джихаду против «врагов ислама» с целью трансформации дагестанского общества в соответствии «с шариатскими законами и установление власти Аллаха на земле»⁷, провозглашение в селах «Кадарской зоны» независимой исламской территории, переход совместно с чеченскими сепаратистами и ваххабитами к вооруженному противостоянию с государственными структурами в Дагестане, нападения на милицейские блокпосты и пограничные наряды по всему периметру дагестано-чеченской границы. IV этап: 1999 год — вероломное нападение ваххабитов в составе международных террористических бандформирований во главе с полевыми командирами Ш. Басаевым и А. Хаттабом в августе — сентябре 1999 года на Цумадинский, Ботлихский и Новолакский районы Дагестана. Разгром НВФ и ликвидация ваххабитского анклава в «Кадарской зоне», принятие 19 сентября закона «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории РД». V этап: 2000—2006 годы — уход ваххабитов в подполье и начало терактов против представителей государственных и муниципальных органов власти и управления, правоохранительных органов, простых граждан («слепой» террор). Характеризуя этот период, У.Т. Сайгитов пишет, что на территории РД «в различной степени имеет место религиозный, политический, прочеченский, уголовный, экономический и, наконец, государственный терроризм. На смену националистическому терроризму в Дагестан пришел терроризм как выражение религиозного экстремизма»⁸. VI этап: 2007—2012 годы — сетевое построение на Северном Кавказе и в Дагестане диверсионно-террористического подполья («Имарат Кавказ», 2007 г.), являющегося частью структур международного терроризма; распространяется наиболее опасный вид терроризма — терроризм смертников, в основном против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства; террористические группировки в финансовом плане становятся более автономными и самодостаточными, главным источником финансирования становится вымогательство, получившее теоретическое обоснование в качестве «налога на джихад»; динамика терактов характеризуется попеременным снижением и ростом. VII этап: с 2013 года по настоящее время — неоваххабиты активно вербуют дагестанскую молодежь на Ближний Восток, «Исламское государство» призывает (2013 г.) мусульманскую молодежь совершать «хиджру» в условиях, когда ряд факторов указывает на закат «Имарата»; латентная угроза возрождения кавказского варианта исламского Халифата; ужесточение антитеррористического законодательства РФ, продолжение вялотекущей гражданской войны в Дагестане.

Дискуссия

Нельзя не согласиться с Хофстедом, что степень социальной дистанции в той или иной культуре во многом определяет успех в межкультурной коммуникации. Так, он обоснованно утверждает, что в социальных организациях культур с высокой дистанцией преобладает жесткий стиль управления; подчиненные испытывают страх перед руководством, равно как и страх потери доверия сослуживцев, что резко отличается от ситуации в культурах с низкой дистанцией власти. «Путь к успеху» для культур с низкой дистанцией власти включает в ядерное пространство системы ценностей знания, любовь и счастье. В то же время для членов культур

⁷ Ханбабаев К.М. Ваххабизм в Дагестане // Северо-Кавказское обозрение, 29 марта 2013 [<http://userdocs.ru/geografiya/12152/index.html?page=4>], 4 ноября 2017.

⁸ Сайгитов У.Т. Понятие терроризма как формы насильственной организованной преступности // Военно-уголовное право, 2004, № 5 [<http://voenprav.ru/doc-2729-1.htm>], 15 сентября 2017.

с высокой дистанцией власти детерминирующими являются сановитость/родовитость, наследство и богатство, скупость, хитрость и деловая нечистоплотность⁹.

Сознание человека является неким дополнительным «внешним миром» коммуникации, в котором его динамические элементы, то есть переживания связываются между собой смыслами. Это обстоятельство широко используется в конструировании апокалиптического дискурса современного исламского терроризма¹⁰. Современные массмедиа, по справедливому замечанию Н. Лумана, выступают как одна из базовых когнитивных систем социума¹¹, с чьей помощью строится иллюзия новой самодостаточной реальности. В связи с этим мониторинг СМИ конфессиональной, этнической направленности позволяет представить эволюцию и трансформацию этнических стереотипов о других народах, распространенных в российском обществе. Это становится особенно актуальным в ситуации новой холодной войны и информационных провокаций.

Глава ФСБ заявил об «активизации расширения зоны влияния международного терроризма». Главная опасность здесь — организация «Исламское государство», которая создает свои ячейки в разных регионах мира и открыто угрожает дестабилизировать обстановку на пространстве СНГ и в Центральной Азии¹².

Скрытые негативные установки, содержащиеся в СМИ-дискурсе, вызывают межэтническое и межконфессиональное напряжение, проявляющееся как на уровне бытовых конфликтов, так и в более широких масштабах. Взаимодействие общающихся сторон в диалоге конфликтной окраски возможно в том случае, если:

- а) партнеры по диалогу могут влиять друг на друга;
- б) это влияние упорядочено в единый процесс, правила которого можно регулировать.

З а к л ю ч е н и е

Скрининг современного информационного пространства РФ дает возможность не только проанализировать ситуацию, но и выработать реальную программу, позволяющую предотвращать нагнетание негативных настроений в языковом сознании современных носителей языка. В современной культурно-исторической ситуации, в условиях системного кризиса «цивилизованного мира» информационно-психологические воздействия на психику человека лавинообразно нарастают, что, несомненно, представляет собой постоянный источник психического стресса и рассогласованности с реальной этнолингвокультурной средой¹³.

В итоге Ближний Восток и значительная часть Африки стали очагом не только региональной, но и глобальной дестабилизации, а попытки свержения радикальными исламистами

⁹ См.: Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Second edition. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001. Chapter 3.

¹⁰ См.: Ермакова Е., Джилкишиева М., Файзуллина Г., Карабулатова И., Шагбанова Х. Постмодернистский дискурс современного терроризма в контексте риторики апокалипсиса массмедийной продукции и художественной литературы // Центральная Азия и Кавказ, 2016, Том 19, Выпуск 2. С. 71—79.

¹¹ См.: Луман Н. Невероятность коммуникации / Пер. с нем. А.М. Ложеницина / Под ред. Н.А. Головина. В кн.: Проблемы теоретической социологии. Выпуск 3 / Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Издательство СПбГУ, 2000 [http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972].

¹² См.: ФСБ узнала о желании «Исламского государства» дестабилизировать ситуацию в СНГ [http://govorit-moskva.ru/news/42717/], 15 сентября 2017.

¹³ См.: Karabulatova I., Vildanov Kh., Zinchenko A., Vasilishina E., Vassilenko A. Problems of Identificative Matrices Transformation of Modern Multicultural Persons in the Variative Discourse of Electronic Informative Society Identity // Per-tanika Journal of Social Science & Humanities, July 2017, No. 25 (S). P. 1—16.

политических режимов во многих странах с конечной целью создания «Всемирного халифата» в перспективе угрожают всем без исключения государствам.¹⁴

Внешнее вмешательство нередко идет только на пользу радикальным исламистам и террористам, а иллюзия управления ими со стороны тех или иных государств и их спецслужб оборачивается хаосом в мировой политике. Вариативные способы воздействия, получившие распространение в условиях современного электронно-информационного общества, ставят своей целью суггестивное воздействие и внедрение чуждого опыта, чужих вторичных переживаний как некоей уникальной аутентичности, индивидуально переживаемой реальности.

Несколько иная ситуация складывается на постсоветском пространстве.¹⁵ Во многих постсоветских странах, включая Россию, глобальный кризис способствовал повышению роли государства в экономической, социальной и культурной жизни, а также усилению авторитарных тенденций в политике.

Этноконфессиональная, внутриконфессиональная девиация базируется на базовом разделении «свой — чужой» внутри кавказской и/или российской культуры. Российская культура является социоцентрической, что отличает ее от космоцентрической культуры античности и/или эгоцентрической культуры Запада. В основу российского социоцентризма положена стержневая дихотомия «свой — чужой».

Ключевой особенностью кавказского социоцентризма является слияние личности с общим пространством «Мы». Другая значимая специфика социоцентрической культуры — это неизменное наличие в сознании индивида образа врага. Распределение «свой — чужой» может быть обосновано по-разному. Так, для представителей социоцентрической культуры возможно использование всего ассоциативно-смыслового пространства понятия «толерантность» (поддержка, вспомоществование, сотрудничество, терпимость, снисхождение и пр.) только в отношении прочно фиксированного круга «своих». Как следствие, антагонизм чужого становится отличительной чертой, отделяющей своих от чужих. Вместе с тем практика показывает, что на уровне национального самосознания существуют определенные стереотипы, фиксирующие преобладание данного типа культуры.

Сегодня широкий спектр коммуникаций становится виртуально-реальной субстанцией действительности¹⁶. Процесс формирования этнической, конфессиональной идентичности личности обусловлен стереотипными скрепами, внедренными в ее сознание с помощью инструментария электронно-информационного общества, в результате возникает новая реальность, в которой становится востребованным тот или иной тип этнолингвоментальной идентификации личности.

¹⁴ См.: *Gabdrifkov I.M., Karabulatova I.S., Khusnutdinova L.G., Vildanov Kh.S.* Ethnoconfessional Factor in Social Adaptation of Migrant Workers in the Muslim Regions of Russia // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, May 2015, Vol. 6, No. 3, Supplement 4. P. 213—223.

¹⁵ См.: *Карабулатова И.* Влияние исламского фактора на политические процессы в современном Таджикистане // *Центральная Азия и Кавказ*, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 132—139; *Сейдина М., Карабулатова И., Поливарова З., Зинченко А.* Современный публицистический дискурс исламских организаций Центрального федерального округа России и проблемы толерантности // *Центральная Азия и Кавказ*, 2017, Том 20, Выпуск 1. С. 121—131.

¹⁶ См.: *Karabulatova I.S., Barsukov P.V., Akhmetov I.V., Mamatelashvili O.V., Khizbullin F.F.* «Network Wars» as a New Type of Deviation Processes in the Modern Electronic and Information Society in the Context of Social and Economic Security // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, No. 6 (6S3). P. 150—159.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Вахит АКАЕВ

*доктор философских наук,
академик АН ЧР, профессор кафедры философии
Грозненского государственного нефтяного
технического университета (ГГНТУ) им. академика М.Д. Миллионщикова
(Грозный, Российская Федерация)*

Мурад КЕЛИГОВ

*доктор философских наук, профессор кафедры
философии Грозненского государственного нефтяного
технического университета (ГГНТУ) им. академика М.Д. Миллионщикова
(Грозный, Российская Федерация)*

Борят НАНАЕВА

*доктор философских наук, профессор,
завкафедрой философии Грозненского государственного нефтяного
технического университета (ГГНТУ) им. академика М.Д. Миллионщикова
(Грозный, Российская Федерация)*

АННОТАЦИЯ

Современный терроризм — феномен специфический, имеющий сложное содержание и условия формирования, при этом активно влияющий на внутреннюю и внешнюю политику того или иного государства, международные организации. Истоки терроризма своими корнями уходят в древность, но различные его проявления характерны и для современности. Глобальные политические, идеологические процес-

сы, происходящие в мире, сопровождаются международным терроризмом, проявляющимся в различных формах и под определенными этническими, религиозными лозунгами. В этой связи проанализированы такие экстремистские и террористические проявления, как исламизм, исламский терроризм, радикальные, экстремистские проявления, происходящие под прикрытием исламских ценностей.

Данная публикация является результатом реализации гранта — Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации № 359530ю20 Н/БУ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *терроризм, радикализм, экстремизм, исламизм, Россия, Ближний Восток, США, методы противодействия, этнокультурный ресурс.*

Введение

Феномен терроризма, широко распространившийся в современном мире и превратившийся в одну из глобальных проблем, не есть что-то принципиально новое в жизни человечества. Его появление уходит корнями вглубь истории. Создание великих империй и государств, завоевания и войны, формирование и распространение мировых религий не обходились без более или менее широкого применения особого вида злодеяний, получивших с конца XVIII века широкую известность под названием «террор» или «терроризм». Терроризм никогда не исчезал из культурно-цивилизационной жизни, менялись лишь его масштабы, методы и формы проявления. Важная черта терроризма конца XX — начала XXI века то, что террористические акты не только получают самую широкую рекламу в СМИ, но порой совершаются на виду у всего человечества (достаточно вспомнить телевизионную трансляцию террористической атаки на башни Торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г.).

Что же представляет собой терроризм как социально-историческое явление и чем вызвана его активизация? Чем обусловлено широкое распространение и особая опасность религиозно окрашенного терроризма, прикрывающегося, например, исламскими лозунгами?

О содержании феномена терроризм

Понятия «радикализм», «экстремизм» и «терроризм» описывают близкие феномены и содержат общий признак — крайность. Крайность взглядов и крайность действий. Но терроризм не сводится к одному лишь насилию, угрозам жизни и безопасности или даже физическому уничтожению людей или групп. Терроризм — это крайне, предельно радикальное использование зла и насилия. Во все времена он выступает как ультрарадикальное средство устрашения другой стороны, сильной — слабыми или, наоборот, слабой — сильными, чтобы принудить эту сторону к принятию своих требований, условий, законов, верований. Вот как виделась в свое время российскому революционеру С. Нечаеву роль террора в социальной борьбе: «Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения... Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу»¹.

Сегодня термин «терроризм» имеет исключительно политическую окраску, он неизбежно связан с властью, с погоней за властью, приобретением власти и использованием ее для достижения политических изменений². Терроризм представляет собой насилие или, что не

¹ Нечаев С.Г. Катехизис революционера. П. 13; 16. В кн.: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. М.: Археографический центр, 1997.

² См.: Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 7.

менее важно, угрозу насилем, используемую и направленную на достижение или продвижение некоей политической цели³.

При всех видоизменениях в ходе истории ядро терроризма во все времена в любой форме остается неизменным: экстремистски настроенные субъекты — личности, группы и даже государство в целом — путем демонстративного устрашения (психологического, морального, физического), а при необходимости и уничтожения людей стремятся добиться выполнения своих государственно-политических, социальных, этнических, конфессиональных и других общественно значимых требований и условий.

Но это обстоятельство не должно заслонять специфику терроризма последних десятилетий XX — начала XXI века.

В условиях глобализации и массового распространения мобильной связи терроризм избавился от прежних национальных и территориальных рамок и вышел на транснациональный и международный уровень. Терроризм XXI века — это не действия одиночек и не единичные изолированные акты насилия, а многоуровневая и разветвленная система идеологических и практических действий с разными геополитическими, идеологическими, религиозными задачами и мотивациями, действий, осуществляемых ультрарадикальными силами, располагающими значительными финансовыми, информационными, материально-техническими ресурсами и вооруженными формированиями. Не случайно еще в 1994 году ООН приняла Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, а 8 сентября 2006 года — «Глобальную контртеррористическую стратегию ООН».

Терроризм в России: от прошлого к настоящему

В последней трети XIX — начале XX веков террористические акты в России, совершаемые народовольцами и их идейными наследниками эсерами, были направлены против царей и высокопоставленных должностных лиц государства — министров, губернаторов. 1 марта 1881 года убивают русского царя Александра II. 4 февраля 1905 года был убит великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы, дядя царя Николая II. В сентябре 1911 года в Киевском оперном театре был смертельно ранен П.А. Столыпин.

В своем основательном исследовании Анна Гейфман приводит данные о статистике терроризма в начале XX века в России. Начиная с октября 1905 года в Российской империи было убито и ранено 3 611 государственных чиновников. К концу 1907 года число жертв террора увеличилось до 4 500 человек. Общее число жертв в 1905—1907 годах Гейфман оценивает более чем в 9 000 человек. Официальная статистика царской России показывает, что с января 1908 года по середину мая 1910 года произошло 19 957 террористических актов и экспроприаций, в результате которых было убито 732 госчиновника и 3 051 частное лицо, а 1 022 госчиновника и 2 829 частных лиц были ранены⁴. Учитывая, что значительная часть местных терактов не попала в официальную статистику, А. Гейфман предполагает, что общее число убитых и раненых в результате террористических актов в 1901—1911 годах в России достигало 17 000 человек⁵.

На годы революции 1905—1907 годов приходился пик террористической деятельности эсеров. В этот период было осуществлено 233 теракта, были убиты 2 министра, 33 губернато-

³ См.: Там же.

⁴ См.: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894—1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. С. 18—32.

⁵ См.: Там же. С. 32.

ра и 7 генералов; с 1902 года по 1911 год было совершено 216 покушений⁶. По мнению народолюбцев и эсеров, русские цари и чиновники были виновны в страданиях народа, каждый из них был коррумпирован и осуществлял деспотическую власть, а потому их убийство имело символическое значение.

После Октябрьской революции в России 1917 года эсеры осуществляют провокационное убийство германского посла Мирбаха, начинают борьбу за власть с большевиками, вылившуюся в обоюдный террор.

Надо отметить и то, что если «красный террор» и «белый террор» в Гражданскую войну был прежде всего инструментом в борьбе антагонистических классов, то в основе современных терактов лежит принцип коллективной вины: приверженцы крайнего радикализма видят в произвольно взятой личности, группе людей или народе в целом не столько противника в борьбе, сколько носителя подобной вины, подлежащего публичному насилию и уничтожению. Поэтому идеология и политическая практика терроризма не только безжалостна, но и безнравственна. Известный российский философ А.А. Гусейнов справедливо характеризует терроризм как воплощение «абсолютного зла».

Действия современных ультрарадикалов и их языковая агрессия приобрели ярко выраженный публичный характер. Конечно, и в прежние времена террористам было важно, чтобы о совершенном ими насилии и убийстве узнали и другие, особенно — возможные противники. Но только в XXI столетии террористические акты приобрели оттенок театральности, телевизионного шоу, инструмента и объекта паблисити. В этом наглядно проявляется противоречивая роль СМИ. Так, телевидение обличает и критикует проявления крайнего радикализма, и эта его роль крайне важна. Но оно же дает множество примеров неявного любования подобными проявлениями и даже их оправдания. Так, множество телезрителей в разных странах мира, наблюдавших в прямом эфире террористическую атаку на Торговый центр в США 11 сентября 2001 года, «воочию убедились, как, оказывается, легко малыми средствами максимально эффективно уничтожить тысячи мирных людей... А в последние годы некоторые сообщения СМИ могут рассматриваться как своеобразные «учебные пособия» для потенциальных террористов»⁷. Полагаем, что вопрос о том, как представлять в СМИ события, связанные с терактами и действиями террористов, заслуживает специального обсуждения.

Однако представляется сомнительным мнение, что главной целью современного террориста являются «не деньги и не религиозные убеждения, важнее стать героем шоу, звездой экрана»⁸. Согласимся, деньги, пожалуй, не главное, а вот против недооценки роли убеждений в действиях террористов следует возразить. «Мы видим в сегодняшних террористах такую психологию, — отмечает В.Г. Федотова, — которая делает их скорее похожими на глубоко убежденного человека, чуть ли не на Лютера («На том стою и не могу иначе»), чем на фанатичных бандитов, которые решили вооруженными средствами совершить свое преступление»⁹.

Еще одной особенностью современного терроризма является важная роль религиозного фактора. Речь идет не просто о формальном прикрытии терактов религиозными лозунгами и символикой, а о более существенном — о придании террористическим действиям религиозного характера и оправдании античеловеческой сути этих действий духовно-теологическими смыслами и ценностными установками. Отсюда логично следовало оформление религиозного радикализма и его крайней формы — религиозного терроризма.

⁶ См.: Партия социалистов-революционеров [https://ru.wikipedia.org/wiki/Партия_социалистов-революционеров].

⁷ Терроризм. В кн.: Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. С. 329.

⁸ Там же. С. 329—330.

⁹ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 2005, № 6. С. 12.

Ультрарадикальные исламистские проявления терроризма

Стремление радикальных движений и групп активно использовать отдельные превратно истолкованные религиозные положения и идеи в своих антигуманистических и по сути антирелигиозных целях характерно для исламского радикализма, и прежде всего для его ультра радикальной формы — исламского, или исламистского терроризма (выражения «террористический ислам», «террор в исламе» считаем неудачными и некорректными). Сопряжение в современном религиозно-политическом дискурсе религиозного и ультрарадикального нуждается в уточнении. Принципиально важно различать исламский терроризм и ислам как мировую религию, отличающуюся духовным богатством и несущую в себе важные общечеловеческие ценности. В «Глобальной контртеррористической стратегии ООН» подчеркивается, что «терроризм не может и не должен ассоциироваться с какой-либо религией, национальностью, цивилизацией или этнической группой».

Для общего понимания сущности исламского терроризма предлагаем следующую его дефиницию. Исламский терроризм — это идеология и политическая практика крайне радикальных организаций, движений, групп религиозного характера, которые путем захвата заложников, взрывов в местах скопления народа, разрушения объектов жизнеобеспечения, убийства представителей власти, заслуженных и почитаемых лиц, использования смертников, стремятся вызвать страх и ужас у гражданского населения, подавить волю людей к сопротивлению, дезорганизовать жизнь общества и государства с целью навязать одной из борющихся сторон — в данном случае более сильной стороне — определенную линию поведения, добиться от нее желаемых уступок и исполнения своих требований, вызвать смену руководства или вовсе изменить форму государственного устройства.

Как же на Северном Кавказе, издревле известном демократическими нормами, традициями общежития различных народов и культур, высокими примерами духовно-нравственного поведения, стало возможным появление таких античеловеческих и чудовищных по жестокости явлений как экстремизм и терроризм?

Порождению религиозного терроризма, этой чумы XXI века, способствовал в первую очередь тотальный общественно-политический, социально-экономический и духовно-мировоззренческий кризис, обусловленный распадом СССР и последовавшим за ним обострением этнополитических отношений как между отдельными субъектами, так и между субъектами и федеральным центром. После разделения Чечено-Ингушской АССР Чеченская Республика встала перед выбором: остаться в составе РФ или выйти из нее? Восприняв всерьез провокационный лозунг Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», Чечня (Ичкерия) объявила о своем отделении от России и вступила, как ей казалось, на путь самостоятельного развития. Однако суверенитет Чеченской Республики в его дудаевском проявлении был воспринят Россией как сепаратизм, как нарушение целостности Российской Федерации. Восстановление конституционного порядка превратилось в вооруженное противостояние России и сепаратистских сил, которое завершилось ликвидацией режима Дудаева — Масхадова, а также развалом народного хозяйства республики, полным разрушением города Грозного и большими человеческими жертвами.

Примечательно, что и в ходе указанного противостояния, и в последующий период для действующих в России террористических групп и движений, внутренних и внешних, ислам становится и мировоззрением, и действенной идеологией, и мобилизующей силой. Происходила активная исламизация общества и политизация и радикализация ислама. Такая ситуация, как в свое время отмечал один из авторов настоящей статьи, привела к тому, что представите-

ли мусульманских народов «идентифицировали себя с исламом», а в общий процесс исламского возрождения «вмонтировались экстремистские тенденции, усиление которых спровоцировало очередную войну в регионе»¹⁰. К тому же на adeptов северокавказского терроризма огромное влияние оказывали и продолжают оказывать ультрарадикальные идеи зарубежных салафитских авторов, нацеливавшие на осуществление террористических актов и диверсий¹¹.

Если деятельность неовахабитов ориентирована преимущественно на дезинтеграцию исламского мира, то этноконфессиональные организации и движения, представляющие интересы тех международных политических сил, которые поддерживают идею возрождения регионального или всемирного халифата и создание исламских государств, служат важным фактором поддержания и укрепления исламского радикализма в его крайних формах. Несмотря на наличие различных уровней и форм исламского радикализма, «все радикальные исламские группировки объединяет общая цель по созданию на территории своих стран (либо отдельных их частей) «исламских государств», что предполагает радикальные преобразования по исламизации всех социально-экономических и политических институтов государства»¹².

Сильный импульс к радикализации исламского движения в России и в других геополитических регионах мира исходит из процессов глобализации и порождаемого ими агрессивного вторжения западных ценностей в жизненно-духовное пространство народов Ближнего и Среднего Востока, Африки, Юго-Восточной Азии, особенно тех, что придерживаются ислама и не имеют своей государственности. Такие социальные общности стоят перед реальной угрозой потери своей идентичности — этнической, конфессиональной, социальной.

Речь, конечно, идет не об отрицании всех достижений западной культуры, а о таких разрушительных для духовной жизни явлениях, как культ материальных благ, бездуховность, унификация социокультурного быта и бытия, подрыв традиционно-нравственных основ семейного, социального и общественного уклада. И, чтобы сохранить свою самобытность, традиции и обычаи, верования и язык, психологию и мировоззрение, отдельные представители или весь народ вынуждены прибегать к использованию радикальных и экстремальных средств. Следует согласиться с тем, что международный терроризм представляет своего рода бессознательную реакцию на глобализацию, протекающую в интересах «золотого миллиарда», и «нарастающее и бесцеремонное господство Запада над всем миром»¹³.

Следует также указать еще на один источник религиозного ультрарадикализма. Его важность часто недооценивают. Общеизвестно, что религия, в том числе и ислам, превратилась ныне в одну из самых политизированных форм общественного сознания, которой приверженцы терроризма оправдывают самые чудовищные преступления. Такое место религии в радикальных движениях обусловлено одним простым обстоятельством: массовые формы религии — это наиболее доступное для широких масс миропонимание, которое не предполагает ни доказательств, ни размышлений относительно истинности ее основоположений. И распространены такие формы преимущественно в малограмотной духовно и светски среде. Очевидно, что людей из такой среды, особенно молодых, легче увлечь чуждыми для подлинного ислама террористическими идеями и деяниями.

Для лучшего понимания современного исламского терроризма и возможностей эффективного противодействия этому злу важно учитывать и появление новых черт в этом религиозно-политическом движении. Исследователи указывают на следующие моменты:

¹⁰ Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. 2-е издание. Грозный: ГУП Книжное Издательство, 2011. С. 150, 194.

¹¹ См.: Добаев И.П. Политические процессы в исламском движении на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа, 2008, № 1. С. 32.

¹² Добаев И.П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. Автореф. докт. дис. Ростов-на-Дону, 2003. С. 19.

¹³ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола»). С. 7.

- а) состав радикальных исламских движений пополняется в XXI веке преимущественно молодыми людьми. Молодежными стали и сетевые структуры, оформленные в виде «джамаатов» и формирующиеся по этническому признаку. В тесной связи с этой особенностью обнаруживается и другая черта исламских радикальных движений — тенденция к повышению образованности организаторов и исполнителей террористических актов. «Терроризм помолодел, интеллектуально окреп, демонстрирует способность к самоорганизации и самовоспроизводству»¹⁴;
- б) сращивание на основе идеологии радикального ислама религиозной, этнической и криминальной сторон терроризма, поддерживаемого аналогичными международными структурами¹⁵, что существенно осложняет борьбу с этим явлением.

Как свидетельствует мировой опыт, противостоять религиозному радикализму, а тем более, устранить его пока не удастся даже объединенными усилиями различных государств. Некоторые аспекты этой актуальнейшей темы еще не изучены, другие нуждаются в дальнейшем осмыслении. Возникает, в частности, вопрос: «Каков действенный духовно-интеллектуальный ресурс противодействия терроризму?» Следует подчеркнуть, что под противодействием религиозному терроризму понимается не борьба с террористами, а борьба с терроризмом как с религиозно-политическим движением и идеологической доктриной. Ликвидацией террористических организаций и групп вместе с их материально-техническими базами занимаются правоохранительные органы, а в наше время и вооруженные силы (российские ВКС в Сирии). Что же касается борьбы с терроризмом как системой социально-политических, этнических и религиозных представлений и идейных установок, оправдывающих теракты и террористов, то это уже задача теоретиков-интеллектуалов, глубоко владеющих светскими и духовными знаниями и способных вскрывать ложность и антиисламский характер экстремистских взглядов.

Принимая во внимание, что противодействие терроризму должно быть систематически организованным и осуществляться с учетом существования различных уровней и форм проявлений радикализма, важно привлекать к этой работе специалистов и экспертов, которых называют словом «идеолог». А то ведь складывается странная ситуация: есть идеология терроризма, но нет антитеррористической идеологии. К тому же идеологом может быть далеко не всякий образованный человек, не всякий ученый. Идеолог — это тот, кто смог синтезировать в своем мировоззрении знания и ценности политические, исторические, религиозные, научные, этические, философские.

В противодействии исламскому радикализму наиболее перспективным и действенным представляется путь профилактической деятельности. Нужны целенаправленные и систематически организованные шаги по выработке у молодых людей иммунитета к воздействию этой античеловеческой идеологии. Чрезвычайно важно на всех уровнях и во всех формах образования и воспитания утверждать высшую ценность таких основополагающих для каждого человека, в том числе верующего в Бога (Аллаха), положений, как запрет на убийство, соблюдение нравственной чистоты и исполнение нравственного долга перед родителями, семьей, учителями, народом, Родиной, Богом, сохранение совести, веротерпимость и толерантность и др. Если молодой человек оказывается втянутым в террористическую организацию и если ему смогли внушить, что убийство инакомыслящего или иноверца — это достойное и даже богоугодное дело, то уже бывает поздно что-либо изменить.

¹⁴ Лукиенко А.И. Культурно-идеологические аспекты роста напряженности в Северо-Кавказском регионе // Научная мысль Кавказа, 2011, № 4. С. 103.

¹⁵ См.: Добаев И.П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. С. 16.

Этнокультурный ресурс как основа противодействия терроризму

В борьбе с религиозно-политическим радикализмом во всех его формах должны быть задействованы все средства и методы, обладающие антитеррористическим потенциалом. Если говорить о Северном Кавказе, то к таким средствам относится этнокультурный ресурс различных народов, населяющих этот регион. Богатейшее антитеррористическое содержание заключено в этнических культурах народов региона, в частности чеченского народа. Такие духовно-нравственные ценности, как честь, достоинство, мужество, признание личностью каждого человека, вольнолюбие, историческая память и любовь к земле своих предков, заложенные в душу и сознание каждого чеченца с детства, составляют мощный потенциал, и его следует использовать в борьбе с исламским радикализмом. Идеино-гуманистическое и духовно-нравственное богатство заключено и в культуре других народов России.

Вместе с тем было бы неверно ограничивать ресурс противодействия терроризму только этнокультурным потенциалом. В борьбе с проявлениями радикализма и экстремизма должны быть задействованы более широкие культурно-познавательные ресурсы. Необходимо опираться на общечеловеческие ценности, среди которых научные, политико-правовые, нравственные, художественно-эстетические достижения всего человечества.

Человека, в особенности молодого, необразованного, неспособного к самостоятельному критическому мышлению, лишенного глубоких знаний и не имеющего нравственных убеждений, легко склонить к любой аванюре и преступлению. Пользуясь тем, что ислам требует не просто следования букве Священного Писания, а обстоятельного осмысления сущности его положений, сторонники ультрарадикальных взглядов тщательно растолковывают молодым людям такие понятия, как шахид, джихад, такфир, газават и другие, но при этом акцентируют лишь те их стороны, которые косвенно подкрепляют экстремистскую идеологию и политические практики. Выступая на Международной богословской конференции в Республике Ингушетия, Генеральный секретарь Всемирного Совета мусульманских ученых шейх доктор Али-Мухи ад-Дин аль-Карадаги, затронув тему джихада, заметил: «Это прекрасное слово было извращено. Джихад — не война, в исламе война была запрещена. Джихад охватывает идейную сторону ислама, он внутри каждого мусульманина. Джихад означает учиться, трудиться в различных сферах, помогать своим родным. Все аяты в Коране, которые связаны с войной, имеют оборонительную сторону»¹⁶.

Следует заметить, что проблема выбора методов, способов и направлений противодействия терроризму — одна из самых сложных и вместе с тем слабо освещенных в литературе. Не вдаваясь в ее подробное обсуждение, отметим только следующее.

1. Радикализм в его крайних проявлениях делает предотвращение терактов крайне трудным из-за возможности использовать смертников. При этом быстро избавиться от терроризма не удастся, если вообще возможно. А когда теракт совершен, то речь уже идет не о морализировании или плодотворном диалоге с носителями чудовищного зла, а о возмездии за совершенное преступление. Поэтому идейно-теоретическое и идеологическое противодействие терроризму должно носить систематический, долговременный и превентивный характер.
2. Успешная борьба с исламским терроризмом как идеологической доктриной не может ограничиваться констатацией его преступной и антирелигиозной сущности. Следует

¹⁶ *Аль-Карадаги Али-Мухи ад-Дин*. Выступление на международной богословской конференции в Республике Ингушетия // Сердало, 16 мая 2015.

также показывать, что помимо исламского радикализма существуют и другие социально-политические движения и группы, включая религиозные, которые способны адекватно воплощать (хотя и в противоречивой форме) духовные и социальные цели и устремления соответствующих групп. К сожалению, после краха коммунистической идеологии у преобладающей массы российского общества и государства еще не выработалось общее мировоззрение как система знаний, ценностей и убеждений, которой не только надо следовать, но за которую в случае необходимости надо бороться. Значительная часть российского социума, прежде всего молодежь, не имеющая четких духовно-нравственных ориентаций, высших целей и смысла жизни, веры в возможность справедливого общественно-государственного устройства и, как следствие, находящаяся в состоянии психической неустойчивости, социальной и гражданской апатии и неопределенности, — представляет легкую добычу для тех, кто занят пополнением рядов террористов.

3. У Декарта есть весьма эвристичная мысль: «Мы тем меньше подвержены опасности заблуждения, чем яснее что-то воспринимаем»¹⁷. Воистину, чем глубже наши знания о тех или иных явлениях, тем больше вероятность того, что мы сможем принять верное решение. Никакие экстремистские идеи не найдут почвы и сочувствия в душе и сознании молодого человека, с детских лет формировавшегося в духовно-интеллектуальной и социокультурной среде, в которой высшими — божественными и человеческими — ценностями являются сознание нравственного долга и ответственности (перед родителями, семьей, учителями, обществом, государством, Родиной, Богом), приобретение профессии и трудовых навыков, чтобы быть полезным для людей, выработка вкуса к самостоятельному мышлению, не позволяющему «вешать себе на уши лапшу», наличие совести и способность испытывать стыд за свою несостоятельность, за несправедливые деяния. И сегодня актуально звучат слова первого президента Чеченской Республики Ахмад-Хаджи Кадырова: «Нам нужна думающая, образованная, здоровая телом и духом молодежь!»

З а к л ю ч е н и е

Специфические черты современного терроризма связаны с глобальными экономическими, политическими, идеологическими процессами, по-разному протекающими в различных регионах, чьи культурно-цивилизационные ценности часто оказываются несовместимыми с господством западных материалистических, гедонистических ценностей. В странах, где проповедуется ислам, проявляют себя силы, изображающие Запад как естественного врага, продолжающего дело крестоносцев и до сих пор стремящегося захватить землю ислама, святыне для мусульман места: Мекку, Медину, Наджаф и Кербелу и пр.

В общественном дискурсе мусульман циркулируют идеи о предательстве мусульманских правителей, подчиняющихся западно-христианским государствам, захватывающим богатства мусульманского мира, оккупирующим их территории, истязая мусульман, как, например, в Палестине, Афганистане, Чечне, Боснии, на Филиппинах, в Ираке, а также о зловещем концлагере в Гуантанамо¹⁸.

¹⁷ Декарт Р. Сочинение в двух томах. Т. 2. М.: Мысль. 1994. С. 118.

¹⁸ См.: Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI в. Геополитика и кризис постмодерна. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. С. 203.

Сторонники политически ориентированного ислама свои беды выводят из отказа мусульманских стран, обществ от своих религиозных традиций, шариата, на основе которого исторически организовывалась жизнь мусульман, поддерживался их образ жизни, культура. Подвергается мощнейшей критике вестернизация мусульманских нравов и культуры, высказываются идеи изменения ситуации, порою радикальные.

В мусульманских странах создаются движения, организации с целью политической активизации мусульман. Часто в качестве методов борьбы применяются насилие, теракты, представляющие угрозу для мирных граждан, существующей социальной системы. Подобные действия исламистов наносят колоссальный вред законопослушным мусульманам, нацеленным на достойную жизнь, желающим мирно осуществлять созидательную роль не только в своих странах, но и на Западе.

СОВРЕМЕННЫЕ АДЫГИ-ХРИСТИАНЕ

Ирина БАБИЧ

*доктор исторических наук,
главный научный сотрудник отдела Кавказа
Института этнологии и антропологии РАН
(Москва, Российская Федерация)*

АННОТАЦИЯ

Опираясь на полевые этнографические материалы, собранные в республике Адыгея в 2016—2017 годах, автор анализирует новое для современной религиозной жизни юга России и малоизученное пока явление — формирование христианских общин адыгов, его истоки и последствия для адыгского общества.

Соответствующие тенденции появились еще в 1990-х годах, когда юг России был наводнен западными миссионерами. В статье описываются адыг-

ские протестантские и православные общины, рассматриваются отношение адыгов-христиан к своей этнической культуре, взаимоотношения мусульман-адыгов и христиан-адыгов в современной Адыгее, особенности жизни адыгов-христиан. Делается заключение, что появление адыгов-христиан должно рассматриваться в контексте духовного кризиса традиционных идентичностей (мусульманской и этнической) и поиска вариантов новых горских идеологий.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности в развитии российского общества», №15-31-11109, руководитель В.А. Тишков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *идеология, ислам, протестантизм, православие, адыги, адыгская культура, религиозная жизнь, Северный Кавказ, Адыгея, миссионерство.*

Введение

В Республике Адыгея, по данным Федеральной службы государственной статистики на 2017 год, проживает 453 366 чел. Этнический состав населения — примерно 26% адыгейцев и 64% — русских (большинство из них — потомки кубанских казаков). Согласно этнографическим данным, в настоящее время в республике представлены следующие религиозные направления: Русская Православная Церковь (более 50 общин¹, из них 10 в столице республики — Майкопе, старообрядцы (3 общины, из них 1 в Майкопе), Армянская Апостольская Церковь (2 общины, из них 1 в Майкопе), ислам (в республике зарегистрировано 16 религиозных объединений, из них 2 в Майкопе), иудаизм (1 община в Майкопе), протестантские общины: евангельские христиане — баптисты, евангельские христиане, евангельские христиане в духе апостолов, Адыгская епархия евангельских христиан, христиане веры евангельской — пятидесятники, адвентисты седьмого дня и др. (около 80 общин, из них примерно 15 в Майкопе), а также запрещенные в 2017 году Свидетели Иеговы (около 20 общин, из них 2 в Майкопе). Есть в республике и несколько направлений восточных учений.

Монорелигиозными населенными пунктами являются аулы, в которых проживают адыгейцы (адыги). Здесь представлен ислам в двух его основных формах: тесно связанного с народными традициями (Адыгэ Хабзэ) народного ислама, к которому тяготеет большинство населения, и «нового» ислама, меньше связанного с этнической культурой, который практикует молодежь². Адыгейские социологи предоставляют нам следующие данные: 70% адыгов считают себя мусульманами, но только 4% хотя бы в минимальной степени являются практикующими мусульманами³. Важное место в системе ценностей адыгской интеллигенции (художественной, писательской, научной), которая практически не поддержала и до сих пор не поддерживает процессы мусульманского возрождения, занимает этническая культура.

Исходя из вышеописанного контекста, представляется чрезвычайно важным и интересным событие, которое произошло в июне 2017 года: в Майкопе по инициативе протестантской общины харизматов «Слово жизни» состоялось первое собрание *исключительно* адыгов-христиан, на которое были приглашены адыги — члены различных протестантских общин⁴. Адыги-христиане — это и православные адыги, но главным образом протестанты. Для современной религиозной жизни юга России это явление новое и потому малоизученное. В предлагаемой статье, опираясь на собранные полевые этнографические материалы в республике Адыгея в 2016—2017 годах, автор анализирует этот феномен, его истоки и последствия для адыгского общества.

¹ Здесь и далее учитывались зарегистрированные и незарегистрированные общины.

² См.: *Бабич И.Л.* «Мягкая исламская революция» в современной Адыгее // Россия и мусульманский мир, 2014, № 4. С. 31—37; *Она же.* Актуальные проблемы западных адыгов в XXI веке // Центральная Азия и Кавказ, 2014, № 2. С. 135—147.

³ См.: *Ханаху Р.* Исламская община сегодня // Вестник Адыгейского университета, 2012, № 12. С. 34.

⁴ См.: *Бабич И.Л.* Полевые материалы автора. Адыгея, 2017 (далее ПМА — 2017).

Описание адыгских христиан

В начале 1990-х годов, когда в стране началась новая эпоха, сопровождавшаяся отчасти анархией, в Россию (в том числе и в Адыгею) хлынули западные и американские протестантские миссионеры, которые стали активно проповедовать свои учения среди россиян вообще и коренных народов Кавказа в частности. В Адыгее миссионерскую работу проводил Леон Мартенсон. Он, выучив адыгейский язык, перевел Библию. В начале 2000-х годов его деятельность была приостановлена силовыми структурами, но последствия миссионерства были налицо: те адыги, которые оказались вне мусульманского влияния и «Адыгэ Хабзэ», в своих духовных поисках пришли в различные протестантские общины, в том числе в запрещенную общину Свидетелей Иеговы⁵. Кроме протестантских церквей, адыги стали посещать и православную церковь; увлеклись восточными религиями (в Майкопе среди адыгов появились и последователи неоиндуистов, в частности Сатьи Саи Бабы, и кришнаитов)⁶.

В основу пропаганды христианских идей среди адыгов были положены исторические сведения о том, что в прежние времена (в течение V—XV вв.) адыги были христианами, и действительно, многие ценности адыгской культуры близки христианской этике⁷.

Вот мнение об этом периоде истории современных адыгов-христиан: для адыгов христианство — их исконная религия, поскольку сюда приходил один из апостолов Христа — Андрей Первозванный, распространяться же оно стало раньше, чем Россия приняла православие, в III—IV веках н.э. Но христианство не пустило здесь корни, хотя и сохранялось до XV века, а потом уже ислам стал проникать в регион и занимать свою нишу. Другой апостол, Симон Кананит, как известно, жил в Абхазии. Адыги были православными, и у них был даже свой православный архиерей. Но потом христианство пришло в упадок⁸.

По мнению адыгских протестантских неопитов, с одной стороны, ислам, который мусульманское общество в Адыгее называет «религией предков», оказался слишком «элитарной» религией (прежде всего из-за необходимости знать арабский язык, чтобы понимать молитвы), поэтому, действительно, большинство адыгов не являются практикующими мусульманами. С другой стороны, адыгская культура, «Адыгэ Хабзэ», в 1990—2000-х годах во многом ослабела. По сути, от нее остались лишь некоторые традиции, такие, как почитание старших, взаимопомощь, семейные ценности, которые можно поддерживать и возрождать именно через христианство, поскольку там они являются главными этическими нормами. Как отметил один православный адыг, именно православие сможет вылечить «поврежденную природу адыгов и вернуть их к истокам, то есть к адыгской культуре»⁹.

Подчеркнем, что пропаганда протестантизма среди адыгов в 1990-х годах, действительно, была важным фактором «прихода» адыгов в эти общины. Приведем один любопытный пример «обратного действия». В крупном мусульманском ауле Кошехабль существует протестантская община так называемых «вальтеровцев» («Союза единения во Христе»), которые ведут себя в ауле очень тихо, не осуществляя никакой миссионерской деятельности. В резуль-

⁵ См.: *Бабич И.Л.* Протестантское движение в Адыгее // *Христианство на Северном Кавказе: история и современность*. М., 2011. С. 162—185.

⁶ ПМА — 2017.

⁷ См.: *Музалев А.А., Шорова М.А.* Христианство в Адыгее: история и современность // *Вестник Адыгейского государственного университета*, 2006, № 1. С. 54—56; *Остапенко Р.А.* Религиозные верования адыгов по сведениям европейских авторов // *Культурная жизнь юга России*, 2001, № 41. С. 36—38; *Бабич И.Л., Бобровников В.О., Соловьева Л.Т.* Ислам и христианство на Северном Кавказе // *Северный Кавказ в составе Российской империи*. М., 2007. С. 88—111.

⁸ ПМА — 2017.

⁹ Там же.

тате в общине, которая функционирует не одно десятилетие на окраине аула... нет ни одного адыга. Более того, наш опрос показал, что кабардинцы (адыги) — жители этого аула ничего не знают о существовании данной общины¹⁰.

Изначально адыги-протестанты проживали в адыгских аулах, однако в 2000-х годах постепенно они начали переселяться в те населенные пункты, где проживают казаки и русские, приехавшие из других регионов России, и где есть христианские общины. Например, в ст. Ханской (ныне 13 тыс. жителей) в течение 1990—2000-х годов было несколько значительных волн протестантских мигрантов из Беларуси, Украины, республик Средней Азии, а также адыгов — членов христианских общин. По данным школьной статистики, в станичной школе из 1000 учеников примерно 20—25 детей из адыгских (или адыгско-русских) семей¹¹. Иногда они продолжают жить в своих аулах, но ведут изолированный образ жизни, не общаясь практически даже со своими соседями-адыгами. Например, в вышеупомянутом ауле Кошехабль проживает большая семья адыгов, которые посещают баптистскую общину в Курганинске. Члены семьи, в составе которой представители нескольких поколений, ведут замкнутый образ жизни.

Участие адыгов в протестантских движениях сопровождается экономической помощью. Например, если адыгеец начинает посещать мечеть, собратья-мусульмане ему ничем не помогают, если же он становится членом протестантской общины, то сразу же начинает ощущать помощь: то велосипед его ребенку подарит община, то компьютер ему самому, и, главное, помогут найти работу. Реальная поддержка и взаимопомощь — среди важных этических приоритетов современного протестантизма. Это отмечали многие наши информаторы.

Наиболее крупная община адыгов-баптистов действует в г. Адыгейске. В июне 2016 года мы присутствовали на службе в этой общине. Богослужение в честь Св. Троицы проходило в обычном частном доме на окраине города. На службе присутствовало 15 чел. (5 мужчин, остальные — женщины, их них 3 девушки 15—20 лет). Большинство — адыги. Служба проходила на русском языке, но в конце службы все присутствующие вместе произносили молитвы на адыгейском. Лишь два-три человека не делали этого. Службы этой общины посещают адыгейцы из соседних аулов: Габукай, Понежукай, Ассоколай. Всего в деятельности баптистской общины Адыгейска участвуют несколько десятков адыгов¹².

В течение 2000—2010-х годов адыги появляются во всех протестантских общинах. Среди таких адыгов больше горожан, поскольку у жителей аулов, безусловно, сильнее страх перед общественным мнением родственников, соседей и друзей. Например, в последние годы адыги появились среди членов майкопской Церкви «Надежда» Адыгейской епархии евангельских христиан (общая численность прихожан 1000 чел., постоянных — 200 чел., адыгов около 25 чел.), майкопской Церкви Христиан Веры Евангельской «Вифания» (5 женщин), майкопской Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня (одна прихожанка — адыгейка), а также майкопской общины Свидетелей Иеговы¹³. Есть адыги-протестанты и в аулах: например, в Кошехабле проживают члены общин иеговистов, баптистов¹⁴. Даже в обосновавшейся в ст. Ханской общине так называемых «субботствующих» пятидесятников, приехавших из Таджикистана, уже есть адыги-майкопчане¹⁵. Среди членов протестантских церквей есть и родственники руководителей республики Адыгея¹⁶. Некоторые общины пятидесятников, харизматов и т.д. возглавляются адыгами¹⁷. По мнению представителей адыгской интеллигенции — атеистов, примерно

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Бабич И.Л.* Полевые материалы автора, республика Адыгея, 2016 г. (далее ПМА — 2016).

¹² См.: *Бабич И.Л.* Полевые материалы автора, республика Адыгея, 2009 г. (далее ПМА — 2009); ПМА — 2016.

¹³ ПМА — 2016.

¹⁴ ПМА — 2009.

¹⁵ ПМА — 2016.

¹⁶ ПМА — 2009.

¹⁷ ПМА — 2016.

100 адыгов — граждан Адыгеи в 2010-х годах посещали и продолжают посещать протестантские общины в Майкопе¹⁸.

Приведем рассказ адыга-баптиста: «Я родом из аула Джерокай, стал военным, жил некоторое время в Астрахани, где начал посещать православную церковь, там меня крестили, но я почувствовал в православном храме пустоту. Потом я стал жить в Адыгейске, где мой старший брат уже начал ходить в баптистскую церковь. Потом и я начал. Это было в 2007 году»¹⁹.

Адыг-пятидесятник так описывал свой приход в общину пятидесятников: «Я жил в Яблоновском, в начале 1990-х годов, когда мне было 15—17 лет, вообще не было никакого морального фундамента: ислама еще не было. Мои родители: отец — коммунист, мама не была активной мусульманкой. Весь ислам концентрировался вокруг похорон и все. Адыгский моральный кодекс «Адыгэ Хабзэ» уже не работал. Я в 14 лет пошел в ПТУ, потом его бросил и начал в 17 лет употреблять наркотики. Жизнь пошла под откос. Так я жил примерно 10 лет, в разных местах: Майкоп, Краснодар и т.д. Я видел потом, что мои сверстники-адыги принимали ислам, который «повышал их статус». После принятия ислама они начинали говорить: «Я — мусульманин, а русские — свиньи». Мне такой ислам не нравился, я ко всем народам хорошо относился. В какой-то момент я понял, что качусь в пропасть, и я пытался что-то сделать, но у меня ничего не получалось. В то время в пос. Яблоновский у меня был знакомый, который тоже был наркоманом. Но вдруг я узнал, что он отказался от наркотиков, женился, стал жить нормальной жизнью. Я пошел к нему и спросил, как ему это удалось. И он рассказал мне о Христе. И сказал: «Хочешь, приходи к нам в церковь». Это был 2002 год. Я пришел — это было в воскресенье, в Краснодаре. Во время службы есть такой этап — призыв к покаянию. И я покался при всех в своей привязанности к наркотикам. И вдруг я вышел после собрания — и почувствовал себя иным, свободным от наркотиков. Больше я никогда их не употреблял. И алкоголь тоже. И никак специально не лечился. Прошло с тех пор уже 15 лет. Я начал регулярно посещать эту церковь. Со временем стал пастором. Уже сам крестил более 130 человек, среди них были и адыги».

Православие адыгов

Хотя в Адыгее нет (и не было) явных межнациональных конфликтов, адыги убеждены, что в XIX веке в ходе Кавказской войны Российская империя совершила в их отношении геноцид. В этом контексте православие как религия четко ассоциируется у адыгов с Россией, и к православию они относятся значительно хуже, чем к протестантизму. И все же в Адыгее есть и свои адыги — члены православных общин, но их значительно меньше, чем протестантов. Православный священник о. Сергей, ныне настоятель церкви в ст. Ханской рассказал, что он лично за 5 лет своего служения крестил около 10 адыгов²⁰. Есть православные адыги и в руководстве республики Адыгея²¹. В Интернете есть сайт «крещенные адыги», на котором православные адыги описывают свой духовный опыт. Например, в Кабардино-Балкарской Республике есть священник-кабардинец, в Адыгее пока такого нет. Известно, что один адыг из Адыгеи стал монахом Оптиной пустыни. Есть адыги, которые не принимают обряд православного крещения, но тем не менее обращаются к священникам с просьбой освятить дом или квартиру, а также совершить молитвы о здравии. Иногда с такими же просьбами адыги обращаются и к

¹⁸ ПМА — 2009.

¹⁹ ПМА — 2016.

²⁰ ПМА — 2017.

²¹ ПМА — 2009.

священнику Армянской Апостольской Церкви Майкопа²². Иногда адыги, боясь осуждения, едут в Краснодар, чтобы там зайти в православный храм и поставить свечку²³.

Православный священник рассказывает о посещении домов таких адыгов: «Приходишь к ним в дом и видишь там молитвы на арабском языке. А мне ведь надо во время освящения кресты поставить, ну вот я маленькие крестики делаю, чтобы они не бросались в глаза. Это дома, как правило, «непрактикующих мусульман»²⁴.

Опишем путь в православную общину адыга из Уляпа: «Я с детства чувствовал интерес к Богу, но был убежденно настроен против православия. Адыги в целом не любят православие. И я не любил православие. Мои родители — советские люди и были лишь этническими мусульманами, а вот бабушки — одна из Уляпа, а другая из Пшизо — соблюдали все исламские обряды и были религиозными. Потом я начал посещать соборную мечеть в Майкопе. Ходил я туда года два. Узнал основы ислама, выучил арабские молитвы. Это было в 2000-х годах. Догматически ислам меня почти устраивал. Я посещал мечеть несколько лет. Там были симпатичные ребята. Но это был период иностранных миссионеров, которые проповедовали «чистый ислам», который, безусловно, нес элементы агрессивности. Я понял, что и в самом исламе есть элементы агрессивности.

Безусловно, в исламе приобретаются некоторые ступени духовности, но потом возникает тупик — ислам очень формален. И потом я понял, что он возник из христианства, собственно, из Ветхого Завета. И в самом исламе нет Бога, Мухаммед — не Бог. И я ушел в восточные учения, которые неофициально тоже есть в Адыгее. Потом я пошел к протестантам, к пятидесятникам. Они сильно меня привлекали. Но потом я и от них ушел. Я чувствовал, что традиционные религии меня не удовлетворяют. И лишь потом я пришел к православию»²⁵.

Отношение адыгов-христиан к этнической культуре

Как мы уже отмечали, адыги, которые стали членами протестантских общин, убеждены, что адыгская культура, адыгский моральный кодекс «Адыгэ Хабзэ» не только «не работают» в современном адыгском обществе, но практически перестали «работать» еще в 1990-х годах. Потому люди и стали искать для себя новые идеологии. В настоящее время в адыгском обществе происходит значительное социально-экономическое расслоение, и традиционные нормы поведения не способны объединить адыгов. Появляется элита, которая говорит: «Адыгэ Хабзе» — это для бедных». В разных слоях общества формируются «разные морали».

Если «практикующие» мусульмане свою новую исламскую идеологию строили на ревизии адыгских традиций и практически отказываясь от них, считая себя прежде всего мусульманами и лишь затем — адыгами, иными словами, развивая религиозную идентичность в ущерб этнической, то адыги-христиане не отказываются от адыгских ценностей, адыгской идентичности. Для большинства из них противоречий между остатками адыгской культуры и христианской идеологией практически нет, за исключением некоторых норм адыгского этикета.

Так, адыг-пятидесятник рассказывал: «Есть некоторые правила Адыгэ Хабзе, которые мы соблюдаем: почитание старших, семейные ценности, но многие традиции ушли, например

²² ПМА — 2017.

²³ ПМА — 2016.

²⁴ ПМА — 2017.

²⁵ Там же.

определение профессии ребенка по выбору вещи и т.д. Я бываю на адыгских похоронах, они проходят по-мусульмански. Когда мулла читает арабские молитвы, я в это время читаю вслух свои молитвы. Я общаюсь с родственниками-мусульманами. Все же адыгский фундамент у меня есть. И есть адыгское самосознание. Например, если мне удастся адыга перевести в свою веру и освободить от наркотиков, мне это особенно приятно»²⁶.

Адыг-баптист так дополняет рассказ протестанта: «Многие стороны этикета, взаимоотношения мужчины и женщины, мужа и жены для меня стали странными. Например, по адыгскому этикету женщина должна идти поодаль от мужчины, более почетная сторона — правая сторона, поэтому мужчина должен идти справа; традиции калыма, похищения невесты и некоторые другие кажутся мне странными. Все это я перестал соблюдать и одобрять, когда стал посещать баптистскую общину»²⁷.

По мнению самих адыгов-христиан, в целом, когда человек приходит в общину, его национальная идентичность постепенно ослабевает; тем не менее в первое время его неопитства этнические корни влияют на религиозную жизнь²⁸. Со временем адыги-христиане начинают в большей степени общаться не с адыгами, а с членами своей общины независимо от национальной принадлежности. Все члены религиозной общины в масштабах всей Республики Адыгея и даже Краснодарского края — это едва ли не наиболее важный круг общения верующих. Например, общительного адыга Р., члена баптистской церкви г. Адыгейска, хорошо принимают русские баптисты в разных населенных пунктах Адыгеи²⁹.

Протестантизм и ислам

Как мы уже отмечали выше, основными претензиями адыгов-протестантов к современному исламу в Адыгее являются следующие: номинальность ислама — в основном имамы и муллы — люди необразованные, арабского языка не знают³⁰. В своих проповедях адыги-баптисты критически отзываются об исламе, исламском образе жизни и исламской идеологии³¹.

«В исламе мощное движение молодежи. Люди приходят в ислам и начинают резать головы со словами «Аллах акбар». И многие уходят из ислама. Это не ислам. Адыги-мусульмане не знают Бога, идут по ложному пути, и путь не может привести к Христу», — говорил адыг-баптист³².

Мы проводили опросы адыгских неопитов. В большинстве случаев реакции родственников, друзей, соседей, адыгской сельской общественности на смену религиозной принадлежности их собрата крайне негативные. Иногда друзья, оказавшись в различных религиозных общинах, перестают общаться. Были две подруги-мусульманки, одна стала посещать Дом молитвы Свидетелей Иеговы. Подруга-мусульманка заинтересовалась этой общиной, сходила с ней к иеговистам, и потом... перестала общаться вообще³³. Супружеская пара баптистов из аула Джерокай рассказывала, что родственники отказываются от них³⁴. «Родовые связи» создают значительное препятствие для вступления адыгов в протестантские общины³⁵.

²⁶ ПМА — 2017.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ ПМА — 2016.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ ПМА — 2009.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

Адыг рассказывал, что, когда он ушел из мусульманской общины и принял христианство, родственники перестали с ним здороваться. В целом, адыги рассматривают уход своего родственника в какую-либо христианскую общину как позор для всего рода³⁶.

Другой адыг, перешедший в общину пятидесятников, так рассказывал о реакции своих друзей: «Как-то я встретил в своем пос. Яблоновский ингуша И., с которым вместе учился в школе и дружил в те годы. Когда он узнал, что я принял христианство, он стал возмущаться и говорить, что я предал «веру предков». Мы раньше были дружны, теперь редко видимся. Я его приглашал к себе на хутор, но он не приехал. У меня нет родных братьев и сестер, но много двоюродных, троюродных, родственников у меня хватает. Большинство не приняло. Я общаюсь с родственниками-мусульманами. Все же адыгский фундамент у меня есть. И есть адыгское самосознание. Был такой случай: заболел серьезно мой дядя, попал даже в реанимацию, и мои родственники вызвали меня, чтобы я прямо в больницу пришел и там помолился за него. Я так и сделал, все было хорошо»³⁷.

Адыг-баптист Р. рассказывал: «Мои родственники из Адыгейска завели меня в большой зал и начали жестко говорить: «Христос — это Бог русских». Дядя мне сказал: «Если ты будешь нам говорить про баптистов, я тебя пристрелю». Родственники отказались со мной общаться. Недавно племянник Аслан женился, меня не пригласили на свадьбу. Я женился на русской и был вынужден уехать из аула на жительство в Краснодар»³⁸.

Иногда адыги обращаются даже в государственные институты, чтобы те помогли вернуть их родственников из протестантских общин. Так, уполномоченный по правам человека в Республике Адыгея получил жалобу от адыгейца из аула Энем, жена которого стала посещать одну из протестантских церквей. В это вмешались администрация Тахтамукайского района, Прокуратура и оперуполномоченный. В результате супругу удалось вернуть в семью³⁹.

Между тем любопытно то, что адыги-протестанты, много лет состоявшие в своих общинах, тем не менее сами (перед смертью) или их родственники (после их смерти) просят захоронить их на своих адыгских (т.е. мусульманских) кладбищах. Пастор С. из баптистской церкви рассказывал, что в 2016 году в одном из адыгских аулов умер баптист-адыг Р., близким родственникам-мусульманам удалось уговорить имама похоронить его на местном кладбище по мусульмански⁴⁰. Но есть и другие свидетельства. На информационном сайте Regnum описан случай, когда имам-адыг Б. Губжоков из сел. Серноводское Ставропольского края не разрешил родственникам умершей женщины — члена общины Свидетелей Иеговы похоронить ее на местном кладбище по мусульманским традициям. Имам следующим образом обосновал свой отказ: «Вступив в секту, она отвернулась от Всевышнего, сошла с праведного пути, поэтому я отказал ее родственникам в просьбе похоронить покойную по мусульманским обычаям, рядом с мусульманами. Я отказал и посоветовал похоронить ее где-нибудь в другом месте»⁴¹.

Безусловно, мусульмане относятся к христианству недружелюбно. Бывший долгое время в должности муфтия Духовного управления мусульман Адыгеи и Краснодарского края Нурби Емиж был убежден, что «молодые адыгейцы идут в секты из-за денег... и поверьте, секты в России пользы не приносят»⁴². Думается, что в основе прихода адыгов в протестантские общины лежит кризис горской идеологии, кризис собственной идентичности.

³⁶ Там же.

³⁷ ПМА — 2017.

³⁸ ПМА — 2016.

³⁹ ПМА — 2017.

⁴⁰ ПМА — 2016.

⁴¹ Имам отказал в похоронах ставропольской иеговистки по мусульманским обычаям [<https://regnum.ru/news/accidents/2224988.html>], 9 января 2017.

⁴² ПМА — 2009. Интервью с муфтием Республики Адыгея и Краснодарского края Нурби Моссовичем Емижем, 21 октября 2009 года, Майкоп.

Жизнь адыгов-христиан

В целом, протестантские общины живут обособленно, общаются только с членами своих общин, супругов находят в своих общинах. Так, адыг из пос. Яблоновский взял себе жену из общины пятидесятников — лачку из Дагестана. Любопытен и другой случай: один адыг-мусульманин разочаровался в исламе, долго был в религиозных поисках, наконец принял православное крещение. У него остались друзья во всех общинах (мусульманских, протестантских, восточных), в которых он был некоторое время, но при этом он подчеркивал, что с представителями некоторых религий легче дружить, представителями других — тяжелее. Легче — с представителями восточных учений (поскольку восточные⁴³ религии сами по себе более миролюбивы), труднее — с мусульманами (в исламе есть элемент агрессивности, поэтому мусульмане в целом более жесткие и нетерпимые)⁴⁴.

Адыг из общины пятидесятников уже 7 лет занимается помощью наркоманам и алкоголикам. Он вместе со своей семьей и 20—30 социально неблагополучными людьми проживает на отдаленном хуторе в Краснодарском крае. По его утверждению, из 850 человек, которые прошли через его центр, удалось помочь примерно 70. Все они приняли крещение и стали пятидесятниками. Иногда к нему приезжают и мусульмане-адыги. Узнав, что для реабилитации следует менять веру, некоторые уезжают, отказываясь от этой помощи, а некоторые остаются, принимают крещение и вылечиваются, создают семьи и живут очень хорошо (например, черкес З. из мусульманской семьи Карачаево-Черкесии недавно женился на прихожанке пятидесятнической церкви)⁴⁵.

Заключение

Религиозное возрождение 1990-х годов привело в Адыгее не к сочетанию традиционных для данного региона религий — ислама и православия, а к формированию культурно-религиозной мозаики, в которой присутствуют и другие религиозные направления, главным образом протестантизм в разных его формах. В этой религиозной мозаике ведут свои духовные поиски коренные народы Северного Кавказа. Создание новой для горцев общины адыгов-христиан свидетельствует о постепенном ослаблении национальных факторов в жизни общества, о появлении новых для адыгского общества тенденций в поисках горских идеологий.

⁴³ См.: Ляушева С., Нехай В., Хунагов Р., Шхачемукова Б. Социоинтегративный потенциал традиционной адыгской культуры как фактор преодоления межэтнической напряженности на Кавказе в условиях глобализации // Центральная Азия и Кавказ, 2016, № 3. С. 123—132; Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Республика Адыгея. Особенности исторического развития религии. В кн.: Религиозно-общественная жизнь российских регионов. М., 2014. С. 7—32.

⁴⁴ ПИМА — 2017.

⁴⁵ Там же.

Содержание номеров журнала
«Центральная Азия и Кавказ»
Том 20 за 2017 г.

Выпуск 1

	<i>Стр.</i>
<i>Асия Корженгулова, Людмила Шкваря, Мария Меланьина.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕВРОСОЮЗА И РОССИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ	7
<i>Маркос Троулис.</i> КАВКАЗ В ЭПОХУ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОТ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК К КЛЮЧЕВОЙ БУФЕРНОЙ ЗОНЕ	15
<i>Ахмед Мехбуб.</i> ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ИНДИЕЙ, ПАКИСТАНОМ И АФГАНИСТАНОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ	26
<i>Алла Карабулатова, Леонид Ким.</i> СПЕЦИФИКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАЗАХСТАНА И САУДОВСКОЙ АРАВИИ В УСЛОВИЯХ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ	37
<i>Сергей Рязанцев, Игорь Богданов, Валентина Доброхлеб, Артем Лукьянец.</i> МИГРАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С РОССИЕЙ И КАЗАХСТАНОМ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕАЭС	44
<i>Сергей Жильцов.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КАСПИЙСКОГО МОРЯ: ПОЗИЦИИ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ И УГЛЕВОДОРОДНЫЕ РЕСУРСЫ	57
<i>Гульнар Аскеева, Багши Габдулина, Елена Нечаева, Жанар Смакова.</i> ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	71
<i>Кадыржан Смагулов, Кулимкоз Сантаева, Ержан Буланов, Наталья Ем.</i> КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ПЕРИОД МЕЖДУ «СТРАТЕГИЕЙ-2030» И «СТРАТЕГИЕЙ-2050»	85
<i>Али Салгириев, Марет Бетильмерзаева, Абдула Ахтаев, Ваха Газиев.</i> ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	95

	<i>Стр.</i>
<i>Людмила Шкваря, Ирина Карабулатова, Василий Русакович, Абдулла Рапиев.</i> ВЛИЯНИЕ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА И ЕАЭС НА РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В КАЗАХСТАНЕ	103
<i>Жанна Голодова, Лора Федякина, Юлия Ранчинская.</i> РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ МОНЕТАРНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА	111
<i>Молдир Сейдина, Ирина Карабулатова, Зинаида Полива, Анастасия Зинченко.</i> СОВРЕМЕННЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ИСЛАМСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ	121
<i>Ирина Карабулатова.</i> ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ	132
<i>Марет Бетильмерзаева, Абдула Ахтаев, Бастани Садулаев, Али Салгириев.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИИ И ГОСУДАРСТВА: ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	139

Выпуск 2

<i>Сергей Жильцов, Владимир Штоль, Варвара Блищенко.</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ПОЛИТИКА ЗАПАДНЫХ СТРАН	7
<i>Юлия Эбзеева.</i> МЕСТО ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ РОССИИ	18
<i>Татьяна Крейденко, Татьяна Адашова, Мария Меланьина, Анна Кореневская.</i> ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ГАЗА КАК ОПТИМИЗАЦИЯ МОДЕЛИ ЛОКАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	26
<i>Фаиз Хизбуллин, Гульнур Ахмедина, Анна Ростова, Светлана Шилина.</i> УГЛЕВОДОРОДНЫЕ РЕСУРСЫ КАК ОБЪЕКТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА	34
<i>Ирина Бабич.</i> ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗЦЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ	44
<i>Ирина Карабулатова, Сергей Рязанцев, Роман Маньшин, Зафар Вазиров.</i> КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В СТРАНЫ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	60
<i>Николай Борисов.</i> ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПЕРСОНАЛИЗМА: ИНСТИТУТ ЛИДЕРА НАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	69
<i>Кадыржан Смагулов, Шолпан Жандосова, Назгуль Байгабатова, Альфия Калханова.</i> АНАЛИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ ПО ПАРТИЙНЫМ СПИСКАМ В КАЗАХСТАНЕ ЗА 1999—2016 ГОДЫ	82

Стр.

<i>Виктория Котлярова, Андрей Руденко, Петр Пономарев.</i> ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	93
<i>Оралбай Кабул, Асель Беркимбаева, Бигайша Ахметова, Бибигуль Беркенова.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ ТАДЖИКИСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА	102
<i>Наталья Дубинина.</i> РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В МУСУЛЬМАНСКИХ РЕГИОНАХ РОССИИ	110
<i>Юлия Эбзеева, Наталья Дубинина.</i> ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА В СТРАНАХ ЕС И ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА	117

Выпуск 3

<i>Рашид Хунагов, Светлана Ляужева, Асиет Шадже, Зуриет Жаде.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	7
<i>Кенан Аллахвердиев.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	15
<i>Максим Кирчанов.</i> ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ И ВООБРАЖЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ: КАРТВЕЛИЗМ КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ТРАДИЦИЯ	28
<i>Сергей Рязанцев, Александр Тер-Акопов, Елена Письменная, Анна Лукьянова.</i> ДИАСПОРЫ КАК НЕФОРМАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ	38
<i>Сергей Рязанцев, Александр Тер-Акопов, Елена Письменная, Марина Храмова.</i> СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В ЕАЭС В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	47
<i>Сергей Жильцов, Владимир Штоль, Владимир Егоров.</i> ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	57
<i>Канат Ыдырыс, Серикбай Ыдырыс, Малика Мунасипова, Гулдана Темирбаева.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	67
<i>Фарух Усмонов, Фумиаки Инагаки.</i> РОЛЬ ЯПОНИИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ТАДЖИКИСТАНА: УЧАСТИЕ, СЛОЖИВШАЯСЯ СИТУАЦИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	76
<i>Гюльнара Гаджимурадова, Валентина Доброхлеб, Вадим Безвербный, Марина Храмова.</i> РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НА КАВКАЗЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	86
<i>Вахит Акаев, Борят Нанаева.</i> РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОСРЕДСТВОМ МОБИЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РЕСУРСА	96

Стр.

<i>Ирина Карабулатова, Светлана Галиуллина, Ксения Котик.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ	103
---	-----

Выпуск 4

<i>Амина Аубакирова, Самажан Умирзаков, Нурахмет Айтенов.</i> НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (Взгляд из Казахстана)	7
<i>Сергей Жильцов, Дмитрий Слизовский, Надежда Шуленина, Евгений Бажанов.</i> ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	21
<i>Мухтар Ахмед Бхат.</i> МЕСТО ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В ИРАНО-ТУРКМЕНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ	32
<i>Фидан Исмаилова.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ УРОВНЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИКУ И УСТОЙЧИВОСТЬЮ ЕЕ К КРИЗИСАМ	38
<i>Роза Нуртазина, Арман Токтушаков.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (на примере Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана)	49
<i>Елена Письменная, Сергей Рязанцев, Олег Пичков, Артем Лукьянец.</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ	61
<i>Алла Иванова, Сергей Рязанцев.</i> ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	69
<i>Роман Подопригора, Наргис Касенова.</i> ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	79
<i>Светлана Галиуллина, Артур Сулейманов, Гульсина Ниязова, Юлия Баулина.</i> ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ	91
<i>Ирина Карабулатова, Майя Полехина, Светлана Ляушева, Наталья Дубинина.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА СУФИЗМА В ЭКСПРЕССИВНЫЙ ДИСКУРС ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ «НАРОДНОГО ИСЛАМА»	99
<i>Вахит АКАЕВ, Мурад Келигов, Борят НАНАЕВА.</i> ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ	107
<i>Ирина Бабич.</i> СОВРЕМЕННЫЕ АДЫГИ-ХРИСТИАНЕ	116